

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 38 (2024)

КУКИ *и* Т

Министерство культуры Республики Крым
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования Республики Крым
«Крымский университет культуры, искусств и туризма»

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 38 (2024)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТИПОГРАФИЯ

АНТИКВА

Симферополь
2024

*Рекомендовано к печати Ученым советом
ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»
(протокол № 8 от 26.09.2024 г.)*

Главный редактор – В. А. Горенкин, заслуженный работник культуры Республики Крым, кандидат политических наук, доцент, ректор ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Заместитель главного редактора – А. Ю. Микитинец, кандидат философских наук, доцент, проректор по научной работе и информационной политике ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»

Члены редакционной коллегии

*Б. П. Борисов, доктор философских наук, профессор
А. А. Горбачев, доктор педагогических наук, профессор
Э. Э. Ибрагимов, доктор экономических наук, доцент
Е. В. Команова, кандидат культурологии, доцент
Н. В. Котляревская, кандидат педагогических наук, доцент
Н. И. Лубашова, доктор философских наук, профессор
О. И. Микитинец, кандидат философских наук, доцент
В. И. Нилова, доктор искусствоведения, профессор
А. В. Норманская, кандидат культурологии, доцент,
заслуженный работник культуры Республики Крым
О. В. Резник, доктор филологических наук, профессор
О. В. Романько, доктор исторических наук, профессор
А. В. Севастьянов, кандидат исторических наук
М. Р. Скоробогатова, доктор педагогических наук, доцент
А. В. Швецова, доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник образования Республики Крым
А. Д. Шоркин, доктор философских наук, профессор
Л. А. Штомпель, доктор философских наук, профессор
О. М. Штомпель, доктор философских наук, профессор*

Г. Н. Гржибовская, заслуженный работник культуры Автономной Республики Крым, – литературный редактор

И. В. Чепурина, кандидат филологических наук, доцент, – ответственный секретарь

Таврические студии, № 38 / ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма». – Симферополь: ООО «Антиква», 2024. – 98 с.

Учредитель: Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма».

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

За достоверность информации, содержание статей редакция ответственности не несет. Мнения, высказанные авторами в статьях, могут не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.

ISSN 2307-8758 (print)

© ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма», 2024
© Оформление (оригинал-макет),
ООО «Антиква», 2024

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 301:008

А. О. Гетманенко

Социокультурное проектирование в современной России как инструмент выстраивания коммуникативной модели культурной политики

В статье рассматриваются вопросы реализации социокультурных проектов как инструмента реализации целей и задач культурной политики. Отмечается, что в контексте формирования коммуникативной модели культурной политики необходимой является трансформация субъектного состава, а именно его расширение и развитие субъект-субъектных интеграций как механизма, способного обеспечить качественные преобразования социокультурной среды.

Ключевые слова: культурная политика, социокультурное проектирование, субъекты культурной политики, акторы культурной политики.

Введение. Социокультурное проектирование – эффективная технология, которая получает широкое распространение и используется в качестве механизма достижения значимых изменений и разрешения существующих проблем в условиях ограниченности ресурсов. Первоначально внедрение элементов социокультурного проектирования в управление различными сферами носило реакционный характер и было обусловлено поиском инструментов, способных обеспечить скорость внедрения разработок в условиях быстро меняющегося мира.

В настоящий момент социокультурное проектирование укрепило свои позиции, а освоение проектных тех-

нологий рассматривается как базовая компетенция, способствующая актуализации креативного потенциала общества и аккумулирующая его усилия для достижения социально-значимых целей. Однако анализ предлагаемых проектных решений позволяет выявить их не всегда концептуализированный характер, частое повторение аналогичных подходов и моделей, дублирование и тиражирование.

Целью данной статьи является анализ потенциала социокультурного проектирования как инструмента внедрения и построения коммуникативной модели культурной политики в России, основанной на принципах взаимодополняемости субъектов и предполагаю-

щей их сотрудничество при выработке решений, способных обеспечить стабильные качественные преобразования. Объектом исследования является социокультурное проектирование, предметом – интеграционный потенциал социокультурного проектирования как основы построения коммуникативной модели культурной политики в современной России.

Изложение основного материала.

В настоящее время наиболее значимым для России вектором развития становится обретение суверенитета не только в вопросах экономики, производства, научно-технологического развития, но и сохранения культурной идентичности. В этой связи, анализируя вопросы культурной политики с целью определения ее приоритетов и ключевых векторов развития, О. Н. Астафьева выделяет в качестве инновационной и в наибольшей степени отвечающей «запросу» коммуникативную модель культурной политики. Так, отмечается, что социокультурное проектирование является тем особым механизмом, который, с одной стороны, обеспечивает эффективное развитие устойчивой инфраструктуры системы бюджетных учреждений культуры, с другой – создает условия и потенциал для развития креативных индустрий, обеспечивая постоянный приток инноваций в сферу культуры и создавая эффективные инструменты сохранения культурных традиций, укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей. В частности, О. Н. Астафьева отмечает, что «система управления социокультурным проектированием уже не отвечает на линейную упрощенную парадигму «вход-выход», «цель-результат», а выступает как фактор и условие самоорганизации, поскольку много-субъектная нелинейная система управления запускает механизм самовоспроизведения (аутопоэзис) региональных сообществ» [2, с. 55].

Подчеркивается, что на современном этапе приоритетным и важным становится создание комплексных проектов, интегрирующих потенциал различных

субъектов. Важно при этом, что субъект находится не в констатирующей позиции субъекта как участника (в том числе потенциального) коммуникативных процессов внутри культуры, но актора, чья позиция, в свою очередь, является активно-деятельностной.

Как отмечает Л. Е. Востряков, «в качестве акторов трансформационного процесса имеет смысл рассматривать тех социальных субъектов, действия которых непосредственно вызывают или косвенно влекут за собой сдвиги в базовых институтах общества (независимо от осознания этого самими субъектами)» [3, с. 60]. При этом подчеркивается, что такая субъектно-деятельностная активность рождается на основе свободы выбора и действия. С позиции социокультурного проектирования, в частности, и культурной политики в целом отмечается расширение состава акторов: в их число входят не только образовательные и культурные институты, но и общественные организации, субъекты бизнес-структур и некоммерческого сектора, индивидуальные инициаторы. Находясь в активной позиции, они стремятся к реализации собственных инициатив и активному включению в процессы преобразования социокультурной ситуации.

Таким образом, выстраивание коммуникативной модели культурной политики возможно только тогда, когда субъекты (индивиды, общности, организации некоммерческого сектора, бюджетные учреждения и т. д.) занимают проактивную позицию и действуют сонаправленно. Именно в этом случае представляется возможным достижение стратегических целей развития государства.

При отсутствии интенций к наращиванию интеграционных практик и актуализации интеграционного потенциала субъект-субъектных взаимосвязей в культурной политике возникает высокий уровень риска возникновения тенденций тиражирования и популизма: не принимая во внимание возможности достижения синергетических

эффектов от создания социокультурных проектов интегративного характера, субъекты предлагают локальные атомизированные проектные решения, каждое из которых не способно в рамках присутствующих в каждом проекте ресурсных ограничений преодолеть барьер, стоящий на пути достижения стабильных качественных изменений в социуме. Данные тенденции негативно сказываются на обеспечении устойчивых преобразований, достижении показателей повышения качества жизни общества и создают условия для развития в обществе стереотипов, согласно которым отдельная инициатива может произвести эффект «здесь и сейчас», но не обеспечить дальнейшее сопровождение и поддержку той целевой аудитории, на решение проблем которой проект направлен.

Кроме того, в современных условиях активизируется и интенсифицируется тенденция, в рамках которой наибольшей поддержкой и, соответственно, большими ресурсными возможностями обладают проекты, инициированные крупными организациями или созданные при участии лидеров мнений, персон, которые уже имеют значительный опыт реализации проектов и высокий уровень воздействия на социокультурные преобразования. Очевидно, что причиной этому является потенциальная гарантия достижения целей и ожидаемых показателей результатов проекта. Однако важно помнить, что изначальный смысл социокультурного проектирования заключается в том числе в активизации включения гражданского общества в решение социально-значимых проблем, создания условий гражданской консолидации. И в этой связи в качестве ключевого актора социокультурного проектирования в 2010-х годах выступали организации некоммерческого сектора, развитие и укрепление которого рассматривалось как приоритетное и с экономической позиции, и с точки зрения культурной политики. Предполагалось, что некоммерческие организации различных видов (автономные, фонды,

объединения и т. д.), объединяющие инициативных индивидов, станут мощным триггером культурного развития страны. И действительно, данные Федеральной службы статистики позволяют выявить увеличение доли людей, занятых в некоммерческом секторе, а также медленный, но отмечаемый рост доли ВВП: 0,2% в 2018 г. и 0,3% в 2022 г. При этом отмечается, что «...несмотря на невысокую долю НКО в ВВП Российской Федерации в целом, вклад этих организаций в создание услуг социального характера влияет на уровень и качество жизни населения и требует надежной информационной основы для их статистической оценки» [4]. Таким образом подчеркивается, что основным результатом деятельности организаций некоммерческого сектора является возникновение и создание условий обеспечения стабильности социальных эффектов, характеризующих качественное преобразование социокультурной ситуации. И здесь обнаруживается функциональное разделение: организации некоммерческого сектора оказывают *преобразующее воздействие* на социокультурную ситуацию, в то время как креативные индустрии предстают в качестве *экономического субъекта*, способного обеспечить извлечение и максимизацию экономических эффектов от использования продуктов интеллектуальной деятельности.

Вместе с тем в последние годы постоянной поддержкой (имеется в виду факт модернизации проекта и его выдвижения на конкурс в течение нескольких лет подряд) грантодателей пользуются проекты некоммерческих организаций, созданных как подразделения государственных учреждений или учрежденных их представителями. По нашему мнению, развитие таких тенденций может привести к сокращению активности некоммерческого сектора, сокращению количества организаций. Кроме того, возникает риск развития негативистских настроений внутри общества в случае, когда гражданские инициативы долгое время остаются вне внимания

грантодателей и иных структур, обладающих полномочиями по оказанию некоммерческому сектору различных видов поддержки.

В этой связи единственно возможным и обладающим высоким потенциалом развития является создание на государственном уровне механизмов, обеспечивающих возможность выстраивания партнерских связей между организациями некоммерческого сектора и государственными структурами. В этом случае удастся достичь целей, которые социокультурное проектирование как механизм реализации культурной политики подразумевает, а именно:

1) «исследование, прогнозирование и проектирование основных направлений социально-культурной эволюции общества, характерных черт многонациональной российской цивилизации;

2) разработка основных принципов и направлений новой социокультурной аксиологии;

3) прогнозирование наиболее вероятных черт и параметров нового образа жизни, детерминированного складывающимися в России социально-экономическими, государственно-политическими, духовными и иными условиями» [5, с. 38].

При этом культура в контексте социокультурного проектирования рассматривается как «совокупность проектных способов и результатов освоения мира в перспективе его преобразования» [1, с. 6]. Таким образом, базовой установкой социокультурного проектирования является улучшение человеческого бытия и стремление приблизиться к созданию идеальной картины мира.

Основой деятельности организаций некоммерческого сектора (НКО) выступает взаимодействие, следовательно, НКО, как культурные институты, выступают в качестве центра формирования и развития культуры соучастия. Сам принцип объединения индивидов на основе не только общности интересов, но и единства целей разрешения социально-значимых проблем в контексте деятельности НКО актуализируется как в формировании внутренней среды НКО

(взаимодействие членов команды), так и во внешней среде, обуславливая формирование сообщества индивидов на основе общности ценностей и продуцируя ценности, характерные для этой группы. Именно такая ценностно-коммуникационная основа, по нашему мнению, может выступать в качестве основы внедрения проектных технологий с целью обеспечения естественного развития культуры как целостной системы. И здесь акцент смещается на необходимость соблюдения при реализации социокультурных проектов принципов соразмерности и критического порога модификаций. Отсюда следует, что социокультурное проектирование по своей сущности, а также в контексте реализации государственной культурной политики, в основе которой лежит ценностная модель культуры, базирующаяся на традиционных духовно-нравственных ценностях, ориентируется в первую очередь не на инновационно-модернизационный потенциал проектных технологий, но на сохранение традиций. При этом оно рассматривается как основа развития, его ключевой элемент. Следовательно, приоритетной задачей социокультурного проектирования, отмечает О. Ю. Астахов, является поддержка ценностей, норм и культурных практик, таких как:

- отфильтрованность историческим опытом;

- основание на принципах нравственности и гуманизма;

- отражение особенности территорий;

- выступление в качестве социокультурных стабилизаторов жизнедеятельности [1, с. 19–22].

Важно отметить, что достижение данных установок возможно только в том случае, если проектные решения будут рождаться и реализовываться, опираясь на потенциал, ресурсы и возможности различных субъектов. Культура, как целостная система и объект преобразования, требует выработки системных решений, основанных на глубокой научной базе, аккумулирующих потенциал различных акторов, предпо-

лагающих их взаимодействие на основе принципов партнерства и сотрудничества. Только при таких условиях решения и результаты, достигаемые в рамках социокультурных проектов, не будут носить разрозненный характер и будут способствовать достижению национальных стратегических целей.

Выводы. Анализ ситуации расширения субъектного состава культурной политики, включение в него акторов из иных сфер позволяет обнаружить ситуацию, при которой проектные решения имеют активный количественный прирост, однако с точки зрения качественных преобразований носят разрозненный характер

и не всегда имеют четкую концепцию. Разрешение данной ситуации представляется возможным в условиях расширения коммуникативного пространства межсубъектных связей. Особую роль при этом играют организации некоммерческого сектора, так как в них наиболее активно происходит взаимодействие членов общества на основе принципов соучастия. Объединение некоммерческих организаций с другими культурными институтами и рыночными акторами, а также их активное включение в поддержку индивидуальных инициатив представляется основой коммуникативной модели культурной политики.

1. Астафьева О. Н. Самоорганизационные компоненты социокультурного проектирования в регионах Российской Федерации / О. Н. Астафьева // Современная действительность сквозь призму культурологического знания: материалы международного научно-творческого форума (научной конференции) «Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века» (Челябинск, 12–13 ноября 2020 г.). – Челябинск: ЧГИК, 2020. – С. 54–63.

2. Астахов О. Ю. Теория и методика социокультурного проектирования: учебное пособие / О. Ю. Астахов, А. В. Двуреченская. – Кемерово: КемГИК, 2020. – 152 с.

3. Востряков Л. Е. Государственная культурная политика: понятие и модели: монография / Л. Е. Востряков. – Санкт-Петербург: Издательство СЗИ РАНХиГС, 2011. – 168 с.

4. Росстат узнает вклад НКО в экономику страны // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/230920> (дата обращения: 29.08.2024 г.).

5. Флиер А. Я. Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии. – Москва: Академический Проект, 2000. – 496 с.

Sociocultural design in modern Russia as a tool for building a communication model of cultural policy

The article examines the implementation of socio-cultural projects as a tool for achieving the goals and objectives of cultural policy. It is noted that in the context of the formation of a communicative model of cultural policy, it is necessary to transform the subject composition, namely, its expansion and development of subject-subject integrations as a mechanism capable of ensuring qualitative transformations of the socio-cultural environment.

Keywords: cultural policy, socio-cultural design, subjects of cultural policy, actors of cultural policy.

УДК 821.161.1-008(470.75)

Н. Ю. Гоцанюк

Изучение «толстовского пространства» как актуализация культурного наследия

В статье исследуется многозначная категория «толстовское пространство», непосредственно связанная с русским классиком Львом Николаевичем Толстым, ресурсный потенциал которой может быть использован для регионального развития Крыма; рассматриваются ведущие подходы к изучению данного понятия. Значительное внимание уделено указанной категории с точки зрения хронотопа и культурного ландшафта. Автор приходит к выводу о том, что актуальные культурные практики позволяют расширять представление о конкретной личности, исследовать произведения и страницы ее биографии, наиболее ценные для читателя.

Ключевые слова: культурология, региональное развитие, культурная территория, хронотоп, культурное пространство, Л. Н. Толстой, Крым.

Введение. 2025 год – год двухсотлетия со дня рождения великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. Чтение его произведений – ключевое направление приобщения молодежи к наследию прошлого. В них наряду с занимательным сюжетом мы изучаем глубокие философские мысли автора, позволяющие оживить восприятие классики, сделать объект культурного наследия актуальным и популярным. В то же время именно в Крыму, в ходе участия в Крымской войне, сформировались взгляды Льва Николаевича на войну и мир, столь важные сегодня. В Крыму же, в ходе двух следующих приездов, писатель презентует в непосредственном общении с философом Н. Данилевским и рядом писателей свое восприятие жизни и ключевых ценностей существования. Именно поэтому в ряде своих публикаций (в изданиях «Litera», «Общество: философия, история, куль-

тура» и др.) мы вводим биографически обусловленное понятие «толстовское пространство Крыма». Как показывает практика, выбор оснований для изучения данного понятия достаточно сложен, так как пространство – объект культурологически противоречивый. В настоящей статье презентуются несколько точек зрения на его актуализацию в целом. Конкретная категория – «толстовское пространство» – важна не только для популяризации Крыма, но и для целостного укрепления культуры России XXI века.

Изложение основного материала. В качестве одного из исследовательских направлений современной науки, характеризующих ключевые аспекты пространства, выступает хронотоп (от др.-греч. χρόνος «время» и τόπος «место») – закономерная связь пространственно-временных координат. Данный термин введен А. А. Ухтомским.

В феноменологии время и пространство рассматриваются как творческие предпосылки жизни человека. Согласно философскому словарю, теории пространства и времени «...служат экспликации того, в каких именно координатах и векторах описываются динамика и статика человеческого существования...» [7, с. 698]. По мнению Т. Качераускаса, «...человек сам создает пространство своей экзистенции: это его собственная жизнь от рождения до смерти в обитаемой среде» [8, с. 129]. А. Н. Лукин утверждает: «В наши дни не существует общепринятой теории пространства и времени культуры...» [6, с. 39]. Пространство и время определяются культурой, которая не столько состоит из материальных ценностей, созданных человеком, сколько из духовных составляющих. Пространством занимались такие ученые, как В. Ф. Петренко («семантическое пространство»), П. Бурдье («социальная топология»), Л. Гумилев («этические поля»). Отдельного упоминания заслуживает «хронотоп» А. Я. Гуревича, который указывал на историко-культурную и социальную нагруженность понятия пространства. Выделяя понятия «пространство культуры» и «время культуры», приверженцы теории хронотопа выделяют следующие их главные признаки:

а) пространство и время культуры обусловлены масштабом и интенсивностью предметной и духовной деятельности человека;

б) способами и средствами получения, обработки и воспроизводства внегенетически передаваемой информации;

в) содержанием и иерархией смыслов, ценностей и норм культуры [6, с. 40].

Данные признаки демонстрируют обстоятельство, что через культурные пространство и время программируется поведение человечества. М. Элиаде в работе «Священное и мирское» презентует инкультурацию членов социума как перцепцию новым поколением духовных ценностей своих предков. Субъективное переживание культурного

пространства и времени разными народами, по мнению последователей хронотопа, находит свое отражение в морали, искусстве и других формах общественного сознания [6, с. 41]. Отметим, что в этом понимании хронотоп близок нашему исследованию, в частности, утверждение о том, что «одним из универсальных способов сохранения смыслового ценностного ядра культуры является обеспечение трепетного, глубоко эмоционального отношения ее носителей к святыням» [6, с. 41]. Такое отношение обусловлено включением толстовской биографии в культурный опыт современного человека. Читатель мотивирован получить как можно больше деталей, объясняющих формирование взглядов писателя в это или иное время. Одновременно понимание «толстовского пространства» включает эмоциональную составляющую туристических маршрутов. Восприятие пространства, где жил классик в определенный период, становится данью уважения к писателю и одновременно методом познания окружающего пространства через сопереживание, а не только временную константу. Данное обстоятельство указывает на то, что «хронотоп» не исчерпывает методическую глубину исследования, так как пространство культуры многомерно, но и временная иерархия значима для субъективной концепции. Ключевым моментом является утверждение, что «наиболее важную роль в организации культурного пространства имеют базовые культурные ценности, которые выступают в качестве абсолютных ориентиров» [6, с. 45].

К числу направлений, изучающих пространство, можно отнести такой метод, как «глубинная карта» (deep map). Однако он недостаточен для культурологического исследования, поэтому ограничимся лишь его упоминанием. Наиболее уместен метод, связанный не с хронотопом, а с культурным ландшафтом. В статье «К вопросу о полимасштабности культурных ландшафтов: типология и картографирование на разных территориальных уровнях» авторы

О. А. Климанова и Е. Ю. Колбовский указывают на главную черту пространства, а именно многомерность. Данное свойство рассматривается в ряде исследований. Так, в начале XX века ландшафт выступал исключительно в рамках географии как конкретное явление, в частности, в советской науке. С 1925 года зарубежная наука начинает исследовать ландшафт как явление культуры (труды К. Сауэра, У. Хоскинса и др.). Культурный ландшафт здесь анализируется как художественный способ репрезентации структурирования и наделения символами окружения человечества, проще – пространство обитания нации в пределах различных хронотопов [9, с. 32], где природа и культура неразделимы. О. А. Климанова и Е. Ю. Колбовский отмечают, что «...важно не повторять методологические заблуждения отечественного «природного» ландшафтоведения, представляя культурные ландшафты в виде иерархии вложенных «матрешек»-уровней...» [9, с. 37-38]. Однако, чтобы описать «толстовское пространство», подобная иерархия также неуместна, потому что данный ландшафт сочетает на равных культурное время и культурное пространство.

Полидисциплинарность данной категории отмечается и в других публикациях. Так, в исследовании Д. С. Берестовской «Культурные ландшафты Крыма» не только репрезентировано ключевое понятие публикации, но и отмечена его полемическая основа – «...система символов, выработанных историей культуры» [1, с. 7]. Культурный ландшафт как объект исследования содержится в работах С. В. Белкиной, В. Н. Калуцкова, А. В. Никитиной, Е. Г. Кокориной.

В статье «Культурный ландшафт как текст и культурный ландшафт как знак» исследователь Н. Г. Кокорина указывает, что «Культурные ландшафты – системы, имеющие пространственно-временной характер, предстают как сложные текстовые структуры, которые могут рассказать об истории культуры конкретной территории, о различ-

ных аспектах современной культуры, они же влияют на дальнейшее развитие местной культуры» [10, с. 130]. Данная дефиниция практически отражает ведущие векторы нашего исследования: история культурной единицы на конкретной территории, развитие восприятия современным читателем пребывания Л. Н. Толстого на крымской земле, что позволяет выделить культурный знак – «толстовское пространство».

Исследователь В. А. Леонова отмечает [1], что культурный ландшафт можно определить как освоенное, социальное, национально-историческое пространство или систему, поддерживающую весь комплекс условий, необходимых для жизни человека. Статус культурного ландшафта был зафиксирован впервые в документах ЮНЕСКО в 1992 году. Введенное понятие отнесено к категории «культурное наследие». В 1995 году на конференции министров Европы по окружающей среде была принята Панъевропейская стратегия биологического и ландшафтного разнообразия на двадцатилетний период. В ней предусматривается несколько направлений охраны ландшафта, среди которых выделяются ландшафты как наследие.

В 1999 г. в Белостоке состоялась встреча по вопросам сохранения культурных ландшафтов, входящих в список Всемирных культурных ландшафтов. Были выделены три главные проблемы: 1) идентификация и порядок определения ценности культурного ландшафта; 2) законодательство и управление культурными ландшафтами; 3) перспективы развития культурного ландшафта [2].

Эти направления можно соотнести и с «толстовским пространством» – необходимо идентифицировать его ценность, представить перспективу развития конкретных музеев, туристских маршрутов, связанных с произведениями и страницами биографии Льва Николаевича Толстого. Подобная исследовательская практика является актуальной, так как ресурсный потенциал указанного пространства может быть использован для привлечения современного читателя.

Согласно современной классификации [3], культурные ландшафты делятся на три группы: 1) целенаправленно созданные (рукотворные) – сады и парки; 2) естественно сформировавшиеся ландшафты – сельские и промышленные ландшафты; 3) ассоциативные ландшафты – ландшафты с ярко выраженными религиозными, художественными и культурными ассоциациями, а также чисто природные ландшафты, садовые ландшафты.

Отмечается, что культурные ландшафты могут иметь ярко выраженный национальный компонент, который требует выявления и сохранения. Феномен «русской культуры» в отношении культурных ландшафтов требует изучения, классификации и сохранения наиболее ярких культурных ландшафтов для каждой климатической зоны России. Добавим, что ассоциативный ландшафт оказывается наиболее близкой к «толстовскому пространству» дефиницией, так как строится на культурных ассоциациях посещающих Крым туристов.

В сборнике Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (Сибирский филиал) «Культурные ландшафты современного города» (2020) под редакцией доктора исторических наук Д. А. Алисова культурный ландшафт рассматривается как способ фиксации исторической памяти территории. В заглавной статье Д. А. Алисов уделяет внимание культурному ландшафту города как многомерному, с несколькими осями развития пространству. Первая ось – материальная (Т. Джордан, Л. Раунтри), вторая ось развития – антропогенная (духовная), то есть включающая в себя творения человеческого разума, третья – временная, историческая: «Историческая память городского культурного ландшафта яв-

ляется его важнейшей антропогенной функцией...» [4, с. 5]. Данная функция наиболее применима к толстовскому пространству, представляющему собой антропогенную сторону крымского ландшафта. Тот, кто посещает толстовские места в Крыму, должен обладать памятью и культурным восприятием ландшафта. Историческая память выражается прежде всего в топонимике, но культурологов больше интересует другой способ формирования и закрепления исторической памяти в городском культурном ландшафте – памятники и мемориальные комплексы. Сегодня актуален такой способ формирования исторической памяти в общественном сознании различных групп населения, как мемориализация, способствующий становлению социальной, национальной, этнической, политической и государственной идентичности [4, с. 16].

Исследователи культурного ландшафта выделяют основные содержательные нагрузки данного понятия: по соотношению природной и культурной составляющих; по категории смысла в культурном ландшафте; по существованию духовной составляющей; по иерархии культурных ландшафтов [5, с. 86].

Выводы. Культурный ландшафт рассматривается либо как пространство, либо как культурный комплекс природы и человеческой деятельности. Второе направление ближе всего к культурологическому исследованию «толстовского пространства», так как сочетает репрезентацию ландшафтов и культурный смысл. «Духовной составляющей» культурного ландшафта может выступать биография Льва Николаевича Толстого, который посещал Крым в разное время. Изучение «толстовского пространства» заключается в выявлении его индивидуальных и уникальных междисциплинарных характеристик.

1. Леонова В. А. Культурный ландшафт: понятия, история, проблематика / В. А. Леонова // Лесной вестник. – 2015. – № 5. – С. 83–87.

2. Веденин Ю. А. Культурные ландшафты как объект культурного и природного наследия /

- Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова // Известия Российской АН. Серия: Географическая. – 2001. – № 1. – С. 7–14.
3. Колбовский Е. Ю. Ландшафтное планирование: учебное пособие для вузов / Е. Ю. Колбовский. – Москва: Академия, 2008. – 336 с.
4. Культурные ландшафты современного города: сборник научных работ. – Текст: электронный / под ред. Д. А. Алисова, И. А. Селезневой. – Москва: Институт Наследия, 2020. – 130 с.
5. Алисов Д. А. Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма: монография / Д. А. Алисов, О. В. Гефнер, Т. Н. Золотова, Н. Ф. Хилько. – Москва: Институт наследия, 2019. – 98 с.
6. Лукин А. Н. Хронотоп культуры / А. Н. Лукин // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусства. – 2009. – № 4 (20). – С. 38–45.
7. Философия: Энциклопедический словарь. – Москва: Гардарики, 2004. – 1072 с.
8. Качераускас Т. Феноменология времени и пространства / Т. Качераускас // Вопросы философии. – 2005. – № 12. – С. 129–136.
9. Климанова О. А. К вопросу о полимасштабности культурных ландшафтов: типология и картографирование на разных территориальных уровнях / О. А. Климанова, Е. Ю. Колбовский // Известия Российской АН. Серия: Географическая. – 2015. – № 2. – С. 29–40.
10. Кокорина Е. Г. Культурный ландшафт как текст и культурный ландшафт как знак / Е. Г. Кокорина // Культура народов Причерноморья. – 2012. – № 24. – С. 130–132.

The study of the «Tolstoy space» as the actualization of cultural heritage

The article examines the multivalued category «Tolstoy space», directly related to the Russian classic Leo Nikolaevich Tolstoy, the resource potential of which can be used for the regional development of the Crimea; the leading approaches to the study of this concept are considered. Significant attention is paid to the consideration of this category from the point of view of chronotope and cultural landscape. The author comes to the conclusion that current cultural practices make it possible to expand the understanding of a particular person, to explore the works and pages of his/her biography that are the most valuable to the reader.

Keywords: cultural studies, regional development, cultural territory, chronotope, cultural space, L. N. Tolstoy, the Crimea.

Культурные и семейные ценности в науке и политике: о сопряжении базовых понятий

В статье рассматриваются проблемы с употреблением понятий и терминологией при обращении к вопросам культурных и семейных ценностей. Отмечается, что в науке и нормативно-правовом регулировании используются нередко определения, которые не способствуют упрочению духовно-нравственных основ жизнедеятельности общества. Предлагается решение ряда актуальных научных и управленческих задач.

Ключевые слова: культурные и духовно-нравственные ценности, семья, наука, политика, управление.

Введение. Актуальность заявленной темы лежит в широком поле обсуждения субъект-объектных отношений в различных сферах жизнедеятельности общества и человека. Разумеется, невозможно, чтобы дискуссии вокруг понятий и терминологии перемещались из одной сферы в другую, чуть ли не повторяясь. Это и не нужно. Но при всем понимании неизбежности того, что в общественных, гуманитарных науках, в политике и управлении есть и всегда будет достаточно неустоявшихся и не бесспорных суждений, определений, нельзя недооценивать необходимость упорядочения понятийно-терминологического аппарата. Причем это касается во многом изначально более субъективной политической сферы и управления. Хотя бы потому, что политико-управленческие решения принимаются исходя из политических и финансово-экономических интересов, под давлением различных групп влияния, включая экспертные, под воздействием обще-

ственных настроений, личных предпочтений руководителей, лидеров, координаторов и пр. А государственная политика, особенно в таких важнейших и чувствительных областях, как культурная и семейная, отвечая фундаментальным национальным интересам, призвана давать четкие представления о том, «что есть что».

Как известно, «Основы государственной культурной политики» в редакции Указа Президента Российской Федерации от 25.01.2023, № 35, определены в качестве базового документа для законодательной и нормотворческой деятельности на всех уровнях. Обратим в нашем случае внимание на то, что среди принципов именно культурной политики выделяются «создание условий для воспитания и развития детей на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей и защита детей» и «защита традиционных семейных ценностей и института брака как союза мужчины и женщины» [10].

Эти и другие составляющие культурной политики, ее приоритеты, расставленные, сформулированные в Основах, отвечают самым насущным потребностям и вызовам нашего времени. На вызовы эти призваны, без сомнения, должным образом реагировать и специалисты, работающие на различных этажах, в тех или иных «коридорах» власти, формирующие через СМИ, сети и массовое общественное сознание.

Анализ научных публикаций по избранной нами теме свидетельствует не только о хорошо известном обилии вариантов толкования понятия «культура», но и о существовании достаточно устоявшихся в различных цивилизациях представлений о сущности культурных ценностей. На этот счет имеется большое количество обстоятельных работ и российских, и зарубежных ученых. По многим вопросам, касающимся культурных ценностей, научные дискуссии, что само по себе замечательно, продолжаются, однако для политико-управленческой практики понятийно-терминологическое поле здесь в целом очерчено, определено. В тоже время, анализ показывает, что этого не скажешь относительно семейных ценностей и прежде всего вопросов, касающихся пересечения, взаимозависимости ценностей семейных и культурных. *Цель* статьи и заключается в том, чтобы, обозревая *предмет* нашего внимания, именуемый культурными, духовно-нравственными и семейными ценностями, сфокусироваться на ее *объекте* – проблемы сопряжения этих феноменов и понятий в науке, политике, управлении.

Изложение основного материала. Обращение к этим проблемам хотелось бы начать с замечания не безусловно, но показательного, связанного со статьями по семейной проблематике в энциклопедиях, энциклопедических словарях. Нет сомнения в том, что они пишутся специалистами, а сформулированное ими и опубликованное в таких изданиях, надо полагать, является не только и не столько отражением отдельных авторских точек зрения, сколь-

ко общепризнанных представлений. На них затем, прямо или косвенно ориентируются, будем полагать, и управленцы-практики, эксперты, работая над нормативными актами, методическими рекомендациями, принимая решения и т. д. Нельзя недооценивать и их влияние на формирование позиций тех, кто воздействует на общественное мнение.

Согласно Большому энциклопедическому словарю, семья – это «основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью, моральной и правовой ответственностью». Здесь после краткого перечисления исторических форм семьи отмечается, что в современном обществе «действуют две противоположные тенденции», связанные с «обновлением», «превращением семьи в морально-правовой союз мужчины и женщины» и «ростом семейных коллизий, значительным числом разводов» [6]. Более обширна, естественно, статья о семье в «Большой Российской энциклопедии». Авторы – В. А. Попов (Формы семьи), А. И. Антонов (Эволюция семьи и ее функций), Л. Б. Максимович (Правовые вопросы). В ней излагаются представления о семье как социальном институте, нагруженном преимущественно хозяйственно-правовыми заботами, хотя и говорится, что в рамках семьи «как правило, осуществляется воспроизводство, воспитание и частично социализация новых поколений». Помимо всего, есть в статье и такое замечание, касающееся нашей страны: «В 1970-е гг. преобладание у женщин и мужчин ориентации на личные достижения и успехи понижали ценностные ориентации на семью и детей» [5]. Вместе с тем здесь нет по существу ничего о том, что именно в семье закладываются основы духовно-нравственных ценностей у детей и подростков, происходит или не происходит их передача от поколения поколению и т. д. Пожалуй, в какой-то мере «исправляет положение» экскурс в вопросы эволюции семьи, ее функций в различные исторические эпохи и у разных народов

или упомянутая тенденция относительно наших семидесятых, однако ничего нет о развитии возникшей тогда ценностной ориентации.

Касаясь в этом контексте научного сообщества, нельзя не отметить, что статей о семье нет в четырехтомной «Новой философской энциклопедии», в двухтомной энциклопедии «Культурология. XX век». Но вот в «Новейшем философском словаре» читаем: Семья «в миниатюре отражает всю совокупность человеческих связей и отношений, как материальных, так и духовных. Первые обусловлены социально-биологическими (сексуально-эмоциональными, детородными), экономическими и хозяйственно-бытовыми потребностями людей; вторые – нравственно-эстетическими, психологическими, религиозными и другими потребностями личности». Среди семейных функций отмечаются воспитательная и организация досуга, далее резюмируется, что семья – это «саморазвивающаяся система... ей присущи свой образ жизни, традиции, обычаи, конфликты», а способы их разрешения «зависят... от общей культуры людей» [9]. Примерно таким подходам и следовать бы при подготовке статей в справочных, и тем более в энциклопедических, изданиях.

Собственно в научных публикациях, конечно, поднимается широкий круг проблем, характеризующих сопряжение культурных и семейных ценностей. Хотел бы обратиться к тем, в которых так или иначе фиксируются ключевые проблемы и затрагиваются важные дискуссионные темы. Так, С. Н. Белясов в статье, посвященной конституционному закреплению в России понятия «семья», вопросам правовых основ защиты государством семьи, материнства и отцовства, пишет также о юридических, хозяйственно-экономических подходах к семейной проблематике в законодательных актах ряда европейских стран и стран СНГ. Интересно упоминание Конституции Ирландии с расширенным (по мнению автора. – В. Е.) пониманием семьи, с отнесением ее к «нравственным институтам». Примечательна и отсыл-

ка к подготовленной Комитетом Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей Концепции государственной семейной политики на период до 2025 г., в которой «семья трактуется как сложное социокультурное явление и рассматривается уже не только как социальное сообщество супругов, родителей и детей, но и как духовная ячейка, «малая церковь» [4, с. 63-64, 66]. К сожалению, автор не пишет ничего о судьбе этой концепции.

Есть основания остановиться и на статье Т. В. Глазковой «Семья как ценностно-смысловая модель культуры», которая, судя по публикациям, осталась незамеченной. Автор исходит из того, что культура «как ценностно-смысловая ориентация предполагает согласие определенной группы общества на сосуществование по определенным правилам, которые основываются на ограничении своеволия... В культуре важно опираться на оппозицию свой-другой, а не свой-чужой... В семье как системе можно выделить общее и индивидуальное, где к общему относятся нормы, традиции, обычаи, стереотипы, а к индивидуальному – их воплощение. Семья по преобладанию общего выступает как пространство социализации личности; по преобладанию индивидуального – как «замкнутая система»... Концепт «семья» в культуре структурно может быть представлен как трехуровневое единство, где первый уровень – это культурная память всех родственников; второй уровень – культурный код или те базовые ценности, на которые опирается конкретная семья; третий – межпоколенная трансляция культурного опыта, зависимость от отношения к транслируемым ценностям...». Глазкова также пишет, что, несмотря на «изменения культурной нормы» и т. д., «семья остается востребованной формой сосуществования людей в культуре и обществе. Государство опирается на ограничители личностного поведения отдельного человека ради достижения общей для конкретной группы в культуре цели и воплощения в жизнь идей

и ценностей. Разрушая или подменяя собой семью, государство работает и на саморазрушение. Когда угроза саморазрушения начинает довлеть над государством, оно находит спасение в семье. В какой-то момент государство даже инициирует изменение культурной нормы и закрепляет это изменение законодательно (например, легализация однополых браков во Франции). При этом внешнем кризисе семья продолжает существовать на микроуровне как защитная система, необходимая личности для становления и самореализации» [7, с. 53-54, 56]. Большинство этих размышлений интересны, заслуживают дальнейшего обсуждения. В тоже время вряд ли в «системе» таких уровней в концепте «семья» можно вообще исключать (или выводить за скобки) био-половой уровень, тем более что в конце автор невольно выходит на него «во французской ссылке». Но последняя, увы, никак не комментируется, а в предложенной редакции погружает все эти рассуждения, по меньшей мере, в двусмысленный контекст. Нуждаются, думается, в нюансировке и рассуждения о семейно-государственных взаимоотношениях.

Обратимся и к своего рода обзорной статье Ф. С. Акмурзиной. Отталкиваясь от наработанного предшественниками, автор справедливо концентрируется на, казалось бы, очевидном, но нередко забываемом: «Семья – особый социальный институт... и жизнь общества характеризуется теми же духовными и материальными процессами, как и жизнь семьи; Чем выше культура семьи, следовательно, тем выше культура общества... Ведь от того, как родители приучают детей к труду, уважению к старшим, любви к окружающей природе и людям, зависит то, каким будет общество, в котором будут жить наши дети; Семья как социальный институт имеет две особенности. Это саморегулирующаяся система», а «микрокультура общения вырабатывается самими членами семьи» и «это неизбежно сопровождается столкновением разных пози-

ций и возникновением противоречий, которые разрешаются путем взаимного соглашения и уступок, что обеспечивается (или не обеспечивается. – В. Е.) внутренней культурой, моральной и социальной зрелостью членов семьи»; семья, как малая социальная группа, «способна разрастаться «изнутри», обладая «внутренними механизмами воспроизводства». Последнее верно, но, пожалуй, все-таки без утверждения, что это ее исключительное качество, не присуще «ни одной другой социальной общности (класс, нация, группа)». Автор права, выделяя и то, что «семья существует как санкционированный обществом союз, стабильность которого возможна при взаимодействии с другими социальными институтами», такими как «государство, право, общественное мнение, религия, образование, культура. Оказывая внешнее воздействие на семью, они регулируют ее создание и изменение. В рамках этих институтов создаются нормы и санкции, поддерживающие семью... Исследование семьи как социального института ориентировано в основном на исследование внешних связей семьи, а исследование как социальной группы – на внутренние связи» [1, с. 315].

Отсылая нас к работам других авторов, Ф. С. Акмурина также отмечает существенные изменения, происходящие с институтом семьи сегодня. В частности, она пишет и о том, что «в современном обществе структура и функции семьи претерпевают серьезные изменения. Непременным условием развития модернизированного, промышленного, урбанизированного общества является возрастающий уровень социальной мобильности, в таком обществе постоянно возникает потребность для конкретных членов семьи переместиться, переселиться туда, где открываются возможности для получения работы, социального продвижения. Это ведет к разрыву семейных связей, обязательства по отношению к семье уступают место императиву мобильности как залого достижений материального

благополучия и социального успеха. Единство образа жизни членов семьи уступает место возникающему разнообразию их жизненных устремлений, нарастающему различию в их социальном положении. Семейные узы ослабевают или распадаются» [1, с. 315–319].

Понятно, что многие из отмеченных факторов и тенденций требуют сфокусированного анализа и обсуждения. Отрадно, что к ним специалисты обращаются все более обстоятельно. Это связано в первую очередь с актуализацией семейной проблематики, но не только по причинам демографического характера, их особенностей в различных странах, а в связи с возрастающим и навязчивым вторжением в традиционную ценностную среду обитания людей либеральных идей, идеологий, ценностей в их современном западном прочтении. Как хорошо известно, все это активно поддерживается во многих странах на государственном уровне и, как следствие, как ответ – целенаправленная политика государства российского, направленная на сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей. Нашу позицию все более активно поддерживает расширяющееся мировое большинство, не желающее подпадать под «новое издание» колониальной зависимости.

Отношение к семье как к социокультурному феномену в его сущностной интерпретации – многоаспектная научная и практическая проблема. На ней сосредоточился В. П. Козырьков, обратившись к вопросам «становления социокультурной формы семьи на основе единства семьи и жилища». Имея в виду такое единство, он пишет, что «с этой точки зрения альтернативность современной семьи заключается в том, что она развивается путем создания нового типа жилища, позволяющего обогатить внутрисемейные отношения новыми духовными ценностями, эмоциями и культурными традициями на основе взаимодействия частного и публичного». Автор полагает, что ныне «на семью перекладывается ответственность за соци-

альные проблемы, решение которых под силу только экономическим институтам, общественным организациям и государству. В частности, проблемы образования и воспитания, здравоохранения и физической культуры, социального насилия и девиации». Более того, пишет Козырьков, «уже третье столетие нам говорят, что семья – социальный институт, общность, малая группа, но без всякой связи с пространством, в котором она проживает... Но тем самым семья изымается из культуры как ее стержневой элемент, так как только при наличии соответствующего жилища семья приобретает соответствующую культурную оболочку, позволяющую человеку воспроизводиться и развиваться». В статье есть и не бесспорные утверждения, но заслуживает поддержки само рассмотрение жилищных проблем в реальном и динамично меняющемся социокультурном и социально-психологическом пространстве современности, в котором «жилище и взаимодействие частной и публичной жизни играют свою традиционную роль, приобретая новые функции» [8, с. 88-89]. Обращение к данной статье – свидетельство настоятельной потребности в обсуждении семейных проблем в самых различных областях трансформирующейся реальности, без чего невозможна эффективная, институционально ориентированная семейная политика.

В том же русле лежит и статья А. Ф. Батыршина и И. И. Шарафиева, в которой акценты сделаны на функциях и типах семьи как малой социальной группы. Авторы также исходят из того, что «институциональная структура общества постепенно усложняется, становится более разветвленной и некоторые функции семьи переходят (частично или полностью) к специализированным институтам: функции образования и воспитания нового поколения – к институтам образования и воспитания, то есть учебным заведениям всех уровней, функции материального обеспечения немощных и старых членов семьи – к пенсионной системе и системе социального обеспе-

чения. В зависимости от того, как государство и другие социальные институты «берут» на себя обязанности семьи, меняется мотивация семейных связей, формы взаимодействия разных поколений, исчезает мотивация многодетности» [3, с. 144–145]. Без учета подобных факторов, безусловно, невозможно выстраивать политику, отвечающую запросам, потребностям семьи в материальных и социально-психологических реалиях современности.

Остановимся и на таком, на первый взгляд, отвлеченном ракурсе, как рассмотрение затронутых нами вопросов в контексте популярных дискуссий о сущности человеческого капитала. К ним обращается А. А. Федотов на основе содержательного экскурса в становление исследуемых им понятий и анализа различных точек зрения, резюмируя: «Парадигма человеческого потенциала отличается от парадигмы человеческого капитала приоритетом гуманистических установок и повышенной чувствительностью к культурно-историческим, социокультурным, культурно-психологическим факторам в разработке программ и стратегий модернизаций образования». Далее автор добавляет: «Человеческий потенциал в общем виде включает в себя способности, потребности, досуг и межличностные отношения, т. е. все количественные и качественные характеристики всего населения, независимо от участия в экономической деятельности». С отсылкой на работы Р. И. Капелюшников и К. С. Романова в статье отмечается и то, что сам человеческий капитал «воплощен в личности человека», а прогресс общества вообще зависит от «совокупности физических и духовных сил человека». Эти положения логично продолжают выделением особенностей отдельных видов деятельности, осуществляемой «без учета влияния на экономику» и т. д. [12, с. 149–151, 153]. В данной связи логичен, полагаем, будет вывод о том, что назрела потребность в специальных исследованиях места и роли семьи, институтов образования и воспитания в формирова-

нии у детей и подростков, молодых людей личностных качеств, определяющих человеческий потенциал. Включающих, разумеется, требуемое для экономики, то есть для человеческого капитала, но не ограничивающееся последним. Без этого не преодолеть примат утилитарных интересов над подлинным личностным и профессиональным ростом детей и молодежи.

Вывод из приведенных суждений, замечаний, предложений выглядит в данном случае двухуровневым. Необходимость рассмотрения семейной проблематики в гуманитарном, культурном, социально-экономическом, правовом контексте в научно-философском и политическом плане достаточно очевиден, однако предстоит важная и непростая, объемная работа по переводу такого понимания непосредственно в сферу управленческой деятельности, в структуры, формирующие и реализующие практико-ориентированные программы, проекты, методики и пр.

Принципиальные положения, аккмулирующие культурно-семейную проблематику, сформулированы помимо Основ государственной культурной политики в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в документах, посвященных государственной молодежной, национальной политике и также утвержденных Указами Президента Российской Федерации. Их круг очерчен, конкретизирован в Гражданском кодексе Российской Федерации, в федеральных законах об образовании, культуре, нематериальном этнокультурном достоянии, молодежной политике, о гарантиях прав ребенка, защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию и др. Следует отдельно отметить и утвержденные Правительством РФ Концепцию государственной семейной политики, Стратегию действий в интересах граждан старшего поколения. Интересующая нас область отношений регулируется и различными актами на уровне субъектов

Федерации. Есть важные международные документы, в разработке которых участвовала и под которыми подписалась Россия – Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии, об охране нематериального культурного наследия, Модельный кодекс о культуре для государств – членов СНГ и Модельный закон (для стран членов СНГ) о защите детей от информации, приносящей вред их здоровью и развитию и др.

Выводы. В заключении необходимо выделить следующее. Во-первых, к сожалению, в нормативно-правовых актах и многочисленных методических рекомендациях по-прежнему нередки, что называется, содержательные нестыковки. Причем весьма существенные. Об этом убедительно и развернуто говорится в Аналитическом докладе «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе нормативно-правовых актов, относящихся к государственной культурно-образовательной политике», подготовленном в Российском научно-исследовательском институте культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева. Немало из отмеченных в нем разночтений выходят и на культурно-семейную проблематику. Правы авторы доклада, обращая особое внимание на потребность по-настоящему профессиональной работы в этой сфере в целях «гармонизации и унификации «ценностной» терминологии» [2, с. 11–12, 17–18, 21, 23–24, 38]. Работа здесь предстоит немалая и тщательная, и потому нельзя не заметить, что в выпущенном следом этим же институтом «Словаре основных терминов, относящихся к сфере государственной политики по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» логика и принципы, заложенные в предыдущей основательной работе, не всегда выдерживаются. По крайней мере относительно семейных ценностей, поскольку семья в нем присутствует лишь короткой выдержкой из Федерального закона «О прожиточ-

ном минимуме в Российской Федерации», в котором читаем: «Семья – лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство» [11, с. 79]. Убежден, что ограничиваться в подобном издании ссылкой только на упомянутый закон, конечно же, не следовало.

Напрашивается, во-вторых, необходимость еще раз сказать о настоятельной потребности во внесении определенности в отдельные положения в различных документах. В упомянутом выше Аналитическом докладе В. В. Аристархов пишет о том, что в ходе его подготовки были «рассмотрены 59 документов» и «Лишь в семи из них (т. е. в 12% случаев) используется понятийный аппарат, соответствующий СНБ РФ («Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». – В. Е.), в части, являющейся предметом рассмотрения». Предмет же этот хорошо описывает название доклада. И в данном случае уместно будет повторить, что многие из подобных оценок содержательно корреспондируются с семейной проблематикой. Есть в докладе на нее и прямые выходы. Так, касаясь ряда положений и формулировок в «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы», Аристархов пишет, что «в логике авторов» этого документа «дети оказываются прежде всего помехой для трудоустройства женщин. Под «самореализацией» для женщин понимается только трудовая и общественно-политическая деятельность. Биологически обусловленные «социальные роли» матери и отца выдаются за отжившие стереотипы. В документе нет ни слова про повышение рождаемости, про ценность многодетности, про саму возможность самореализации женщины не только как «рабочей лошади» или «бизнес-вумэн», но как жены и матери» [1, с. 23, 42]. Говоря же о проводимой и предстоящей большой специальной работы по упорядочению определений, терминологии в нормативно-правовых актах, их унификации и гармонизации, следует подчеркнуть и

то, что она невозможна без сотворчества юристов с культурологами, политологами, демографами, социологами, другими «узкими» специалистами. Представляется также, что для этого потребуется

задействовать, например, и непростой механизм сопряжения всевозможных установок, требований, положений прямого, отсылочного и бланкетного характера, используемых в документах.

1. Акмурзина Ф. С. Семья как социальный институт и малая социальная группа / Ф. С. Акмурзина. – URL: <https://novainfo.ru/article/6639?ysclid=1wlf2k816347924> (дата обращения: 03.05.2024).
2. Аристархов В. В. Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе нормативно-правовых актов, относящихся к государственной культурно-образовательной политике. Аналитический доклад. / В. В. Аристархов. – URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2023/03/vladimir-aristarkhov-zashita-tradiczionnyh-rossijskih-duhovno-nravstvennyh-czennostej-v-sisteme-normativno-pravovyh-aktov-otnosyashhyhsya-k-kulturno-obrazovatelnoj-politike.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).
3. Батыршина А. Р. Семья как социально-психологический феномен: теоретико-психологический аспект / А. Р. Батыршина, И. И. Шарафиева. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-sotsialno-psihologicheskij-fenomen-teoretiko-psihologicheskij-aspekt?ysclid=lx5ug98chk568755912> (дата обращения: 29.04.2024).
4. Белясов С. Н. Конституционное закрепление понятия «семья» через призму российского законодательства / С. Н. Белясов // Право и государство: теория и практика. – 2016. – № 5 (157).
5. Большая Российская энциклопедия. Семья. – URL: <https://old.bigenc.ru/law/text/3547965?ysclid=ly46xzow2g774322134> (дата обращения: 11.05.2024).
6. Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Большая Российская энциклопедия; Санкт-Петербург: Норинт, 2000.
7. Глазкова Т. В. Семья как ценностно-смысловая модель культуры / Т. В. Глазкова. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-tsennostno-smyslovaya-model-kultury/viewer> (дата обращения: 28.05.2024).
8. Козырьков В. П. Социокультурная концепция семьи: факторы, формы и механизмы ее становления / В. П. Козырьков. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-kontseptsiya-semi-factory-formy-i-mehanizmy-ee-stanovleniya?ysclid=lx5un6p5kr250983432> (дата обращения: 04.07.2024).
9. Новейший философский словарь. – URL: <https://slovar.ce/fil/slovar/2480801.html?ysclid=etg8h7on552119461> (дата обращения: 02.06.2024).
10. Основы государственной культурной политики. – URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbo dy=&nd=102364581&ysclid=lz6p5lk9mh390838135> (дата обращения: 15.05.2024).
11. Издания // Словарь основных терминов, относящихся к сфере государственной политики по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти. – Москва, 2024. – URL: <https://www.heritage-institute.ru> (дата обращения: 07.06.2024).
12. Федотов А. А. Человеческий потенциал и человеческий капитал: сущность и отличие понятий / А. А. Федотов // <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskiy-potentsial-i-chelovecheskiy-kapital-suschnost-i-otliche-ponyatij?ysclid=lx5un6p5kr250983432> (дата обращения: 10.06.2024).

Cultural and family values in science and politics: on the conjugation of basic concepts

The article discusses the problems with the use of concepts and terminology when referring to cultural and family values. It is noted that definitions are often used in science and legal regulation that do not contribute to strengthening the spiritual and moral foundations of the society. The solution of a number of urgent scientific and managerial tasks is proposed.

Keywords: cultural and spiritual and moral values, family, science, politics, management.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА В ОБЩЕКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 37.01:378:784

В. И. Загурский

Основные направления совершенствования вокально-хоровой подготовки учителей музыки в условиях педагогического вуза

С позиций личного экспериментального опыта автор освещает один из возможных вариантов развития профессионального мастерства будущих педагогов-музыкантов в условиях высшего образовательного учреждения педагогического профиля. Рассматриваются отдельные прогрессивные организационные и процессуальные стороны подготовки музыкантов-педагогов в курсе дирижерско-хоровых дисциплин, служащие в качестве основных факторов активизации познавательных функций и, в целом, профессионального развития специалистов названного профиля.

Ключевые слова: вокально-хоровая подготовка, дирижерские и вокально-ансамблевые навыки, профессиональная коммуникация, исследовательская и творческая работа, аудиторная, внеаудиторная и самостоятельная деятельность, педагогический и исполнительский опыт, индивидуальные особенности личности.

Введение. Развитие высшего педагогического образования в стране нуждается в усилении внимания общества к качеству профессиональной подготовки учителей. Реализация этой стратегической задачи невозможна без постоянной модернизации учебно-воспитательного процесса, без использования новейших образовательных технологий. Особого внимания требует повышение уровня профессиональной подготовки будущих учителей музыки, призвание которых – продуктивно и творчески решать сложные задачи музыкальной педагогики в

соответствии с мировыми стандартами и требованиями времени.

Общепедагогические и психологические основы отечественной профессиональной подготовки учителя музыки изложены в трудах Б. Г. Ананьева [2], В. И. Петрушина [17], И. С. Якиманской [22] и ряда других ученых.

Проблему качества профессиональной подготовки педагогов-музыкантов рассматривали ведущие отечественные исследователи: Л. Г. Арчажникова [3], Э. Б. Абдулин, Е. В. Николаева [1], Г. Л. Ержемский [7], М. С. Осеннева [15; 16] и др.

Отдельные вопросы, посвященные особенностям подготовки учителей музыки и формированию их профессиональных качеств в области хорового исполнительства являются предметом диссертационных исследований В. И. Живова [8], Т. Н. Пляченко [18], О. В. Грибковой [6], А. Д. Попкова [20], Н. Б. Буяновой [5] и др.

В различных аспектах с позиций профессионального исполнительства специфика вокально-хоровой подготовки будущих учителей музыки рассматривается учеными-практиками Г. П. Стуловой [21], А. Г. Менабени [14].

При всем этом, теоретический анализ научных работ, в которых представлены результаты практических и творческих наработок музыкантов-практиков и ученых-исследователей показал, что проблема повышения качества профессиональной подготовки будущих учителей музыки-хормейстеров не теряет своей актуальности и в наши дни.

Целью статьи является освещение основных направлений вокально-хоровой подготовки студентов – будущих учителей музыки, сосредоточение внимания преподавателей вокально-хоровых дисциплин на проблеме усовершенствования воспитания студентов художественных факультетов педагогических университетов для их дальнейшей практической хормейстерской работы.

Изложение основного материала. Существующая сегодня стабильная система дирижерско-хоровой подготовки учителя музыки опирается на комплекс специальных предметов: хоровое дирижирование, методика его преподавания, хороведение, хоровой класс, вокальный класс, методика преподавания вокала, хоровая аранжировка. При всем этом, хоровое дирижирование и сольное пение являются основными профилирующими предметами, подготавливающими студентов к практической вокально-хоровой деятельности в общеобразовательной школе и индивидуальной вокальной работе в музыкальных и педагогических учебных заведениях.

Среди специального цикла музыкальных дисциплин предмет «дирижирование» является одним из самых сложных. Дирижером может стать только человек эмоционально, духовно и интеллектуально высокоразвитый, владеющий багажом разнообразных умений и навыков. Прежде всего он должен быть личностью, в совершенстве владеющей техникой дирижирования, во всех тонкостях понимающей художественное содержание музыкальных произведений. Специфика его деятельности состоит в том, что он руководит коллективным исполнением музыкального произведения, чувствуя при этом хоровой коллектив как единый инструмент.

Анализ методологической и методической литературы по данной теме, а также обобщение собственного многолетнего практического хормейстерского опыта в качестве преподавателя учреждения высшего педагогического образования позволяют утверждать, что в процессе обучения будущие учителя в рамках приобретения исполнительского мастерства, присущего дирижеру-хоровику: а) овладевают умением раскрывать художественный замысел произведения и выражать свое творческое отношение к нему на основе глубокого изучения его содержания и собственного видения художественных образов; б) обучаются чтению хоровых партитур, школьных песен; в) приобретают навыки самостоятельной работы над школьным песенным репертуаром.

При этом одной из сторон профессионализма дирижера являются высокая исполнительская гибкость, способность к импровизации, к творческому варьированному изменению внешних форм собственного исполнительского плана хорового произведения.

Творчество выдающихся исполнителей – это образцы глубокого проникновения в авторский текст, достойный пример бережного к нему отношения. Следовательно, дирижер должен обладать целым комплексом музыкальных способностей, знаний, а также иных

профессиональных личностных качеств. Поэтому очень важно, чтобы на занятиях и во время самостоятельной работы студенты, помимо овладения всеми деталями техники дирижирования, развивали музыкальный слух, ритмическое и ладовое чувство, воспитывали в себе требовательность и самообладание, приучались к дисциплине и аккуратности, составлению интересных программ, проведению продуктивных репетиций [14].

Содержание разработанной нами учебной программы «Дирижирование» ориентировано на подготовку студентов к будущей деятельности учителя-музыканта и руководителя хорового коллектива. При этом учебно-художественный репертуар каждого курса выстраивается с опорой на хоровые произведения народно-песенного творчества, произведения отечественных и зарубежных композиторов-классиков. Весьма существенным требованием программы является то, что к практической работе с хором студенты допускаются только после детальной разработки методического плана по разучиванию хорового произведения, в результате чего будущие учителя музыки-хормейстера, помимо овладения искусством дирижирования, приобретают целый ряд не менее важных компонентов, необходимых для осуществления вокально-хоровой работы. В первую очередь следует выделить навыки чтения хоровой партитуры и аналитической работы с нею. Не менее значимым для расширения объема практического багажа студентов является овладение творческим умением работы над школьной песней.

Большое значение в подготовке к практической работе с хором приобретает подготовительная работа студента, содержание которой заключается во всестороннем анализе хоровой партитуры. Поэтому существенной формой обучения будущих учителей музыки является выполнение письменной аннотации на хоровое произведение. Цель такой работы – подготовка сту-

дентов к самостоятельной хормейстерской деятельности, для чего требуется навык всестороннего аналитического исследования хоровой партитуры. Максимальное приближение к точной исполнительской трактовке и выбор при этом хормейстерских приемов для преодоления вокально-хоровых трудностей – основные задачи, стоящие перед студентом при анализе хорового произведения. Поэтому в письменной работе студенты опираются на знания по музыкально-теоретическим дисциплинам, музыкальной и хоровой литературе, постановке голоса, хоровому дирижированию и хороведению. В данном письменном анализе отражается личное отношение студента к исполняемому произведению, заключающееся в понимании значения соотношения средств музыкальной и вокально-хоровой выразительности в определении характера музыки. Если относиться к письменному анализу не формально, а творчески, работа приобретет индивидуальные черты и эмоциональную окраску. Успешно выполненная работа является свидетельством определенного уровня интеллекта студента, глубокого понимания им связи средств музыкальной выразительности и литературного текста.

Современные педагоги-исследователи Т. С. Богданова, Т. В. Сернова, В. А. Черняк [4] предлагают ряд требований к письменному анализу вокально-хорового произведения. С учетом этих требований, содержание аналитического материала студентов в нашей редакции реализуется в следующем виде: а) общие сведения об авторах произведения, его содержании (с развернутым анализом литературного текста и музыкальных средств, с помощью которых композитор передает тот или иной смысл); б) музыкально-теоретический, общеисполнительский и вокально-хоровой анализ произведения (темп, динамика, агогика, тембр, фразировка, характер звуковедения и других средств, создающих в совокупности исполнительный художествен-

ный образ); в) анализ дирижерских средств выразительности (средств и приемов, с помощью которых можно с наибольшей адекватностью реализовать исполнительный художественный образ); анализ вокально-хоровых и других технических трудностей, которые могут возникнуть перед дирижером в процессе реализации «идеального» исполнительского замысла (вокальные, ритмические, интонационные, ансамблевые, дирижерские и др.).

Безусловно, при организации этого вида самостоятельной работы студентов нами особо учитывалось мнение В. А. Живова о том, что «...круг вопросов исполнительского анализа представляет собой исключительно плодотворную почву для постановки проблемных заданий и создания проблемных ситуаций» [8, с. 19]. В данном контексте в качестве таких ситуаций должно выступать выполнение индивидуальных творческих заданий, связанных с умениями: а) выделять, сравнивать, сопоставлять, анализировать различные музыкальные тексты (как один из вариантов – в записи) с позиции их интерпретации, правомерности выбора композиторами тех или иных средств для воплощения образов; б) исследовать художественные образы поэтического текста и музыки на предмет их соответствия; в) выявлять секрет эмоционального воздействия той или иной конкретной музыки.

Более обстоятельно описание вышеназванных видов аналитической деятельности студента освещено в статье В. Загурского «Из опыта организации самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов в процессе дирижерско-хоровой подготовки в структуре высшего музыкально-педагогического образования» [12].

Одной из профилирующих дисциплин в профессиональной подготовке современного учителя музыки, как указывалось выше, является постановка голоса.

Формирование певческого аппарата исполнителя (как процесс), согласно требованиям музыкального образо-

вания способствует осуществлению связи между представлением о содержании музыкального произведения и его конкретным художественным воплощением на основе развитой вокальной техники. Практические занятия по этому предмету проводятся в индивидуальной форме один раз в неделю по 45 минут. Такой урок обычно включает: проверку выполнения задания для самостоятельной работы; краткую беседу по теории и методике пения; выполнение комплекса целенаправленных вокально-технических упражнений. В зависимости от цели урока и степени готовности ученика данные упражнения нацеливают последнего на развитие дыхания, совершенствование акустических качеств голоса, формирование различных видов певческой атаки, артикуляции, дикции и кантиленного звуковедения. При этом обязательно исполнение вокализа и вокальных произведений, которое при своем завершении должно сопровождаться педагогическим анализом.

В целом изучение комплекса вокальных произведений в классе сольного пения предусматривает опору на решение трех взаимосвязанных задач: а) развитие вокальных способностей студента; б) обеспечение его художественно-исполнительского роста; в) подготовку к вокально-педагогической работе.

Мы вправе считать (и это находит отражение в рабочих программах, составленных на каждого студента), что основой учебного вокального репертуара должна быть народная песня, поскольку в народном песенном творчестве в течение длительного времени происходил рациональный отбор наиболее эффективных и целесообразных вокально-технических приемов и средств.

Также весьма важно включение в рабочую программу каждого студента произведений школьного репертуара. Последние, по объективным показателям, могут обеспечить решение неслучайных вокально-технических задач для формирования более сложных навыков и умений, необходимых буду-

щему учителю музыки-хормейстеру. При этом необходимо (и мы в своей практической работе со студентами следуем этому принципу) предоставление им возможности самостоятельно выбирать для изучения произведения детско-юношеского репертуара для последующего исполнения под собственное инструментальное сопровождение. Включение в обучающий репертуар традиционных вокальных произведений – песен, романсов, арий И.-С. Баха, В. Беллини, А. Варламова, М. Глинки, Д. Перголези, С. Прокофьева, Ф. Шуберта и других авторов – считаем целесообразным лишь после того, как у студентов на элементарном уровне сформировались навыки вокального дыхания и голосообразования.

Специально подобранный учебный вокальный репертуар способствует комплексному формированию вокально-технических и художественных навыков, поскольку музыкальное произведение оказывает влияние на голосовой аппарат целостно, как бы определяя требования характера звука, особенностей звуковедения и средств художественной выразительности. Следовательно, управление процессом обучения пению должно опираться на научно обоснованную последовательность использования определенных разделов учебного репертуара, что обеспечивает дидактически целесообразную связь этих разделов.

Объем учебной информации (дирижирование, постановка голоса, хор класс), с которой знакомятся студенты на специальных предметах дирижерского цикла, не обеспечивают должного восполнения у них профессиональных технических и практических хормейстерских навыков. Это выдвигает необходимость создания дополнительной системы комплексных знаний в теоретико-методологическом, педагогическом, творческом и психологическом направлениях. В данном контексте объединяющая роль *отводится вокально-хоровому ансамблю*, рассматриваемому в качестве: а) единицы со-

вместного творческого музицирования; б) учебной лаборатории с внутренней содержательной технологией; в) способа профессиональной коммуникации.

Как отмечается нами в статье «Класс вокального ансамбля в структуре подготовки учителя музыки» [10, с. 51–62], такая творческая по направленности структурная единица в своей деятельности опирается на два относительно самостоятельных и в то же время тесно взаимосвязанных содержательных блока: а) технологии коллективного исполнительства; б) художественных аспектов исполнительства. Каждое из названных направлений имеет свою сложную структуру, группу элементов, которые в совокупности охватывают определенный раздел исполнительства, наполняя его конкретным содержанием. При этом блок технологии вокально-ансамблевого исполнительства включает технику пения, способы и приемы звукоизвлечения и звуковедения, воспроизводства средств музыкальной выразительности, логической организации ансамблевого звучания по горизонтали и вертикали. В свою очередь, блок художественных аспектов исполнительства предусматривает адекватное понимание исполнителями: жанра, художественного содержания музыкального произведения, стиля письма композитора; музыкальной формы, больших и малых формообразующих построений, особенностей взаимодействия формы и содержания; особенностей изложения музыкальной мысли во времени; художественной логики использования средств музыкальной выразительности.

Профессиональная подготовка будущего учителя музыки в условиях художественного факультета предполагает опору на знание методики преподавания профессиональных дисциплин. Особое значение в системе профессиональной подготовки учителя музыки возлагается на спецкурс «*Методика преподавания дирижирования*».

Цель данной дисциплины – вооружение студентов знаниями теоретических

основ дирижирования и методики его преподавания. Постигание названного учебного предмета, как одного из составляющих музыкально-педагогического образования с позиций будущего педагога-хормейстера, оказывает влияние на систематизацию дирижерских знаний в контексте содействия большей осознанности и самостоятельности студентов в работе над хоровыми произведениями. Главным условием изучения этого курса является сочетание техники дирижирования с художественным воплощением композиторского замысла. Поэтому теоретические сведения по технике дирижирования, осваиваемые студентами в курсе дисциплины «Методика преподавания дирижирования», должны совмещаться с практическими занятиями. В качестве дидактического материала при этом должны выступать произведения русской, советской и зарубежной классической и современной музыки.

Основные сведения по теории и методике работы с певческими голосами студенты получают на занятиях по *методике преподавания вокала*. В качестве стержневых задач при изучении данного курса выступают следующие позиции: а) в опоре на научные данные о строении и функциях голосового аппарата формировать у студентов понимание биофизических механизмов певческого процесса; б) вооружить при этом студентов теорией и методикой формирования, развития и охраны певческого голоса (у взрослых и детей); в) знакомить будущих учителей музыки с методами вокальной работы в общеобразовательной школе, музыкально-педагогических учебных заведениях и детско-юношеских центрах системы дополнительного образования.

Как показал опыт, стимуляция поисковой деятельности и творческой активности студентов должна осуществляться за счет обращения а) к самостоятельной работе по отбору и систематизации вокально-педагогического репертуара; б) выполнению под собственное сопровождение вокаль-

ных упражнений с модуляциями во все тональности; в) иллюстрации образцов различного вокального репертуара; г) практическому моделированию наиболее распространенных в практике педагогических ситуаций [11; 12].

Одним из основных условий, влияющих на результаты обучения, является учет индивидуальных особенностей студентов, их готовности к восприятию и усвоению материала. На действенную роль этих качеств в подготовке музыканта справедливо указывают В. М. Подуровский и Н. В. Суслова, подчеркивая, что «индивидуальные особенности учеников в освоении нового материала, координации движений и многом другом сказываются на его конечных результатах» [19, с. 233].

Не всегда легко обнаружить скрытые природные задатки студента. Это требует от педагога гибкости и опыта. Иными словами, чтобы педагогический процесс был эффективным и давал высокие результаты и в начальный, и в промежуточные периоды обучения, преподавателю в учебно-педагогической практике следует основываться на знании личностных качеств студентов. Это создает условия для формирования четкого представления: а) об индивидуальной восприимчивости каждого обучаемого в контексте готовности к усвоению нового материала; б) о степени развитости музыкального сознания, мышления и уровне проявления специальных способностей; в) обо всем, что соотносится с познавательными процессами деятельности музыканта и особенностями индивидуально-психического склада личности.

Именно поэтому в своей практической деятельности на начальном и промежуточных этапах работы с каждым студентом, наряду с детальным ознакомлением с его физическими данными, мы стараемся найти наиболее естественный и как можно более короткий путь для глубокого изучения его индивидуальности.

Первоосновой в подходе, нацеленном на усвоение студентами тех-

нологических и творческих принципов профессионального мастерства, необходимого будущему педагогу-музыканту, служит информация:

- об особенностях индивидуально-психического склада студентов (их темперамент и основанные на нем индивидуальная восприимчивость и готовность к усвоению нового материала; степень развитости сознания в его соотношении с познавательными процессами деятельности личности);

- о личностно-профессиональных качествах, необходимых для деятельности как отдельного солиста, ансамблиста или хориста, так и руководителя коллективным творческим процессом;

- о субъективных (коммуникативных, деловых эмоционально-волевых, лидерских) качествах, позволяющих индивидууму выполнять функции управления различными видами творческой работы, значимыми при подготовке вокально-хорового коллектива к исполнительско-сценической деятельности) [13].

Перечисленное выше предполагает необходимость дальнейшего совершенствования учебно-воспитательного процесса на факультетах, где осуществляется подготовка высокопрофессиональных педагогических кадров данного профиля.

Выводы. Успешное выполнение задач музыкально-эстетического и художественно-творческого развития детей в общеобразовательной школе находится в непосредственной зависимости от уровня профессионального мастерства, эрудиции, культуры педагога-музыканта, который формирует их взгляды, убеждения, вкусы и идеалы.

Воспитание учителя музыки в стенах педагогического образовательного учреждения обеспечивается соответствующим планированием и организацией учебного процесса. При этом расширение профессионального профиля будущего педагога-музыканта осуществляется за счет интеграции дисциплин различных учебных циклов (культурологического, психолого-педагогического, специального, музыкально-теоретического).

Существенную роль в профессиональном воспитании учителя музыки общеобразовательной школы играет вокально-хоровая подготовка, главной целью которой является формирование личности как творческого организатора и пропагандиста хорового искусства и певческой культуры. Именно поэтому совершенствование вокально-хоровой подготовки будущих учителей в современных условиях возможно лишь при условии интенсификации, конкретизации, углубления и дальнейшего развития системы методов обучения.

Готовность студента к профессиональной вокально-хоровой деятельности не следует рассматривать как явление статичное. Она не может быть сведена к наличию у него свойств, однозначно связанных с этой деятельностью. Соответствие достигается в процессе непрерывного взаимодействия внешних объективных факторов обучения и их требований с внутренними условиями – индивидуальными свойствами и особенностями личности. Этот комплекс не только развивает необходимые способности, но и стимулирует, активизирует их. Педагогическое корректирующее влияние на обучаемых с целью развития их профессиональных качеств и, в целом, стимулирующее учебную работу, происходит путем выявления принадлежности студентов к тому или иному типу проявления индивидуальности – эмоционально-художественному, интеллектуально-мыслительному, индифферентному. С учетом проявления студентами тех или иных индивидуально-типологических особенностей, педагогом, при необходимости, выстраиваются соответствующие дифференцированные программы, способствующие созданию оптимальных условий для учебной деятельности внутри каждой из типологических групп.

Воспитанию профессионально-компетентного учителя музыки в условиях обучения в классе дирижирования способствует вовлечение студентов в активные формы творческой аудитор-

ной, внеаудиторной и самостоятельной деятельности в их сочетании.

Предложенные выше способы, приемы и активные методы являются одним из возможных технологических вариантов организации работы студентов

в курсе изучения дирижерско-хоровых дисциплин. Их выполнение обеспечивает решение поставленных задач воспитания личности творческого, профессионально компетентного учителя музыки-хормейстера.

1. Абдуллин Э. Б. Методика музыкального образования: учебник для студ. высш. пед. уч. заведений / Э. Б. Абдуллин, Е. В. Николаева. – Москва: Музыка, 2006. – 366 с.
2. Ананьев Б. Г. Задачи психологии искусства / Б. Г. Ананьева // Художественное творчество. – Ленинград, 1982.
3. Арчажникова Л. Г. Профессия – учитель музыки: книга для учителя / Л. Г. Арчажникова. – Москва: Просвещение, 1984. – 111с.
4. Богданова Т. С. Дирижирование: теория и практика: учебно-методическое пособие / Т. С. Богданова, Т. В. Сернова, В. А. Черняк и др. – Минск, БГПУ, 2013.
5. Буянова Н. Б. Профессиональная подготовка руководителей детских хоровых коллективов: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н. Б. Буянова. – Москва, 2004. – 18 с.
6. Грибкова О. В. Формирование творческого общения в условиях дирижерско-хоровой деятельности студентов: автореф. дис. ... канд. пед. наук / О. В. Грибкова. – Москва, 2003. – 18 с.
7. Ержемский Г. Л. Некоторые вопросы психофизиологии дирижирования // Музыканту исполнителю. – Москва, 1992.
8. Живов В. И. Исполнительский анализ хорового произведения как способ интенсификации обучения в классе дирижирования на музыкально-педагогическом факультете пединститута: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 1978. – 17 с.
9. Живов В. Л. Хоровое исполнительство. Теория. Методика. Практика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – Москва: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 272 с.
10. Загурский В. И. Класс вокального ансамбля в структуре подготовки учителя музыки // Проблемы управления качеством образования: сборник избранных статей Международной научно-методической конференции (29 мая 2020 г., г. Санкт-Петербург). – Санкт-Петербург: Издательство ГНИИ «Нацразвитие». – С. 51–62.
11. Загурский В. И. Воспитание творческой самостоятельности студентов в курсе дирижерско-хоровых дисциплин как способ формирования личности будущего учителя музыки // Наука и инновации в современных условиях: сборник статей Международной научно-практической конференции (20 января 2017 г., г. Казань). В 4 ч. Ч. 2. – Уфа: Аэтерна. – С. 127–138.
12. Загурский В. И. Из опыта организации самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов в процессе дирижерско-хоровой подготовки в структуре высшего музыкально-педагогического образования // Современное состояние и перспективы развития научной мысли: сборник статей международной научно-практической конференции. В 2 ч. – Новосибирск, 2016. – С. 127–138.
13. Загурский В. И. Типологические особенности творческих способностей обучающихся в контексте развития их музыкально-исполнительских качеств в классе дирижирования // Гуманитарные науки. – № 4/36. – С. 69–73.
14. Менабени А. Г. Методика обучения сольному пению: учебное пособие. – Москва: Просвещение, 1987. – 95 с.
15. Осеннева М. С. Хоровой класс и практическая работа с хором: учебное пособие для академического бакалавриата / М. С. Осеннева, В. А. Самарин. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2018. – 189 с.
16. Осеннева М. С. Методика работы с детским вокально-хоровым коллективом: учеб. пособие для студ. муз.-пед. отделений и факультетов средн. и высших пед. уч. заведений / М. С. Осеннева, В. А. Самарин, Л. И. Уколова. – Москва: Издательский центр «Академия», 1999. – 224 с.
17. Петрушин В. И. Музыкальная психология: учебное пособие для студентов и преподавателей / В. И. Петрушин. – Москва: Академический Проект, 2006. – 400 с.
18. Пляченко Т. Н. Вокально-хоровая подготовка будущих учителей музыки в условиях группового обучения на музыкально-педагогическом факультете: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Т. Н. Пляченко; Российская академия образования. – Москва, 1993. – 17 с.
19. Подуровский В. М., Суслова Н. В. Психологическая коррекция музыкально-педагогической деятельности: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Москва: Гуманитарно-издательский центр ВЛАДОС, 2001. – 320 с.

20. Попков А. Д. Формирование коммуникативной компетентности дирижера-хормейстера в процессе обучения в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Москва, 2009. – 18 с.
21. Стулова Г. П. Теория и практика работы с детским хором: учебное пособие для студ. пед. высш. учеб. заведений. – Москва: Владос, 2002. – 176 с.
22. Якиманская И. С. Развивающее обучение. – Москва: Педагогика, 1979. – 144 с.

The main directions for improving the vocal and choral training of music teachers in a pedagogical university

From the standpoint of personal experimental experience, the author highlights one of the possible options for the development of the professional skills of future music teachers in the conditions of a higher educational institution with a pedagogical profile. The article considers some progressive organizational and procedural aspects of training musicians-teachers in the course of conducting and choral disciplines, serving as the main factors in the activation of cognitive functions and, in general, the professional development of specialists in the named profile.

Keywords: *vocal and choral training, conducting and vocal ensemble skills, professional communication, research and creative work, classroom, extracurricular and independent activities, teaching and performing experience, individual personality characteristics.*

УДК 811.161.1

О. И. Андрейченко

Трансформация прецедентных текстов как прием языковой игры в медиадискурсе Крыма

В статье описаны способы трансформации прецедентного текста как приема языковой игры (различные типы замены компонентов, распространение, усечение, аллюзия) и языковые средства, лежащие в их основе. Выявлено, что основной причиной трансформации ПТ является стремление привлечь внимание читателя и акцентировать проблематику статьи.

Ключевые слова: интертекстуальность, прецедентный текст, трансформация, языковая игра, массмедиа.

Введение. Изучение феноменов языковой личности, фоновых знаний, языковой картины мира, ментальности, интертекстуальности продолжает привлекать внимание лингвистов. Суть интертекстуальности заключается не только в простом цитировании предшественников для доказательства или опровержения своих идей, но и в том, чтобы поддержать, продлить и обновить ту традицию, на которой они базируются. Интертекстуальность – это «преобразование прочитанного или услышанного текста в качественно новое образование» [1, с. 185].

Важное место в арсенале средств интертекстуальности занимают прецедентные тексты (далее – ПТ), «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.

е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [7, с. 216]. Многоаспектность подходов к анализу прецедентного феномена является доказательством как его научной привлекательности, так и сложности.

Прецедентными могут быть тексты, включенные в текст в неизменном виде (цитация) и в трансформированном, переименованном (квазицитация), поскольку они хорошо известны широкому кругу лиц, обладают свойством повторяемости в разных текстах [6, с. 157].

Следует отметить, что медийный язык – это живая и постоянно развивающаяся система, которая требует от журналистов постоянного творческого

напряжения. Отсюда и специфика отбора языковых средств на страницах газет. Под трансформированными прецедентными текстами понимают феномены, в которых присутствуют «намеренные внесения автором изменений с целью достижения определенного коммуникативного эффекта» [9, с. 8].

Трансформация языковых единиц рассматривается в работах многих отечественных и зарубежных исследователей: О. И. Андрейченко, Е. Ф. Арсентьевой, И. С. Гнатюк, Э. Д. Головиной, Т. С. Гусейновой, Л. Г. Ефановой, А. В. Кунина, О. В. Ломакиной, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, М. С. Перепелицы, В. Н. Телия, И. В. Третьяковой, Л. Ф. Щербачук и др. Большинство исследователей выделяют два типа индивидуально-авторских преобразований: семантические и структурно-семантические [13, с. 338].

Применение ПТ в современном публицистическом дискурсе сопровождается их трансформацией. Она осуществляется автором-журналистом вполне осознанно и поэтому может квалифицироваться как языковая игра – некая «языковая неправильность (или необычность), осознаваемая говорящим (пишущим) и намеренно допускаемая. При этом слушающий (читающий) также должен понимать, что это «нарочно так сказано», иначе он оценит соответствующее выражение просто как неправильность или неточность [10, с. 23].

Эффект языковой игры при использовании трансформированных ПТ основан на том, что исходная форма высказывания выступает в качестве ассоциативного контекста для интерпретации элементов, подвергшихся изменению. О. В. Фокина выделяет в качестве одного из этапов методики анализа интертекстуальных связей «установление способа трансформации» и говорит о трех видах трансформации (количественной, качественной и комплексной) применительно к трансформированной цитате (квазичитате) [12, с. 31–42]. Очевидно, однако, что задача создания типологии трансформаций только намечена [12, с. 308], а ее решение остается перспективным.

Под трансформацией, вслед за О. С. Боярских, мы понимаем случай явного преобразования известного прецедентного текста, являющегося стилистическим приемом (в отличие от случаев неточного, ошибочного цитирования) с целью придания тексту особых прагматических эффектов [2, с. 47]. Трансформация прецедентного текста может быть связана с заменой одного или нескольких компонентов, с распространением, усечением.

Цель исследования – выявить способы и особенности трансформации прецедентных текстов как приема языковой игры в медийном дискурсе Крыма (2018–2023 гг.).

В работе используются общенаучные методы анализа и синтеза, а также лингвистические методы и приемы: описание, прием сплошной выборки, системно-структурный метод.

Изложение основного материала. В исследовании выявлены следующие способы структурно-семантической трансформации прецедентных текстов: 1) замена компонентов ПТ; 2) усечение ПТ; 3) добавление компонента (распространение) ПТ; 4) аллюзия.

1. Замена компонента прецедентного текста

Одним из самых распространенных приемов резкого сдвига в структуре (и, соответственно, в семантике) исходного ПТ является замена его компонентов, при этом степень сохранения прецедентного текста может быть разной. На наш взгляд, этот способ трансформации позволяет установить прочный контакт между автором и реципиентом, поскольку, «чтобы разбудить у воспринимающего доверительные чувства, иногда достаточно только опоры на структуру прецедентного текста, так как формальное сходство с ним вызывает необходимые ассоциации, подкачивает воспринимающему исходный вариант ПВ» [11].

При осуществлении замены повышается выразительность ПТ, оно наполняется новыми смысловыми оттенками: *Пить или не пить? Эксперт расска-*

зал о сочетании алкоголя и вакцинации [Крымская газета, 09.12.2020] ⇐ **Быть или не быть?** (У. Шекспир); **Гримерша, нажми на тормоза!** [Крымская газета, 05.10.2022] ⇐ **Кондуктор, нажми на тормоза!** (песня); **Сибирь обетованная** [Крымская газета, 17.06.2023] ⇐ **Земля обетованная** (фразеологизм); **Белеет вирус одинокий** [Крымская газета, 30.04.2020] ⇐ **Белеет парус одинокий** (М. Лермонтов); **Водный вопрос испортил крымчан** [Крымская газета, 12.09.2020]; **Квартирный вопрос испортил Минстрой** [Крымская газета, 29.04.2020] ⇐ **Квартирный вопрос испортил москвичей** (М. Булгаков).

Продуктивной моделью для замены компонентного состава стало известное крылатое выражение «Казнить нельзя помиловать», которое используется для описания двух взаимоисключающих возможностей [8, с. 173], например: **Снизить нельзя оставить: в России оценили идею нового ограничения скорости** [Крымская газета, 25.09.2019]; **«Сиротские гетто»: расселять нельзя изолировать** [Крымская газета, 02.12.2019]; **Изъять нельзя оставить. Чем грозят новые поправки в Семейный кодекс** [Крымская газета, 05.08.2021]; **Выдать нельзя проверить: почему система разрешений на оружие дает сбои** [Крымская газета, 22.12.2020]; **Провести нельзя отменить** [Крымская газета, 16.06.2023]; **Смягчать нельзя подавлять** [Крымская газета, 22.03.2022]; **Хранить нельзя сжигать** [Крымская газета, 23.09.2019].

Разновидностью трансформации является замена лексического компонента на основе фонетического созвучия исходного и заменяющего компонентов: **Жертвы политических депрессий** [Крымская газета, 30.11.2020] ⇐ **Жертвы политических репрессий**; **Невыходное положение** [Крымская газета, 29.03.2020] ⇐ **Безвыходное положение**; **Процессор пошел** [Крымская газета, 18.03.2019] ⇐ **Процесс пошел** (М. Горбачев); **Тело чести** [Крымская газета, 10.04.2019] ⇐ **Дело чести** (фразеологизм); **Любовь нечаянно завянет** ⇐ Лю-

бовь нечаянно **нагрянет** (песня, Л. Утесов). Последний пример репрезентирует сочетание созвучия с антонимической заменой: компонент **нагрянет** обозначает неожиданное начало любовного чувства, а компонент **завянет** – его конец.

Трансформация прецедентного текста может происходить на основе синонимии. В пределах одной интертекстуальной цепочки могут использоваться различные типы синонимов. Ср.: **Студентка, гимнастка, пловчиха и просто красавица** [Крымская газета, 14.12.2018] ⇐ **Студентка, спортсменка, комсомолка и, наконец, просто красавица** (кинофильм «Кавказская пленница»). Так, гимнастка и спортсменка – понятийные родовидовые синонимы, пловчиха и комсомолка – контекстуальные синонимы [3, с. 120].

Замена компонентного состава реализуется и на основе антонимии, когда исходный и новый компоненты могут обозначать противоположные понятия. Противопоставление может быть представлено в парах языковых, контекстуальных антонимов: **Имидж – ничто, голод – все!** [Крымская газета, 29.12.2022] ⇐ **Имидж – ничто, жажда – все!** (рекламный слоган).

Таким образом, с помощью замены компонентов, произведенной на различных основаниях, журналист прикрепляет прецедентный текст к характеристике ситуации. Обнаружив компоненты ПТ, которые не являются актуальными при включении в новый текст, автор заменяет их на более подходящие, ключевые для описываемого события, например: **Стюардесса по имени Синди** [подзаголовок статьи о жизни актера К. Костнера; его первая жена работала стюардессой] ⇐ **Стюардесса по имени Жанна** (песня.; Как видим, компоненты, привнесенные журналистами в состав ПТ, являются ключевыми для ситуаций, представленных в массмедийных текстах.

Максимальная распространенность лексической замены обусловлена ее главной функцией: «зацепить», «задержать» взгляд адресата на названии

публикации, привлечь таким образом его внимание. Ведь при замене лексических компонентов происходит столкновение чего-то неожиданного и одновременно привычного (причем подобный феномен характерен и для массовой культуры в целом). На наш взгляд, именно этот способ трансформации ПТ является наиболее эффективным с точки зрения воздействия на читателя как раз вследствие производимого неожиданного эффекта.

2. Усечение прецедентного текста

Усечение относится к так называемым «фигурам убавления» (или же «умолчания»). Общее структурное свойство таких фигур состоит в том, что в них какие-то единицы плана содержания остаются без соответствующих единиц плана выражения. Использование этого приема создает эффект усиленного (в результате – часто «обманутого») ожидания читателя, например: *Мели, Емеля...* [Крымская газета, 17.03.19]. Данная форма ФЕ несет в себе такое же значение, как и в полной: *Мели, Емеля – твоя неделя* – выражение пренебрежительного или недоверчивого отношения к тому, кто (много) говорит, при невозможности повлиять на говорящего, остановить его и т. п.

В заголовке «*И один в поле воин*» [Крымская газета, 13.02.21] наблюдается антонимический эллипсис (ср. *один в поле не воин*). Эллипсис частицы *не* транспонирует узуальную конструкцию в утвердительную форму. Возникает новое осмысление формы выражения, которое является противоположным изначальному пониманию. Таким образом, при антонимической редукции внутренний смысл устойчивого выражения подвергается изменению.

Усечение прецедентного текста может сопровождаться изменением типа предложения по цели высказывания: *Что ныне лежит на весах?* [Крымская газета, 02.02.22] ⇐ *Мы знаем, что ныне лежит на весах* (А. Ахматова).

3. Распространение прецедентного текста

Журналист прибегает к распространению текста как способу языкового оформления прецедентного высказывания в случае, когда выбранные строки кажутся ему недостаточно полными: *подложить свинью – подложить большую свинью* [5, с. 277], например: *Как европейцы подложили Украине большую свинью* [Крымская газета, 13.02.23]. Распространение ПТ, включение в него нового слова или слов, помогает журналисту внести необходимые уточнения в ПВ, подходящее для реализации его замысла, и тем самым максимально приспособить его к новому контексту: *А потом – мохнатый имель подсел на душистый хмель, и началась цыганочка с выходом* [из статьи о творческом закате режиссера Н. Михалкова] ⇐ *Мохнатый имель – на душистый хмель (цапля серая – в камыши)* (кинофильм «Жестокий романс»).

Часто прецедентное высказывание распространяется с помощью отрицания. Прецедентные тексты могут быть расширены: приставкой *не*: *Невеликая депрессия* [Крымская газета, 13.06.21] ⇐ *великая депрессия*; частицей *не*: *Третий не лишний* [Крымская газета, 25.01.20] ⇐ *третий лишний* (фразеологизм); лексемой *нет*: *От любви до ненависти нет и шага* [Крымская газета, 17.03.19] ⇐ *От любви до ненависти один шаг...* (поговорка).

4. Аллюзия

В устойчивых выражениях возможно такое разрушение, когда фразеологический оборот перестает существовать как таковой. Для этого явления используются термин *аллюзия* (*дефразеологизация, разрушение, фразеологический намек, распад*). Это явление изучали В. П. Жуков, А. Г. Назарян, В. М. Мокиенко, А. Г. Ломов и др. Аллюзия – это тип трансформации, при которой не наблюдается наличие исконной структуры и постоянного лексического состава устойчивого выражения.

Прием фразеологической аллюзии трактуется как «использование в тексте лексем, являющихся эксплицитными носителями образа фразеологической

единицы и прямо или косвенно указывающих на нее. При этом эксплицитные компоненты выполняют метонимическую функцию, являясь своеобразным связующим звеном между данной дискурсивной ситуацией и фразеологизмом. Фразеологическая аллюзия раскрывает когезивный потенциал, внутренне присутствующий ФЕ, поскольку один или несколько компонентов фразеологизма вызывают ассоциации со всей ФЕ [4, с. 16]. Такой вид трансформации журналисты активно используют в заголовках. Например, в заголовке *Жесткая посадка на старые грабли* [Крымская газета, 29.12.19] из зафиксированного в лексикографических словарях фразеологизма *наступить на те же грабли (дважды)* [5, с. 210] использован лишь один компонент, то есть постоянный компонентный состав фразеологизма нарушен, но один из основополагающих компонентов все же подразумевает образное значение всего оборота («намекает» на

цельную структуру ФЕ с ее смыслом) – ‘повторно совершить ту же ошибку, не сделать выводов из прежних промахов, не воспользоваться печальным опытом других’.

Выводы. Таким образом, если говорить о трансформации ПТ как частном проявлении языковой игры в современном медийном дискурсе, то она достаточно продуктивна. При восприятии трансформированных ПТ особое значение приобретает знание их исходной формы, поскольку оно помогает открыть возникшие семантические коннотации.

Выявлено четыре основных способа трансформации исходного текста, основанных на разных языковых механизмах. Наиболее продуктивным способом трансформации является замена компонента прецедентного текста, поскольку именно этот прием является наиболее подходящим способом прикрепления ПТ к создаваемому публицистическому тексту.

1. Бакич (Самыличева) Н. А. Трансформация прецедентных феноменов в медийном тексте как проявление речевой креативности / Н. А. Бакич (Самыличева) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Филология. – 2018. – № 5. – С. 185–190.

2. Боярских О. С. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004–2007 гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. С. Боярских. – Нижний Тагил, 2008. – 230 с.

3. Высоцкая И. В. Типология способов трансформации прецедентного текста в газетном заголовке / И. В. Высоцкая, Е. Ю. Перфильева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 6: Журналистика – С. 118–124.

4. Гришаева Л. И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) / Л. И. Гришаева // Феномен прецедентности и преемственность культур / под общ. ред.: Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – С. 15–46.

5. Жуков А. В. Словарь современной русской фразеологии / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – Москва: АСТ-Пресс Книга, 2016. – 416 с.

6. Земская Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет / Е. А. Земская // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – Москва: Наука, 1996. – 336 с.

7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Мсква: Наука, 1987. – 264 с.

8. Минибаева С. В. Прецедентные тексты в современной речи (на материале заголовочных текстов газетно-публицистического стиля) / С. В. Минибаева, Д. Р. Максюткова // Перспективы развития современного гуманитарного знания: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, 19–20 марта 2018 г.). – Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2018. – С. 172–174.

9. Миронова Д. А. Трансформация прецедентных высказываний в переводах заголовков медиатекстов онлайн-формата: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Д. А. Миронова. – Тюмень: ТГУ, 2013. – 24 с.

10. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – Москва: Языки русской культуры, 1999. – 544 с.

11. Соколова О. И. Использование прецедентных текстов в газетных заголовках / О. И. Соколова // Международный научно-практический (электронный) журнал «INTER-

CULTUR@L-NET». – 2005. – Вып. 4. – URL: <http://www.vfnglu.wladimir.ru> › Rus/NetMag/v4/v4_ar09.htm

12. Фокина О. В. Источники интертекстуальных включений в языке современных газет: монография / О. В. Фокина. – Москва; Ярославль, 2008. – 340 с.

13. Щербачук Л. Ф. Дистантное размещение компонентов фразеологических единиц, эксплицирующих пищевой код культуры / Л. Ф. Щербачук, Т. В. Стамова // Русский язык в поликультурном мире: II Международный симпозиум (8–12 июня 2018 г.): сборник научных статей. В 2 т. Т. 2. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. – С. 337–341.

The transformation of precedent texts as a method of language play in the media discourse of the Crimea

The article describes the ways of transforming the precedent text as a language play technique (various types of component replacement, expansion, shortening, allusion) and the linguistic means underlying them. It is revealed that the main reason for the transformation of PT is the desire to attract the reader's attention and emphasize the problems of the article.

Keywords: *intertextuality, precedent text, transformation, language game, mass media.*

Л. Ф. Щербачук, М. Д. Ершова

Сакрализация и десакрализация понятия *душа* в художественных произведениях В. И. Даля

Статья посвящена анализу особенностей языковой объективации понятия «душа» в художественных произведениях В. И. Даля. Фразеологические единицы с компонентом души, зафиксированные в творческом наследии писателя, отражают семантические особенности текстовой реализации амбивалентности сакрального и профанного. Лексема душа как элемент христианского этнокультурного кода отражает лингвокультурное пространство писателя.

Ключевые слова: В. И. Даль, душа, сакральное, профанное, амбивалентность, фразеологизм.

Введение. Издавна человек осознавал священное, которое отличалось от мирского. По мнению Ю. М. Антоняна, уже в древних «дорелигиозных» представлениях священное противопоставляется профанному своей необычностью, неординарностью, способностью вызывать радость, увлечение, страх и другие сильные эмоции [1, с. 127]. Для многих областей современного знания (теологии, философии, лингвокультурологии, фразеологии и т. д.) и значительной части ученых (например, исследователи: Ю. Антонян, Д. Балаш, Т. Вильчинская, Н. Воробьева, А. Гофман, К. Дубровина, С. Зенкин, Е. Иванов, Н. Коновалова, Д. Куракин, О. Ломакина, В. Маслова, В. Мокиенко, М. Скаб, М. Эллиаде, С. Шулешкова и др.) проблема сакрального и профанного является предметом пристального внимания. При этом, по их мнению, сакральное активно входит не только в религиозную, но и в социальную, культурную и политическую

жизнь человека и общества. «Сакральное – это то, что противопоставляется мирскому (профанному) и одновременно объединяется с ним» [20, с. 267].

В предлагаемом исследовании под сакрализацией понимаем распространение влияния религии на сферу сознательности и духовную культуру личности, а также «присваивание» некоторым материальным и нематериальным предметам, личностям и действиям магических свойств, понимания их как сакральных. Понятие сакрального или священного можно считать фундаментальной категорией духовной сферы, а диалектика сакрального видится в аксиологической амбивалентности [21, с. 499].

Авторы монографии «Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси» констатируют: «В настоящее время ученые различных специальностей стали искать подходы к глубинному знанию и видят его на путях синтеза научного, философского,

художественного и религиозного подходов. Их установка при этом – целостное мировоззрение... Мир – это единое целое, и мы пытаемся подойти к его постижению через язык и религиозное мировосприятие» [11, с. 8–9].

Цель статьи – проанализировать особенности реализации амбивалентной семантики лексемы *душа* в художественных произведениях В. И. Даля.

Материалом исследования послужила картотека языковых фактов репрезентации понятия *душа*, составлена на основании анализа художественной прозы В. И. Даля, в частности таких произведений, как «Мичман Поцелуев», «Савелий Граб или двойник», «Павел Алексеевич Игривый», «Гофманская капля».

Изложение основного материала. Душа в религиозном и светском аспектах отождествляется с внутренним миром человека, но его устройство понимается и представляется различно [13, с. 9]. В религии под душой понимается данная Богом бессмертная и независимая от тела сущность человека, его «двойник», активное начало, которое, находясь в теле, определяет индивидуальные способности и личность человека, оживляет его, а покидая – приносит смерть, сама же переселяется в потусторонний мир для вечной жизни или в другие существа [4, с. 333]. Христианское учение гласит, что в человеке присутствуют две природы, составляющие его сущность: тело и душа, плоть и дух. Тело человека «принадлежит земле», а душа – «небу». О связи тела и души говорится в повествовании о создании человека: тело Адама было создано из праха земного, а душа была вдохнута в него Богом: *И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою* (Быт. 2:7). Душа – это не часть тела: после смерти тела душа продолжит существовать. В притче «О богаче и Лазаре» говорится о том, что после разлучения с телом (то есть после физической смерти человека) душа продолжает жить, причем, жить сознательной

жизнью. Так, душа богача, пребывая в аду, узнает души Авраама и Лазаря, ведет с ними беседу (Лк. 16:23-31). Посылая учеников на проповедь, Христос поучал преимуществу души перед телом, ее бессмертию в отличие от праха земного, глиняного сосуда – тела: *И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может душу и тело погубить геенне* (Мф. 10, 28). Таким образом, с точки зрения религии, *душа* – важная составляющая человека, драгоценное сокровище, дарованное Богом и связывающее человека с ним.

В философском словаре под редакцией И. Т. Фролова фиксируется только одно значение лексемы *душа* – «термин, употребляемый иногда в качестве синонима термина психика» [18, с. 172]. В обыденной жизни имя существительное *душа* часто используется людьми для обозначения определенного нематериального, духовного начала. Оно помогает человеку выстраивать свои отношения с окружающими его людьми на эмоциональном уровне. Это «символ духовных или нетелесных аспектов человеческой личности» [17, с. 88].

В лингвистических словарях понятие *душа* толкуется по-разному. Так, С. И. Ожегов фиксирует четыре значения анализируемой лексемы: «1) внутренний психический мир, сознание человека; 2) то или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами; 3) в религиозных представлениях: сверхъестественное, нематериальное бессмертное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти; 4) *перен.* вдохновитель чего-нибудь, главное лицо [12, с. 159]. В Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова конкретизируется значение лексемы по научным областям знания: «1) в религиозных и идеалистических представлениях – нематериальное начало жизни, противопоставляемое телу; бесплотное существо, остающееся после смерти человека; 2) в старой психологии – совокупность психических явлений, переживаний, основа психиче-

ской жизни человека; 3) свойство характера, основные черты личности, а также человек, с теми или иными свойствами [16, с. 656].

В МАС А. П. Евгеньева описывает шесть значений лексемы *душа*: «1) внутренний психический мир человека, его переживания, настроения, чувства», то есть аспект понятия, связанный с десакрализированным пониманием души, чувственно-психической стороной человеческого бытия. Оттенками этого значения выделяются психологическое, философское и религиозное толкования: в идеалистической философии и психологии: особое нематериальное начало, существующее *якобы* независимо от тела и являющееся носителем психических процессов; по религиозным представлениям: бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с *Богом*; 2) совокупность характерных свойств, черт, присущих личности; характер человека с оттенками значения, обозначающими воодушевление, темперамент» [14, т. 1, с. 456]. Третье и четвертое значения репрезентируют сему 'количество', которое входит в семный состав лексемы «душа». Со стилистической точки зрения душа в разговорном стиле понимается как человек (обычно при указании количества): *кругом нет ни души*; а с исторической точки зрения душа обозначала крепостного крестьянина: *[Дубровский] владел семидестью душами*. Лексема *душа* способна выступать в качестве обращения, подчеркивая фамильярное, дружеское отношение к собеседнику. Последнее, переносное значение, отмеченное в словаре, выделяет главенствующую роль души, понимая под *душой* самую основную, главную суть чего-либо или главное лицо, вдохновителя какой-либо компании [14, т. 1, с. 456].

В толковом словаре В. И. Даля, художественные произведения которого являются источником нашего исследования, значение лексемы *душа* определяется как «бессмертное духовное существо, одаренное разумом и волей; в

общем знач. человек, с духом и телом; в более тесном: человек без плоти, бестелесный, по смерти своей; в смысле же теснейшем: жизненное существо человека, воображаемое отдельно, от тела и от духа, и в этом смысле говорится, что и у животных есть душа» [10, с. 504]. Словарь В. И. Даля, по мнению Ю. С. Степанова, отражает наиболее точное толкование души, поскольку этот словарь не связан с идеологическим запросом советского правительства и не допускает смешения понятий душа и дух: «Желая соединить религиозные и идеалистические представления в некое целое и одним разом запечатлеть их штампом порочного и запретного, редакция стерла важнейшее различие между «душой» и «духом»: идеалистическая философия оперирует с концептом «Дух», а русская повседневная духовная жизнь обладает концептом «Душа», и эти концепты различны» [15, с. 716–720].

В анализируемых художественных произведениях В. И. Даля лексема *душа* семантически реализуется как в качестве религиозного, сакрализованного понятия, так и в роли профанного, десакрализованного значения, где *душа* понимается и как вместилище человеческих чувств, и как самостоятельная, антропоморфная сущность, наделенная человеческими потребностями.

В ходе исследования текстов художественных произведений В. И. Даля нами зафиксированы фразеологические единицы, в составе которых компонент-лексема *душа* обозначает «бессмертное нематериальное начало в человеке, отличающее его от животных и связывающее его с Богом» [14, т. 1, с. 456]. Рассмотрим «далевскую» текстуальную реализацию лексемы-компонента *душа* в составе фразеологических единиц:

– *кривить душой (покривить душой)*. «Быть неискренним, лицемерить, намеренно говорить неправду; поступать против совести» [19, с. 212]. В. И. Даль вкладывает данную языковую единицу в уста героя произведения: *«Грешный я человек – а скажу правду: Смарагд при этом деле покривил ду-*

шой. Когда он кинулся в море, несчастная тетка была у него всех ближе под руками; но он... проплыл мимо, оставил ее в трех шагах за собою и выхватил из полусомкнутых уже челюстей страшной смерти молодую, очаровательную гречанку» [7]. Из содержания произведения читатель узнает, что, спасая людей, попавших в кораблекрушение, герой предстает перед выбором: спасти молодую особу или женщину старших лет. Мужчина, объясняя ситуацию, что спасал того, кто находился ближе к нему, был неискренним, потому что на самом деле он предпочел молодость старости: спас юную девушку, а не ее тетку – женщину средних лет. Эта неискренность, нарушение моральных норм объективируется автором фразеологизмом **кривить душу**;

– **взять [принять] грех на душу.** «Совершать какой-либо предосудительный поступок, грешить» [19, с. 45]. В. И. Даль пишет: «Но Господь сохранил меня и не допустил до этого; иначе, может быть, теперь лежал бы на душе моей большой грех» [5]. Под «этим» в контексте понимается ответ злом на зло: герою, получившему образование и воспитание вместе с барскими детьми, после смерти барина наследник всего имения устроил тяжелую жизнь: из полубарича превратил в свинопаса и грозился со дня на день прилюдно высесть. Желая как-то противостоять такому положению вещей, герой планировал сопротивляться, возможно даже пойти на преступление. Но внезапно героя призвали в армию, поэтому он не успел совершить враждебные действия к новому барину. Предосудительные планы героя и возможен исход автор в тексте отражает при помощи трансформированной фразеологической единицы **взять грех на душу**, заменяя компонент **взять [принять]** на лежать (совершившийся факт) и расширение компонентного состава при помощи имени прилагательного **большой** как атрибутивной характеристики греха. Следует отметить, что понятие **грех** является одним из самых главных для человеческого со-

знания и общечеловеческой культуры. Оно «регламентирует поведение и регулирует отношения индивида и социума, определяет этические ориентиры; выступает одновременно как морально-этическая и социооценочная категория, которая осмысливается в культуре и имеет вербальное воплощение в языке» [22, с. 486];

– **отдавать Богу душу.** «Устар. Умирать» [19, с. 301]. Смерть для верующего человека – не конец жизни, а начало новой – посмертного существования души в ожидании Страшного суда. Смерть отделяет душу от тела: тело, из праха земного созданное, прахом земным и станет, душа же вернется к Богу, в Царствие Небесное. Именно в таком значении данный фразеологизм употребляет В. И. Даль в своем рассказе: «...На пути сказали ей знакомые, встречные извозчики, что муж ее, слышно было, никак в тюрьме помер; вслед за тем и сама она в Путилове Богу душу отдала...» [5];

– **облегчить душу (сердце).** «Находиться успокоение, утешение. Имеется в виду, что лицо (X) вследствие откровенного разговора, признания, плача испытывает радостное чувство избавления от тяжелого нравственного чувства. *Говорится с одобрением*» [3, с. 490]. Компоненты данного фразеологизма (**душа** и **сердце**) соотносятся с антропным кодом культуры, который указывает на совокупность представлений о **душе** (о **сердце**) человека как о средоточии его внутреннего мира, об эмоциональном и духовном центре личности. Компонент **облегчать** соотносится с весовым кодом культуры и указывает на состояние **души** во время или после покаяния. «Вероятно, образ фразеологизма сложился под влиянием церковной практики исповеди» [3, с. 491]. У В. И. Даля: «— Он покаялся Васильку во всем и в таких выражениях, в каких говорят о каком-нибудь бедствии, против которого нет ни зелья, ни снадобья, и говорят о нем только, чтобы **облегчить душу** свою» [9]. Как видим, искренний разговор героя с другом о своей любви репрезенти-

руется языковыми единицами «покаялся», «чтобы облегчить душу». Следует отметить, что в русской национальной картине мира эти выражения не всегда напрямую связаны с исповедью, но у христианина происходит метафорический перенос по сходству: облегчение после исповеди священнослужителю соотносится с облегчением от разговора с хорошим другом;

– *отпустить душу на покаяние*. В русской национальной картине мира данная фразеологическая единица употребляется со значением «поощрить, смиростивиться, оставить в покое, не удерживать долго и т. п.» [19, с. 306]. В таком же значении ее употребляет В. И. Даль: «...Звали меня туда как гостя: я не пошел; меня звали как врача... Несмотря на ничтожное положение и звание мое – что такое уездный лекарь? – приняли почетно, заставили против воли быть гостем, быть своим, и едва, едва только **отпустили душу мою на покаяние**: смерть была на носу. Из этого можете видеть, как редки и дороги в Алтынове женихи» [5]. Герой, приглашенный в дом, где находятся пять взрослых дочерей, был принят как возможный жених с радушием и вниманием. Долгое удержание героя в доме, чрезмерное гостеприимство хозяев наполняет душу героя грузом. «Душа в человеке – дыхание жизни; если дышать суетой мира сего, душа загрязняется, ей необходимо очищение; когда человек чувствует нужду в переоценке жизненных ценностей, возникает потребность покаяния, первым шагом которого является признание своих ошибок и просьба о прощении; отрекаясь от прежнего образа жизни, человек соглашается исправиться, это помогает успокоиться и принять благословение на новое поведение. Так, отпуская душу на покаяние, предполагается изменение мыслей и поступков, очищение совести, то есть реставрация Образа Божиего, по которому человек создан» [2, с. 362].

В аспекте десакрализации нами зафиксированы контексты художественных произведений В. И. Даля, в кото-

рых лексема *душа* объективируется как вместилище чувств, внутренний психический мир человека, его переживания, настроения и т. п.: *Близнец Таганаев, и мгновенно потряс и помутил всю душу ее, подчинил ее себе одним взглядом, приковал к себе и господствовал над нею почти как над рабыней...* [6]; *...Не поверите, у меня на душе и в голове развелось такую зыбь, какая-то неприязненная буря всколыхала все, что во мне есть живого, – я не совладаю уже и сам с собою!* [9]; *Вижу из слов ваших, что вихри сомнений мутят и волнуют в душе вашей море книжных познаний – (не знаю с чего у меня вырвалось такое напыщенное восточное иносказание) – и что здравый рассудок, который ищет для построек своих не плавучую гнилушку, а прочных, надежных оснований, – в разладице и с вихрем этим и с водяной стихией* [9]. Душа – средоточие чувств и переживаний человека. Глубокие потрясения, связанные с любовными отношениями, сомнениями в правильности выбранного жизненного пути, или наоборот, воодушевлением и настроем на будущие успехи, происходящие в душе человека, в русской национальной картине мира соотносятся с процессами, протекающими в душе: бурей, зыбью, потрясением, помутнением (ср. фразеологизм «**перевертывать всю душу**». Очень сильно, глубоко волновать, потрясать») [19, с. 314].

Душу наполняют как положительные, так и отрицательные чувства: если положительные чувства питают душу и дают сил для новых свершений, то отрицательные чувства утомляют и отнимают силы: «...туча разразится, хлынет дождь или град и – брюзга опомнится, очнется; проклянет солнышко, настанет ведро. Ведро и ненастье – ненастье и ведро – **чередуются во всей природе и – в душе человека также**» [7]. Герой В. И. Даля отмечает, что в душе человека, как и в природе, чередуется плохое и хорошее, дожди и засухи.

В. И. Даль в своем художественном творчестве понятие *душа* репрезентирует также как самостоятельную, антропомор-

фную сущность, наделенную качествами и свойствами человека. Так, душа: а) **пробуждается**: «...но счастлив только в мечтах, заглушивши, так сказать, временно вопиющий голос пробудившейся души своей» [7]; б) **блаженствует, мечтает и купается**: «...вольность, свобода, своя воля, сам себе господин – вот что текло теперь по жилам Смарагда и составляло всю жизненную полноту тела его, то, что врачи собственно называют *turgor vitalis*. Душа блаженствовала и мечтала, не заботясь ни о чем» [7]; «... грудь его дышала свободно, душа купалась в каком-то блаженстве, он был счастлив, сам не зная чем и от чего; он жил со всегдашней улыбкой на устах» [7]; в) **требует**: «...художники бывают большей частью причудливы, прихотливы, после вдохновенных восторгов, без коих нельзя создать ничего чрезвычайного; душа усиленно требует отдыха, покоя, или новых и разнообразных впечатлений» [9]; г) **просится**: «Вот вам, мой почтенный, многоуважаемый Степан

Власович, все, что могу сказать в свое оправдание. Обвините меня, если я виноват. Завтра я к вам буду, сегодня уже поздно, а я не хотел оставить вас без ответа, да я и сам в нем нуждался, душа просилась излиться перед вами сей же час» [9]; д) **страдает**: «При болезни тела страдает и душа; при боли души изнемогает тело. Это круговая порука» [8].

Выводы. Таким образом, объективация понятия душа в художественных произведениях В. И. Даля подтверждает его амбивалентность: контексты не только отражают противопоставление сакрального (религиозного) и профанного (мирского), но и одновременно фиксируют их объединение. Лексема-образ душа, являясь христианским этнокультурным кодом, формирует лингвокультурное пространство автора художественной прозы, отражая его мировидение, мироощущение. Актуализация языковых единиц в художественном тексте обязательно сопровождается импликацией их смыслов.

1. Антонян Ю. М. Человек и Бог, творящие друг друга / Ю. М. Антонян. – Москва: Логос, 2003. – 480 с.
2. Балаш Д. Б. Отпустить душу на покаяние: духовный код языковой картины мира / Д. Б. Балаш // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья: научные доклады участников Международного научно-просветительского форума (г. Новозыбков, Брянская область, 18–21 мая 2021 г.) / ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. – Брянск: РИСО «БГУ», 2021. – С. 358–364.
3. Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – Москва: АСТ-Пресс Книга, 2014. – 784 с.
4. Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. – Москва; Минск, 2001. – 1312 с.
5. Даль В. И. Вакх Сидоров Чайкин / В. И. Даль. – URL: <https://philolog.ru/vdahl/texts.htm> (дата обращения: 01.10.2024).
6. Даль В. И. Гофманская капля / В. И. Даль. – URL: http://az.lib.ru/d/dalx_w_i/text_1846_gofmanskaya_kaplya_oldorfo.shtml (дата обращения: 18.09.2024).
7. Даль В. И. Мичман Поцелуев / В. И. Даль. – URL: <https://philolog.ru/vdahl/texts.htm> (дата обращения: 01.03.2024).
8. Даль В. И. Павел Алексеевич Игривый / В. И. Даль. – URL: <https://knijky.ru/books/pavel-alekseevich-igrivyyu> (дата обращения: 18.09.2024).
9. Даль В. И. Савелий Граб или двойник / В. И. Даль. – URL: <https://philolog.ru/vdahl/texts.htm> (дата обращения: 01.10.2024).
10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В. И. Даль. – Т. 1. – Москва, 1989. – 700 с.
11. Иванов Е. Е. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси: монография / Е. Е. Иванов, В. А. Маслова, В. М. Мокиенко. – Москва: РУДН, 2022. – 406 с.
12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва: Оникс, 2008. – 736 с.
13. Пономарев П. А. О содержании категорий «душа» и «дух» в философской традиции / П. А. Пономарев, В. Н. Белогорцев // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2012. – № 5. – С. 9–11.

14. Словарь русского языка. В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. – 696 с.
15. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва: Академический проект, 2004. – 992 с.
16. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва: Советская энциклопедия: ОГИЗ. – 1935–1940. – Т. 1. – 1562 с.
17. Трессидер Д. Словарь символов / Д. Трессидер. – Москва: Торговый дом «Гранд»: Фаир-пресс, 2001. – 444 с.
18. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – Москва: Республика, 2001. – 719 с.
19. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных статей / сост.: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. – 3-е стереотип. изд. – Москва: Русский язык, 1978. – 543 с.
20. Христианство: энциклопедический словарь. В 3 т. / ред. кол. С. С. Аверинцев и др. – Москва: Большая российская энциклопедия, 1993. – Т. 1. – 883 с.; Т. 2. – 671 с.; Т. 3. – 783 с.
21. Щербачук Л. Ф. Концептуалізація християнського коду культури у фразеологічному просторі: сакральність і десакралізація / Л. Ф. Щербачук // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия: Филология. Социальные коммуникации. – Т. 25 (64). – № 4. – Ч. 2. – Симферополь, 2012. – С. 496–500.
22. Щербачук Л. Ф. Концептуалізація ГРІХА у фразеології української мови / Л. Ф. Щербачук // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия: Филология. Социальные коммуникации. – 2011. – Т. 24 (63). – № 2. – Ч. 2. – С. 485–489.

Sacralization and desacralization of the concept of the soul in the works of V. I. Dahl

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of the linguistic objectification of the concept of «soul» in the works of art by V. I. Dahl. Phraseological units with the soul component, fixed in the creative heritage of the writer, reflect the semantic features of the textual realization of the ambivalence of the sacred and profane. The soul lexeme as an element of the Christian ethno-cultural code reflects the linguistic and cultural space of the writer.

Keywords: *V. I. Dahl, soul, sacred, profane, ambivalence, phraseological unit.*

УДК 78.071+784

Э. С. Алимова

Специфика исполнительской деятельности в области вокального искусства

В статье рассматриваются различные аспекты деятельности вокалистов в сфере академического вокала. Современные реалии приводят к появлению новых требований – умения работать с различными жанрами музыки, использовать различные компьютерные программы для обработки голоса, а также инструменты для развития его тембра, объема и глубины.

Ключевые слова: вокал, академический вокал, техника вокала, вокальные приемы, компьютерные технологии, выразительность, самовыражение, развитие вокалистов.

Введение. Актуальность исследования определяется сохраняющимся интересом к академическому вокалу в Европе и мире, который продолжает оставаться востребованным, формируя певческую культуру современных исполнителей. Изучение современного состояния академического вокала позволяет понять суть современных подходов и техник в данной области. Также важно учитывать, что с течением времени возникают новые вызовы в данной области искусства пения, которые требуют новых решений.

В качестве источниковой базы использованы труды таких авторов, как М. С. Агин «Наука и практика в области вокального искусства» (автор анализирует практические достижения в сфере вокального искусства), А. В. Деряжний «О принципах и методах советской вокальной педагогики» (излагаются основные методы подготовки вокалистов в СССР), Л. Б. Дмитриев «Основы вокальной методики» (освещены тео-

ретические подходы при изучении вокальной подготовки), А. Г. Менабени «Методика обучения сольному пению».

Цель исследования – определить особенности специалистов в области академического вокала.

Для многих людей музыка остается неотъемлемой частью повседневной жизни и единственным средством, которое связывает множество культур по всему миру. Она служит маяком творчества и самовыражения для тех, кто чувствует внутреннее желание делиться своим опытом с окружающими. Но поскольку глобализация мира продолжается, даже самые отдаленные страны подвергаются воздействию современных достижений, и сфера академической музыки не является исключением.

Рассматривая историю академического вокала, важно отметить, что он возник в средневековье, при этом вокальное искусство во многом определялось особенностями христианской музыки. Во Франции, Германии, Ита-

лии длительное время шел процесс формирования различных школ вокального искусства. Техника обучения вокалу стала развиваться благодаря таким преподавателям, как Ламоссесе.

Тенденции, которые прослеживаются сегодня в области академического вокала, связаны с применением самых различных подходов и современных педагогических практик, отражающих потребности общества, а также позволяющих соотнести новые технологии с процессом развития самих вокалистов. Если говорить о педагогах академического вокала, то они стараются не только передать техническую составляющую, но и добиться наибольшей выразительности и художественного самовыражения у студентов.

Рассматривая современные технологии подготовки вокалистов, можно назвать программы для работы с голосом и для анализа голоса, видео- и аудиозаписи. Благодаря использованию таких

технических средств певцы получают возможность добиваться изменений собственного голоса и техники исполнения в процессе подготовки композиции. Они получают доступ и к различным материалам, которые оказываются для них полезными в ходе работы.

Однако, несмотря на новые технологии, традиционные методы обучения вокалу, такие как дыхание, постановка голоса и артикуляция, остаются приоритетными в вокальной педагогике. Эти техники, передаваемые от поколения к поколению, продолжают играть ключевую роль в формировании звучания голоса и его музыкальной интерпретации.

Изложение основного материала. Классические техники работы академических вокалистов следует считать важной основой для того, чтобы добиться наиболее качественного и продуманного вокального исполнения. При этом внимание сосредоточено на нескольких основных аспектах (см. таблицу).

Таблица – Основные аспекты современной вокальной техники в академическом вокале

Аспект	Определение
Наличие правильной артикуляции	Четкое произношение слов и звуков, наличие правильной артикуляции, произнесение текста с выражением.
Дыхание	Дыхание следует контролировать при помощи диафрагмы, чтобы звук обладал необходимой динамикой.
Музыкальные фразы	Умение добиваться выразительности, умение осуществлять вокальную интерпретацию музыкального текста.
Техника проекции для голоса	Работа с голосовым резонансом необходима, чтобы уметь наполнять голосом значительное по размеру пространство.

С течением времени музыкальная культура и вокальное искусство последовательным образом развивались, в результате чего появились новые способы работы вокалистов, работающих в сфере академического вокала. Такие методы исходили из ряда особенно-

стей пения на индивидуальной основе: физиологического, психологического и иного порядка. Если рассматривать работы педагогов по вокалу 19 века, то нельзя не упомянуть труды таких авторов, как Марчиси и Коффины. В настоящее время исполнители, рабо-

тающие с жанром академического вокала, применяют метод Сузуки, метод Бельканто и другие, которые позволяют понять, что в сфере вокальной академической подготовки за прошедшее время накоплен значительный опыт.

Наличие правильной артикуляции у вокалиста очень важно, поскольку это основной инструмент для передачи эмоции через голос. Дикция позволяет проговаривать слова наиболее четко, при этом речь формируется при помощи гортани, губ и языка. С правильной дикцией и артикуляцией на практике связаны:

- четкость произношения звуков, когда при правильном пении вокалист выделяет каждое слово;
- умение различать звуки речи, похожие между собой;
- правильная артикуляция (когда мышцы речевого аппарата применяются для правильного формирования звуков);
- наличие согласованности – дикция и артикуляция должны в обязательном порядке дополняться самой музыкальной фразировкой.

Наличие правильной артикуляции и дикции позволяет аудитории гораздо проще воспринять исходный текст и испытать определенные эмоции в ходе выступления вокалиста. Не менее важным обстоятельством в данной связи следует считать сохранение силы и параметров голоса, а также проявлять заботу о здоровье голоса на протяжении длительного срока.

Если рассматривать особенности современной вокальной практики, то следует сказать о том, что специальные упражнения способствуют появлению правильной дикции, при этом возможно использование таких упражнений, как работа с выделением слогов ударного и безударного характера, с проведением упражнений, которые позволяют контролировать положение языка и губ. Благодаря таким упражнениям вокалисты получают возможность развивать собственные навыки, постепенно улучшать качество испол-

нения мелодий. В этом случае большое значение имеет дыхание, благодаря которому удастся поддерживать стабильность звука [1, с. 183].

Вокалистам следует дышать с применением диафрагмы – она отвечает за регуляцию потока воздуха. Если вокалист применяет правильное дыхание при помощи диафрагмы, то ему удастся осуществлять контроль потока воздуха, необходимого для создания звука и приводящего к наибольшей длительности создаваемой музыкальной фразы.

Наличие правильной техники дыхания приводит к созданию наиболее выразительного характера звука, снимается напряжение с голоса. Дыхание следует представлять как динамический процесс, который нуждается в практическом подходе и осуществлении контроля. Благодаря правильной фразировке, при опоре на музыкальность появляется возможность передачи выразительности музыки, ее максимальной глубины.

Большое значение в академическом вокальном искусстве имеет техника проекции голоса – благодаря этому происходит передача звука на значительное расстояние. Такая техника востребована при работе на большой зал – для оперных певцов, для певцов, которые собирают большое количество зрителей, для театрализованных представлений. Вокалисты должны уметь правильно работать с микрофоном, применять резонансные полости собственного тела, осуществлять контроль дыхания в тех моментах, где это требуется. Благодаря применению таких техник можно доносить до слушателя нужные мысли и идеи, а также добиться высокого качества выступлений [2, с. 247].

Современные методики, применяемые сегодня при подготовке вокалистов (например, микст – смешение головного и грудного регистров, бэлтинг – способность выводить звук при помощи твердого неба), характеризуют современное положение дел в данной

сфере, демонстрируют различный подход вокалистов к формированию собственной стилистики. В связи с этим имеет значение не только способность владеть различными вокальными техниками, но и способность соответствовать современным требованиям при исполнении произведения.

Для современных вокалистов важны не только техническая сторона исполнения, но и возможность экспериментов с рядом вокальных приемов – чтобы добиться появления собственного уникального исполнительского стиля. Так, в сфере академического пения большое значение имеет применение таких приемов, как импровизация, приемов для улучшения тембра и мелодического характера.

Индивидуальный подход при подготовке вокалистов означает учет как их потребностей, так и их способностей. Обращение к новым вокальным приемам позволяет увеличить количество применяемых исполнителем выразительных средств и тем самым развить свой исполнительский стиль. Так, свой оригинальный стиль исполнения популярных песен обрели Мия Бойки, обратившаяся к жанру народных песен, Лариса Долина – благодаря обращению к джазу.

Постоянное совершенствование компьютерных технологий открывает возможность для обработки голоса и развития собственных возможностей. Сегодня имеется большое количество различных программ для голоса – Vox Tools, Minute Vocal Warm Up. Они используются для тренировок голосовых связок в то время, когда это удобно. Например, Vox Tools имеет техника для разогрева и развития различных видов голоса, в нем есть примеры работы с голосом. Minute Vocal Warm Up предназначено для разогрева голоса перед исполнением. Существующие приложения могут применяться и для совершенствования интонации, дыхания, артикуляции и пр. Новые цифро-

вые реалии при работе с голосом получают отражение в научной литературе, в частности, в статье Яна Шаньина «Технологии и инновации в вокальном образовании: от классических методик к цифровым решениям».

Обработка звука в студии позволяет вокалистам создавать профессиональные записи своего исполнения. Применение программ для аудиообработки приводит к тому, что у них появляется возможность для редактирования собственного голоса, изменения тембра, добавления тех или иных звуковых эффектов, для создания вокальных аранжировок. Исполнители могут проводить различные эксперименты, создавать записи высокого качества, например, проект группы Pink Floyd по обработке мелодий, созданный в кельтской стилистике.

Итак, применение современных технологий при подготовке вокалистов дает им возможность повысить собственный уровень исполнения, развить творческие возможности. Студенты, пользуясь различными по характеру инструментами, смогут добиваться новых профессиональных успехов [3, с. 356].

Выводы. Анализ деятельности современных вокалистов, работающих с академическим вокалом, показывает, что развитие технологий и других процессов в академической музыке приводит к тому, что они становятся более доступными для использования. При этом в качестве основной цели вокалистов выступает улучшение их творческих способностей и их вокальных навыков. Методы и техники, которые применяют сегодня вокалисты, продолжают развиваться в соответствии с современными требованиями. Проведение дальнейших исследований в сфере психологии и физиологии исполнения, обмен опытом в данной области приведет к развитию музыкального искусства в целом.

-
1. Агин М. С. Наука и практика в области вокального искусства / М. С. Агин // Сборник трудов первого международного междисциплинарного конгресса «Голос». – Москва: ООО Центр информационных технологий в природопользовании, 2007. – С. 232–233.
 2. Деряжный В. А. О принципах и методах советской вокальной педагогики / В. А. Деряжный // Вопросы вокальной педагогики. Вып. 3. Статьи и очерки. – Москва: Музыка, 1967. – С. 5–44.
 3. Усачева В. О. Музыкальное искусство / В. О. Усачева, Л. В. Школяр, В. А. Школяр // Программно-методические материалы. – Москва: Дрофа, 2001. – С. 219–268.

The specifics of performing activities in the field of vocal art

This article examines various aspects of vocalists' activities in the field of academic vocal. Modern realities lead to the emergence of new requirements for vocalists - the ability to work with various genres of music, the ability to use various computer programs for voice processing, tools for developing their own timbre, volume and depth of voice.

Keywords: *vocal, academic vocal, vocal techniques, computer technologies, expressiveness, self-expression, development of vocalists.*

Н. Н. Крыгин

Спектакль «Константин Терехин» в Театре имени МГСПС как ранний советский опыт обращения к актуальной драматургии

В статье спектакль московского Театра имени МГСПС (совр. — Театр Моссовета) «Константин Терехин» («Ржавчина») по пьесе В. Кириона рассматривается как один из первых в советском театре опытов фиксации явлений современной жизни. Выявлена одна из сложных проблем жизни молодежи 1920-х годов (проблема «комсомольского быта»), проанализированы различные документальные свидетельства эпохи и более поздние научные исследования, раскрывающие проблему «полового вопроса». Осуществлена реконструкция спектакля и актерско-режиссерского метода театра. Определено место, которое занял спектакль в общей картине театральной жизни второй половины 1920-х годов, а также проведены исторические параллели с другими художественными явлениями русского и советского театра.

Ключевые слова: концепция «крылатого Эроса», советский театр, театр социальной маски, социальный жест, Театр Моссовета.

Введение. В специальной литературе, так или иначе связанной с анализом событий, последовавших за Октябрьским переворотом 1917 года, кроме термина *социалистическая революция* часто можно встретить термин *сексуальная революция*. Марксистская теория связывает болезненную сексуальность буржуазного общества с проблемой подчинения ее капиталу, а буржуазный брак трактует как инструмент товарно-денежных отношений, ставится цель разрушить буржуазный брак и освободить от капиталистического рабства женщину, дав ей равные права с мужчинами. Новое советское государство отменило церковный брак, существенно упростив процедуру бракосочетания и развода (вплоть до уравнивания в пра-

вах браков «официальных» и незарегистрированных), легализовало аборт; предполагалось повсеместная организация «нового быта», то есть открытие общественных столовых, прачечных, детских садов и интернатов, что должно было полностью освободить женщину от домашнего хозяйства. В действительности же возникла проблема половой распущенности рабочей молодежи, многоженства, аборт с летальными исходами, убийств одинокими матерями своих новорожденных детей, то есть то, что иначе называлось «крайностями комсомольского быта».

Театр и драматургия откликнулись на проблему «нового быта» пьесами «Заговор чувств» Ю. Олеши (поставлена в Театре имени Вахтангова в 1929

году режиссером А. Д. Поповым), «Хочу ребенка» С. Третьякова (готовилась к постановке в Театре имени Вс. Мейерхольда с 1926 года, окончательно запрещена цензурой в 1929 году), спектаклями «Будни» по пьесе С. Кашевника и П. Маринчика, «Мещанка» П. Маринчика и «Зови фабком!» И. Коровкина и С. Ершова в самостоятельном Ленинградском Театре рабочей молодежи (сезон 1926/1927 года). Театр имени МГСПС в апреле 1927 года по-своему ответил на проблему постановкой пьесы В. Киршона и А. Успенского «Константин Терехин» («Ржавчина»), в первый же месяц выдержавшей двадцать одно представление и не менее семнадцати раз сыгранной в летний гастрольный сезон. В советском театроведении эта постановка Театра имени МГСПС, как правило, рассматривается в общем ряду других спектаклей середины 1920-х годов, поднимающих острые вопросы молодежи, как, например, в работе В. М. Мироновой [8]. Исследованию бродвейской постановки 1929 года пьесы Киршона и Успенского посвящены работы М. М. Гудкова.

В данной статье проведена реконструкция спектакля как одного из типичных для раннего периода истории советского театра на основе документальных источников эпохи с использованием более поздних театроведческих исследований.

Изложение основного материала.
Чубаровское дело и процесс братьев Кореньковых. Октябрьская революция 1917 года и последовавшие за ней события Гражданской войны привели к власти так называемый «рабочий класс», де-факто – коллективного Клим Чугункина с ярко выраженной агрессией в адрес классов, находящихся на более высокой социальной ступени. Диктат победившего класса осуществлялся не только на государственном, но и на бытовом уровне, что отражено как в исторических документах, так и в искусстве того времени. Идеи освобождения рабочего класса от лицемерной морали буржуазной культуры в жизнь проводила

А. М. Коллонтай. Она ввела в обиход термин «половой коммунизм» [6, с. 64] и продвигала теорию и практику «крылатого Эроса» («влечение тела, перемешанного с духовно-душевными эмоциями»). Причем уточняя, что «... для классовых задач совершенно безразлично, принимает ли любовь форму длительного и оформленного союза или выражается в виде преходящей связи», и противопоставляя ее «Эросу бескрылому» («телесному влечению полов») [14, с. 209]. В молодежной среде возникает «теория стакана воды», согласно которой отношения между мужчиной и женщиной сводятся к исключительно инстинктивному удовлетворению сексуальных потребностей¹. Возвращение к мирной жизни в условиях новой экономической политики вызвало усиление в обществе противоречий между представителями рабочего класса и частными предпринимателями – носителями «мещанских ценностей», что перенеслось и в сферу половых отношений. В художественной литературе того времени можно встретить, например, следующие высказывания: «Новая любовь – это свободная любовь на основе экономической независимости и органического влечения индивидуумов противоположного пола» (С. Малашкин, «Луна с правой стороны», 1927 год), «У коммунистов нет жен. Есть сожительницы» (О. Брик, «Не попутчица», 1923 год), «Мы не признаем <...> никакой любви! Это все буржуазные штучки, мешающие делу! Развлечение для сытых!» (Л. Гумилевский, «Собачий переулочек», 1927 год). Как итог, к середине 1920-х годов страну охватила эпидемия сексуальных преступлений, кульминацией которых стало изнасилование в Чубаровом переулке в Ленинграде в августе 1926 года фабричной работницы группой местной шпаны. Случайные прохожие из числа рабочих

¹ Необходимо отметить, что «теория стакана воды» приписывается А. М. Коллонтай, тогда как это прямо противоречит ее тезисам о «крылатом Эросе». Публично среди прочих высказывались о «стакане воды», как о негативном явлении, В. И. Ленин и А. В. Луначарский.

находящегося поблизости литейного завода (среди которых были комсомольцы, включая секретаря комсомольской ячейки завода, и члены Коммунистической партии) или проходившие мимо, воспринимая происходящее как нечто, не выходящее за рамки общественной нормы, или за 15–20 копеек присоединялись к насильникам. Итогом судебного процесса стали шесть смертных приговоров и тюремные сроки от одного года до десяти лет.

Несколько иной характер носил процесс братьев Кореньковых. В июле 1925 года в общежитии Горной академии застрелилась студентка-комсомолка Рива Давидсон. Около года она состояла в гражданском браке с Константином Кореньковым, комсомольцем, кандидатом ВКП(б), донбасским шахтером, командированным на учебу в Москву. В течение этого года Давидсон, проживавшая с ним в одной комнате общежития, подвергалась унижениям и побоям, перенесла три аборта. Кореньков демонстративно отказывался называть Риву женой и не скрывал от нее отношений с другими женщинами. Само по себе самоубийство Давидсон не вызвало резонанса²; решение партийно-комсомольской комиссией об исключении из партии Коренькова, первоначально обвинявшегося в убийстве, но затем, в отсутствии доказательств, – в сознательном доведении человека до самоубийства, сопровождалось дискуссией. Главный мотив в защиту последнего заключался в том, имеет ли право ячейка вмешиваться в личную жизнь комсомольцев: «Дело семейное, кто их разберет?», «Где написано, что коммунист может иметь только одну жену, а не несколько?». К тому же Давидсон была «человеком из интеллигентской семьи с мещанскими замашками». «Все знали, все видели, что Кореньков груб к жене, издевается над ней, но в подробности их совместной

жизни никто не вникал... Коллектив ничего не предпринял, чтобы справиться с недопустимым отношением к своему члену», – резюмирует в статье «О Кореньковщине» С. Н. Смидович [19, с. 136], сменившая на посту главы департамента деятельности среди женщин Центрального комитета партии (Женотдела) А. Коллонтай, и приводит как пример еще несколько ситуаций из жизни комсомольских ячеек, когда «крайности комсомольского быта» воспринимаются как личное дело пролетария и затушевываются из соображений «высшего порядка» (читай – строительства коммунизма и борьбы с мелкобуржуазным мещанством). Смидович, еще будучи главой женотдела, начинает борьбу против «перегибов», вызванных политикой Коллонтай. Активно пропагандирует за нормализацию половых отношений в советском обществе известный врач-психиатр А. Б. Залкинд, автор статьи «Двенадцать половых заповедей революционного пролетариата». В 1929 году правительство СССР отказывается от новой экономической политики в пользу коллективизации, меняется культурный вектор развития страны, начинается активная борьба с последствиями «сексуальной революции». На высшем уровне пропагандируются семейные ценности, культ материнства и счастливого детства. Тема «полового вопроса» полностью выводится из пространства публичной дискуссии.

Авторы и пьеса. Пьеса «Константин Терехин» является драматургическим дебютом писателя-коммуниста В. М. Киршона, сегодня больше известного как автора стихотворения «Я спросил у ясеня». В конце 1920-х годов он приобрел популярность как автор пьес с ярко выраженной пролетарской идеологией. Одной из вершин его творчества является молодежная комедия «Чудесный сплав», написанная в 1933 году и остроумно объединившая в себе все тенденции сталинской пропаганды того времени, такие как единение наций Советского Союза на основе русского языка, коллективизация труда, военно-

² Судебный процесс и приговор братьям Кореньковым и их соучастнику были основаны на совместном ограблении кассы и нанесении ножовых ранений кассиру и убийстве его жены, совершенных годом позже.

техническое противостояние СССР со странами Запада.

Пьеса «Константин Терехин» в драматургическом плане признавалась крайне несовершенной, многие исследователи творчества Киршона касались ее вскользь, сразу переходя к его первой серьезной самостоятельной работе «Рельсы гудят». Соавтором Киршона выступил его школьный друг, писатель, врач А. В. Успенский, к 1927 году опубликовавший ряд научно-популярных брошюр: «Половая жизнь и ее отклонения: общедоступное изложение в связи с вредом половых излишеств и беспорядочной половой жизни», «О вреде ранних половых сношений» и др.

История «документального театра» на русской советской сцене связывается в первую очередь с представлений агитбригад «Синяя блуза» и их «Живыми газетами», состоявшими из небольших скетчей и эстрадных номеров на злобу дня. Документальной основой для пьесы Киршона послужили материалы процесса братьев Кореньковых. Первая редакция пьесы, опубликованная в 1926 году в журнале «Молодая гвардия», называлась «Кореньковщина» и буквально повторяла историю Константина Коренькова и Ривы Давидсон.

Впервые пьеса была представлена на сцене 3 марта 1927 года в рабковском кружке «Рабочей газеты», затем ставилась во многих театрах СССР, в том числе в 1928 году в Симферополе – в Крымском госдрамтеатре³, а также в течение 1929 года – в Париже, в Лондоне и в Нью-Йорке. Премьера спектакля в Театре им. МГСПС состоялась 15 апреля 1927 года в помещении театра «Эрмитаж». В репертуарных планах театра на сезон постановка не значилась, поэтому можно предположить, что поводом для включения пьесы в репертуар послужил спектакль кружка «Рабочей газеты». В конце 1927 года спектакль планировался для участия в зарубежных выставках, проводимых Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей

³ Сегодня – Крымский академический русский драматический театр им. М. Горького.

(ВОКС) к десятилетнему юбилею Октябрьской революции [23].

Сюжет пьесы строится вокруг комсомольца-рабфаковца Константина Терехина, выступающего против предательства идеалов революции, против нэпа и мещанского приспособленчества, в действительности же ведущего аморальный образ жизни. Английская постановка 1929 года подает сюжет как ужасающую картину действительной жизни студентов, пренебрегающих буржуазными удобствами и отвергающих принципы буржуазной морали, трактуя это как ржавчину; причем на унцию здорового металла приходится фунт ржавчины.

Пьеса разбита на одиннадцать эпизодов, написанных и озаглавленных в стилистике клубных агитобозрений:

– «*Моя хата с краю*» (экспозиционный эпизод, вводящий в проблематику «полового вопроса», то есть отношения к женщине, к браку и т. д.);

– «*Эх, ребятки, в девятнадцатом году*» – появление главного героя, экспозиция его отношений с гражданской женой Ниной и к моногамному «мещанскому» браку, влияния его «упаднических настроений» на окружающих, в частности на Петра; ссора Константина с Федором на почве его любви к Нине;

– «*Хочется выть*» – эпизод в ресторане представляет собой жанровую сцену «морального разложения» Терехина и его окружения;

– «*Терехину топчут жизнь*» – Терехин принуждает беременную Нину к очередному аборту, так как ребенок «свяжет» его с Ниной и будет мешать учебе и партийной работе. В общежитие приезжает крестьянская жена Терехина Ольга с сыном, которых он цинично отправляет обратно в деревню;

– «*Говорит Москва*» – эпизод представляет нарезку зарисовок с натуры на темы «полового вопроса», а также намечает конфликт границ «личное/общественное». Нина, перенесшая аборт, ищет поддержки у влюбленного в нее Федора;

– «*Как мышь с корабля*» – Петр, оказавшийся под влиянием терехинской

«ржавчины», совершает неудачную попытку самоубийства, что воспринимается окружающими как слабость, чуждая истинному революционеру. Развитие диспута о личном и общественном;

– «*Королева изволила отбыть*» – центр эпизода – столкновение двух героинь, в котором ярко выражено отношение автора к «половому вопросу»:

Лиза. Что важно? Удовлетворить половую потребность, а вы цепляетесь за мужчину, как за вещь: «Ах, муженек! Ах, любимый! Ах, бесценный!» Пошлость! От этого и сцены, и драмы, гадость вообще <...> Ну, подумай! Месяц ты живешь с одним фраером, ну два, а дальше? Ведь нельзя же все время пить из одного стакана. Приедается.

Феня. Из одного стакана! А ты чем же хочешь быть, со своим «крылатым Эросом», который с кровати на кровать перелетает, кружкой для всех? Если я хочу жить с парнем по-хорошему, вместе учиться, вместе работать...

Лиза. Пацанов плодить.

Феня. Да, пацанов плодить и из этих пацанов людей делать...» (эпизод заканчивается самоубийством Нины);

– «*Идем в поход!*» – эпизод посвящен определению степени виновности Терехина в смерти Нины и возможности комсомольской ячейки вмешиваться в личную жизнь комсомольца. Терехин исключается из партии;

– «*Вот это я называю замазыванием*» – эпизод, в котором контрольная комиссия раскрывает истинное лицо Терехина и подтверждает решение об исключении его из партии;

– «*Не могу оставаться одна*» – Маня, новая «жена» Терехина, находит дневник Нины, раскрывающий мир ее переживаний и желание жить вопреки всему. Поборов сопротивление Федора, Терехин сжигает дневник;

– «*Манечка, нельзя меня выдавать*» – финальная сцена, в которой Терехин во сне признается, что убил Нину. Несмотря на угрозы и насилие со стороны Константина, Маня готова рассказать всем правду.

Вокруг пьесы и постановки Театра имени МГСПС развернулись «горячие

споры», лейтмотивом которых стало обвинение в депрессивности звучания темы и очернении быта вузовцев-комсомольцев [22, с. 58-59]. В ответ критик В. А. Павлов на страницах «Нового зрителя» утверждает, что спектакль «не загромождал сознания зрителей унынием и безысходностью», а «вскрывал язвы на здоровом теле советской молодежи» [9]. А. Пиотровский развивает мысль, утверждая, что в действительности спор идет не вокруг пьесы или спектакля. По его мнению, таким способом выражается отношение к самому социальному явлению «упадочничества, хамства, половой распущенности, мещанства», а также к разговору «о типе нового человека и об искажении этого типа, порождаемых в “ржавой” части молодежи». Сама же пьеса есть пример боевой публицистической драматургии в отличие от пьес, «благополучных во всех отношениях», счастливо рядящих в «сегодняшние одежды сладкую и бойкую интригу ходовой мелодрамы (курсив мой. – Н. К.)» [12, с. 418].

Театр имени МГСПС. В сборнике 1934 года «Театры Моссовета» как манифест прозвучала программа группы артистов во главе с С. И. Прокофьевым, на основе которой в 1923 году организован театр при Московском губернском совете профсоюзов (МГСПС): «...рвать с застойностью старого профессионального театра; рвать с его аполитичностью, с его жречеством; и выкинуть в массы, за политику, в бой с классовым врагом, за всю ту сумму идей и устремлений, которую по окончании открытой гражданской войны предстояло освоить и впитать пролетариату» [24, с. 31]. В 1925 году театр возглавил актер Е. О. Любимов-Ланской, сразу заявив, что целевой аудиторией театра должны стать «широкие профсоюзные массы», для чего создается художественный совет, в состав которого входят все заведующие культотделами московских профсоюзов, а репертуар театра строится на пьесах социального характера и призван отражать волю массового зрителя⁴. «Мы

⁴ Г. Юсупова в книге «С большим материаль-

Америк не открываем, мы стремимся быть театром сегодняшнего дня, театром современным, понятным широкой рабочей массе», – приводит слова Любимова-Ланского В. Ашмарин в статье, посвященной пятилетию театра [2]. Как свидетельство эпохи интересно высказывание историка С. Н. Пионтковского, называющего Театр МГСПС, наряду в Театром Революции, единственным по-настоящему пролетарским театром Москвы, в котором «...наше недавнее прошлое, наше настоящее и наше будущее: труды, муки, новое строительство мира, эпизоды борьбы» [18, с. 120], и противопоставляющего ему театр индивидуальной трагедии – «мистический» МХАТ-Второй во главе с М. А. Чеховым. Первым программным спектаклем Любимова-Ланского стала постановка пьесы В. Н. Билль-Белоцерковского «Шторм» (премьера – 8 декабря 1925 года), которую критик П. А. Марков отметил как «почти фотографически документальную» [7, с. 498], что в целом передает характер всех постановок Театра имени МГСПС того времени, включая и постановку «Константина Терехина». Тем самым он поднял вопрос, является ли это вообще искусством. Репертуар театра второй половины 1920-х годов составляли исключительно пьесы современного репертуара: кроме уже упомянутого «Шторма» и «Константина Терехина» в театре ставились пьесы «Мятеж» Д. Фурманова, «Рельсы гудят» Киришона, «Голос недр» Билль-Белоцерковского, инсценировка романа Ф. Гладкова «Цемент» и др.

Ориентируясь на рабочего зрителя, Любимов-Ланской декларировал, что

ным и художественным успехом...» приводит данные опроса, проведенного в марте 1926 г., согласно которому театр МГСТС по популярности среди московских театров занимает седьмое место, ожидаемо оказавшись позади МХАТа, Большого и Малого театров, театра имени Мейерхольда, немного пропустив вперед МХАТ-Второй и театр Революции и опередив, среди прочих, Московский камерный театр и театр имени Вахтангова; по количеству положительных отзывов спектакль «Шторм» занял второе место после мейерхольдовской постановки «Рычи, Китай!» [16, с. 247].

театр должен строить работу диалектически, то есть демонстрировать мировоззрение с точки зрения классовой борьбы, искать черты старого в новом, из старой формы и старого содержания черпать материал для сегодняшнего дня [20, с. 377]. С 1938 года театр носит имя Моссовета.

Режиссура спектакля. В 1924 году, говоря о новой постановке Мейерхольда «Лес», критик Б. В. Алперс определил новое направление в советском театре, которое назвал как театр социальной маски, причем «маска» понимается здесь в концепции комедии дель арте, то есть не столько как средство перевоплощения, а как обозначение перманентных персонажей (итал. *tipi fissi*). Социальная маска как характерный признак агитационного театра впервые появилась в пьесе В. Маяковского «Мистерия-буфф» и широко использовалась в театральной практике 1920-х годов. В частности, активно вводили маски в сценическое действие «синелуны». Критика выделяет в спектакле «маски» студентов-рабочих, интеллигентов-«попутчиков», нэпманов. В режиссерском плане в постановке «Константина Терехина» Любимов-Ланской делит всех действующих лиц на три социальные группы: «Терехинцы – лица почти неисправимые, стоящие крепко на своих принципах», *шатающиеся* – имеющие в основном хорошую природу, но охваченные упадническим настроением» и «положительные, здоровые фигуры, ведущие активную борьбу с линией терехинщины», подчеркивая, что «...через реальную игру актеров театр пытается этой постановкой утвердить новый типаж, новые маски современности» (курсив мой. – Н. К.) [20, с. 365]. Безусловно, что и реализм в искусстве имеет некую меру условности. Безусловно и то, что реализм требует высокой степени психологической глубины, тогда как маска в противоположность психологическому реализму есть поверхностное обобщение типажа. В попытке усидеть на двух стульях Любимов-Ланской в итоге получает у большинства исполнителей

трафаретные зарисовки персонажей – студентов разных социальных групп, рабочих, нэпманов, образы которых лишь в отдельных случаях благодаря актерскому мастерству обретают яркие черты реалистического искусства. Таким образом, отсутствующее единство в способе актерского существования становится существенным препятствием к целостному восприятию образа спектакля. Критик В. Рудин отмечает, что образ Терехина в исполнении Крамова «явно выпадает из социальной среды», тогда как на эту самую среду, «с героя на массу», сыгранную «с привычной и крепкой техникой», переносится «сюжетный центр тяжести» спектакля [13].

Авторская композиция подверглась режиссерской корректировке. М. М. Гудков считает, что рекомендованные авторами в примечаниях к изданию пьесы 1927 года купюры и перестановки в основном повторяли композицию Любимова-Ланского: первый эпизод пропусклся, небольшие бытовые зарисовки из начала и конца сцены перенесены в начало эпизода «Королева изволила отбыть», спектакль начинался сразу с эпизода «Эх, ребятки, в девятнадцатом году». Эпизод «Хочется выть» сокращался за счет разговоров молодежи за столиками и монологов нэпмана Панфилова; опускались все жанровые зарисовки эпизода «Говорит Москва», а сюжетно значимые сцены Нины с Федором и Терехиным перебрасывались в эпизод «Как мышь с корабля», из которого вырезался диалог Василия с Петром. В эпизоде «Идем в поход!» сокращались речи Терехина и Петросяна. Таким способом Любимов-Ланской хотел усилить динамику развития сценического действия, сделать его более компактным. Так, сцене самоубийства Нины в авторской композиции предшествовал лишь флирт Терехина с Лизой, что являлось слабой мотивационной базой для события такого масштаба, тогда как у Любимова-Ланского объяснение Нины с Федором и последовавшая за ним ссора Терехина с Федором и Ниной могли трактоваться как сиюминутный

повод для самоубийства, а затем быть прочитанными как мотив убийства. При этом авторские жанровые зарисовки достаточно широко раскрывали фон проблематики, а их сокращение привело к значительным потерям в социальном звучании пьесы.

Действие спектакля насыщалось подробным бытовым фоном. В фельетоне Б. Алперса описан ряд мизансцен, которые он называет «бытовыми прослойками»: «...перед началом действия на сцене юноши и девушки в разноцветных майках весело играют в футбол, перекидывая огромный «жизнерадостный» мяч; перед каждым убийством или самоубийством те же юноши и девушки, в тех же майках делают различные гимнастические упражнения и маршируют под оптимистическую музыку; после сцены отвратительного надругательства над молодой героиней они выстраиваются в живую «пирамиду», символизирующую здоровое товарищеское единение мужчины и женщины»⁵ [1, с. 140]. Ирония Алперса понятна, но тем не менее дает представление о формальном решении спектакля. В полотно спектакля был введен граммофон, выполнявший функцию радио, через которое объявлялись названия картин.

Сценография. Когда П. Марков и другие критики говорят о «фотографичности» постановки, подразумевая, в частности, «документальный» стиль в одежде и оформлении сцены, упускается из виду такой немаловажный фактор создания спектакля, как бюджет. В одной из дискуссий о «левых театрах» затрагивался вопрос о финансировании московских театров и было замечено, что, например, на постановку спектакля «Ревизор» в Театре имени Мейерхольда выделено государственных субсидий 45 000 рублей, тогда как на постановки Театра имени МГСПС – от силы 2000 рублей из собственных средств [с. 78-79].

⁵ Наряду с возникшими в 1920-х годах в советском театре терминами, такими как «циркизация искусства», «метроритм», «биомеханика», можно встретить и «тефизкульт», то есть театрализация физической культуры.

Рисунок 1 – Сцена в ресторане.

Источник: «Рабис», 1927, № 17 (59), Библиотека имени Н. А. Некрасова (г. Москва)

Конечно, несоизмеримы масштаб режиссерской мысли Мейерхольда с его сложнейшими формальными решениями и Любимова-Ланского, у которого сценография играет «откровенную роль статичной рамки для картин-эпизодов» [1, с. 264]. Но и неравенство в возможностях очевидно; этим же можно объяснить низкий технический уровень исполнения отдельных режиссерских и сценографических задумок.

Над оформлением сцены спектакля «Ржавчина («Константин Терехин»)» работали Н. Меньшутин и П. Жуков. Как театральный художник Меньшутин получил известность благодаря работе над постановкой «Любовь Яровая» в Малом театре в 1926 году, и ряд критиков отмечали некоторую схожесть в сценографическом решении обоих спектаклей, основанном на архитектурных построениях на вращающейся площадке в стиле конструктивного реализма⁶ (рисунок 1).

В действительности классический конструктивизм присутствовал исключительно в каркасе опоясывающей поворотный круг сценической установки, которая в зависимости от сцены, дополнялась соответствующими предметами мебели и бытовыми деталями. В сцене «Эх, ребята, в девятнадцатом году» – столы, стулья, табуреты, турник, стенгазета «Красный вузовец»;

в сцене «Как мышь с корабля» (неудавшееся самоубийство Петра) – кровать, табурет, чертежный стол, портрет М. И. Калинина; в сцене «Хочется выть» – ресторанные столики и «мещанский» плафон под потолком.

Актерские работы. Когда мы говорим о Московском художественном театре, то подразумеваем классическую школу «переживания»; мейерхольдовский актер – это «переживание» через внешнюю форму; актерская «система» Таирова есть синтез в одном актере всей полноты сценической выразительности. Актерский состав театра имени МГСПС представлял собой подбор актеров, прошедших преимущественно «школу» провинциальных театров и клубной самодеятельности. А. Крамов до переезда в Москву играл в Киеве, Херсоне, Самаре, в Москве провел три сезона в бывшем Театре Корша и один сезон в Театре имени Мейерхольда. Из харьковской труппы Синельникова пришла А. Арсенцева; через антрепризы Ярославля, Ставрополя и Кисловодска прошел Г. Ковров, а через Екатеринославль, Нахичевань и Ейск – Т. Пельтцер и т. д. Долгое время в театре наблюдалась «актерская анархия», то есть ситуация, когда желание личного успеха преобладало над успехом актерского ансамбля или актеры в разрез с логикой действия и социальным смыслом «трюковали» в угоду публике. В значительной степени на дисциплину влияли и «халтурные»

⁶ Конструктивный реализм есть смешение условных и реалистических приемов в оформлении сцены.

летние сезоны. Дирекция театра от них открещивалась, но де-факто имевшие успех комедийные постановки игрались полностью силами своей труппы. Отсюда, очевидно, и появилось замечание, что в актерской игре в спектакле «Константин Терехин» «крайний натурализм смешивается с мелодраматическими штампами, штучками провинциальных водевилей» [12, с. 417].

В 1930 году в интервью «Советскому театру» актер В. Ванин (в постановке «Константин Терехин» он играл Петра) рассказал о своем подходе к работе над ролью. Во-первых, считает Ванин, несовершенная во многих отношениях новая советская драматургия не дает актеру полной картины образа, поэтому тот вправе подчинить авторскую драматургию своей воле. Во-вторых, в современной драматургии особенно важен вопрос раскрытия идеологической сущности роли, поэтому задачей актера в работе над ролью должен стать поиск того, «не каким он *может* быть, а каким он *должен* быть» (курсив автора. – В. В.) [3]. Для это Ванин исследует *прошлое* типа персонажа⁷, затем, беря за основу классовую сущность изображаемого типа, детально изучает бытовые особенности его профессии и специфичности⁸. Из этого актер, фантазируя, создает *настоящее* и *будущее* персонажа, и лишь потом – внешний образ своего героя.

О диалектической направленности творчества актера говорил и Любимов-Ланской, утверждавший, что работа над образом должна строиться на «установленных Энгельсом

трех гегелевских законах познания действительности» [20, с. 375], в частности на законе единства противоположностей. Любимов-Ланской считает необходимым:

1) искать множественность отношений между миром и персонажем, объединившим в себе бесконечное множество человеческих качеств;

2) определять, в каких ситуациях отношений между персонажем и миром, равно и в разных социальных условиях, одни и те же качества обретают разные значения;

3) искать в персонаже внутренние противоречия;

4) определять изменения в общественной жизни персонажа под воздействием процессов в окружающем мире.

Выявляя многогранность персонажа, нельзя забывать «о социальной природе, заботясь о социальном оправдании, но никак не о моральном» [20, с. 376]. Только так, по мнению Любимова-Ланского, сценический образ будет полнокровным и с ярко выраженным отношением к его социальной функции.

По мнению же Б. Алперса, Любимов-Ланской «...оставляет актера где-то на периферии образа, ограничиваясь нахождением двух-трех внешних бытовых деталей, которые создают жизненное правдоподобие персонажей» [1, с. 262].

Исследуя фотографические документы можно отметить, что внешние детали образов, описанные автором, воспроизводились почти буквально. Так, персонаж пьесы Прыщ описан Киршоном и Успенским как интеллигент в пенсне с угреватым лицом, что и видно по фотографии в роли актера В. Аристова, а Ленов – «есенинствующим» поэтом, вечно полупьяным, в костюме с галстуком и курящим трубку (фото актера А. Шишкова) и т. д. (рисунок 2).

Заглавную роль в спектакле исполняли два актера – А. Крамов и А. Андреев, но критика безусловно выделяла исполнение роли Крамовым, создавшим до конца выдержанный, исполненный психологической глубины и драматической силы «образ хитрого,

⁷ Скорее всего Ванин говорит о создании именно персонажа-маски, а не психологического образа. Неслучайно даже Василий Чапаев, одна из лучших ролей Ванина этого периода, по его собственным словам, вышел «неполным, однобоким, прямолинейным» [3].

⁸ «Марксистский» подход к созданию роли роднит эстетику театра МГСПС с брехтовским театром: в его «социальном жесте» «мы физически ощущаем биографию персонажа (социальную биографию, конкретно определяющую его существование здесь и сейчас) и в некоторой степени предвидим будущее персонажа» [5, с. 59].

Рисунок 2 – А. Шишков в роли Ленова; В. Аристов в роли Прыща.
Источник: «Новый зритель», 1927, № 19,
Библиотека имени Н. А. Некрасова (г. Москва)

умного, вкрадчивого, жестокого и лицемерного героя» [4]. Также отмечалась игра В. Аристова, А. Шишкова и В. Ванина в ролях Прыща, Ленова и Петра, то есть, не считая роли Терехина, наиболее характерных и развернутых в действии. Любимов-Ланской «с большим нажимом» сыграл роль нэпмана Панфилова. В премьерных спектаклях в небольшой роли Девуцы на бульваре в эпизоде «Говорит Москва» выступила 23-летняя Т. Пельтцер.

Выводы. Как отмечалось выше, постановка «Константина Терехина» вызвала много споров. Пресса сообщала о состоявшихся диспутах не только после московских спектаклей, но и во время гастролей в Одессе (июнь 1927 года), после представлений в ленинградских домах культуры (февраль 1928 года). Киевский корреспондент деликатно замечает, что особый успех спектакля состоялся «благодаря затронутым волнующим вопросам современности» [15]. География постановок, последовавших за успехом спектакля в театре имени МГСПС, всегда – с шумной и неоднозначной реакцией зрителей⁹, может го-

ворить о том, что успех в Театре имени МГСПС вызван не столько постановочным мастерством, сколько затронутой в пьесе скандальной темой. Заслуга театра – в обращении в пьесе. Московский театральный сезон 1926/1927 был отмечен четырьмя крупными работами ведущих театров: «Ревизор» в Театре имени Мейерхольда, «Дни Турбиных» в МХАТе и «Любовь Яровая» в Малом театре, «Зойкина квартира» в Театре имени Вахтангова. «Ревизор» – один из наиболее сложных режиссерских спектаклей русского театра – воспринимался пролетарской критикой как реставрационный и пессимистический¹⁰; «Дни Турбиных» и «Любовь Яровая» с разных позиций

го сезона 1927/1928, отмечает, что «самая ходкая» пьеса в российской провинции – «Константин Терехин»; не считая Москвы и Ленинграда, игралась в 18 городах РСФСР и прошла 129 раз. Также Пельше отмечает, что не везде пьесе хорошо принимали: в Сталинграде «Константина Терехина» «рабочие “Красного Октября” проваливают», «а в самом городе тот же “Терехин” проходит с триумфом» [11].

¹⁰ «Необходимо крепче сплотить ряды борцов за создание революционного театра высокого мастерства, необходимо в глаза заявить мастеру о происходящем и самым беспощадным образом отмежеваться от мещанской обывательщины» [10].

⁹ Р. А. Пельше, подводя итоги провинциально-

повествовали о событиях Гражданской войны, тогда как страна уже переживала совершенно иное время; наконец, одновременно и кассовая, и «идеологически сомнительная»¹¹ «Зойкина квартира» «приспособленца» М. А. Булгакова в постановке А. Д. Попова, блестяще описанной в воспоминаниях М. О. Кнебель, все-таки воспринималась как развлекательная. И в этом контексте появление в московской афише спектакля «Константин Терехин» оказалось событием, здесь и сейчас смело отвечающим не

просто «на злобу дня», но на острые вопросы, волнующие значительную часть современного авторов общества. «Театр МГСПС изображает нашу жизнь, наши трудности, и успехи, наши радости и печали» [22, с. 62], – говорится в издании, посвященном десятилетию театра. Драматургия, остро отвечающая на значимую сегодня проблему, получит название актуальной. В будущем обращение к актуальному событию как к основе драматического спектакля с использованием документального материала станет основой для так называемого «документального» театра и, в частности, станет визитной карточкой основанного в Москве в 2002 году Театра.doc.

¹¹ «Ввиду того, что «Зойкина квартира» является основным источником существования для театра Вахтангова, разрешить временно снять запрет на ее постановку» [21].

1. Алперс Б. В. Театральные очерки. В 2 т. Т. 2. Театральные премьеры и дискуссии / Б. В. Алперс. – Москва: Искусство, 1977. – 519 с.
2. Ашмарин В. Наш театр / В. Ашмарин // Новый зритель. – 1928. – № 15. – С. 3.
3. Ванин В. Как я работаю над ролью / В. Ванин // Советский театр. – 1930. – № 5-6. – С. 28-29.
4. Волков Н. «Константин Терехин» (театр им. МГСПС) / Н. Волков // Известия. – 1927. – 28 апреля.
5. Крыгин Н. Н. Эпический театр: теория и практика в специальном образовательном процессе / Н. Н. Крыгин // Художественное образование и наука. – 2023. – № 1 (34). – С. 54–63.
6. Малышева О. Л. Устойчивое развитие и традиции института семьи: искушение реформированием (опыт первых лет советской власти) / О. Л. Малышева // Управление устойчивым развитием. – 2017. – № 2 (09). – С. 62–68.
7. Марков П. А. О театре. В 4 т. Т. 4. Дневник театрального критика / П. А. Марков. – Москва: Искусство, 1977. – 639 с.
8. Миронова В. М. ТРАМ (агитационный молодежный театр 1920–1930-х годов) / В. М. Миронова. – Ленинград: Искусство, 1977. – 128 с.
9. Павлов В. А. На стройке. Пять лет театра им. МГСПС / В. А. Павлов // Новый зритель. – 1928. – № 15. – С. 6-7.
10. Павлов В. А. Надо помнить / В. А. Павлов // Новый зритель. – 1926. – № 51 (154). – С. 5.
11. Пельше Р. Театр в провинции (некоторые итоги) / Р. Пельше // Современный театр. – 1928. – № 26-27. – С. 475.
12. Пиотровский А. И. Театральное наследие – исследования, театральная критика, драматургия. В 2 т. Т. 1. Публикации А. И. Пиотровского в периодических изданиях 1919–1937 гг. / А. И. Пиотровский. – Санкт-Петербург: Балтийские сезоны, 2019. – 1104 с.
13. Рудин В. «Ржавчина» или «Константин Терехин» / В. Рудин // Жизнь искусства. – 1927. – № 18. – С. 15.
14. Цеткин К. Чего хотят женщины? / К. Цеткин, А. Коллонтай. – Москва: Родина, 2021. – 239 с.
15. Шелюбский М. Киев / М. Шелюбский // Новый зритель. – 1927. – № 35. – С. 11.
16. Юсупова Г. М. «С большим материальным и художественным успехом...» Кассовые феномены популярного искусства 1920-х годов: Кино. Литература. Театр / Г. М. Юсупова. – Москва: ГИИ, 2016. – 268 с.
17. Пути развития театра (стенографический отчет и решения партийного совещания по вопросам театра при Агитпропе ЦК ВКП(б) в мае 1927 г.) / вступ. ст. В. Г. Кнорина, под ред. С. М. Крылова. – Москва; Ленинград: Кинопечать, 1927. – 524 с.
18. Дневник историка С. А. Пионтковского (1927–1934) / отв. ред. А. Л. Литвин. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2009. – 516 с.
19. Комсомольский быт / сост. И. Разин. – Москва; Ленинград: Молодая гвардия, 1927. – 360 с.

20. Советский театр. Документы и материалы. Русский советский театр. 1926–1932. – Ленинград: Искусство, 1982. – 448 с.
21. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о пьесе М. А. Булгакова «Зойкина квартира» (20 февраля 1928 г.). – URL: <https://m-bulgakov.ru/publikacii/postanovlenie-politbjuro-ck-vkbb-o-pese-m-a-bulgakova-zojkina-kvartira-20-fevralja-1928> (дата обращения: 27.02.2024).
22. Театр московского пролетариата. Десять лет театра им. МОСПС / отв. ред. В. М. Городинский. – Москва: Изд. театра им. МОСПС, 1934. – 210 с.
23. Репертуар гос. Академических и государственных театров с 9 по 15 ноября 1927 г. // Современный театр. – 1927. – № 10. – С. 160.
24. Театры Моссовета: в помощь культработнику, завклубу, теаорганизатору / отв. ред. В. М. Млечин. – Москва: [б. и.], 1934. – 147 с.

The performance «Konstantin Teryokhin» at the Theater of MGSPS as an early experience in current dramaturgy in Soviet Union

The article considers the performance of the Theater of MGSPS (now – Mossovet Theater) «Konstantin Teryokhin» («Rust») based on the play by V. Kirshon as one of the first experiments in the Soviet theater to record the phenomena of current life. One of the complex problems of the life of young people in the 1920s («Komsomol life») is identified, various documentary evidence of the era and later scientific researches revealing the problem of the «sexual issue» are analyzed. A reconstruction of the performance and of the acting and directing method of the theater is carried out. The place that the performance occupied in the overall picture of theatrical life in the second half of the 1920s is determined, and historical parallels with other artistic phenomena of Russian and Soviet Theater are drawn.

Keywords: *the concept of «winged Eros», soviet theater, theater of the social mask, social gesture, Mossovet Theater.*

Л. С. Соколюк

Постановки музыкальной классики в формате open-air (на примере проекта «Русские оперы в Астраханском кремле»)

В статье рассматривается театральное искусство как часть культуры и самоопределение данного феномена, претерпевшего большие изменения на рубеже XX-XXI веков. Исследуются трансформации понятий «драмы», «конфликта», «действия», а также переосмысление роли артистов и зрителей в факте культурного диалога. В качестве примеров представлены постановки опер в исторических декорациях Астраханского кремля.

Ключевые слова: гетеротопия, пространство, театр, open-air, исторические декорации, Астраханский кремль, опера, музыкальный театр

Введение. Направление, в котором развивается современное искусство, можно характеризовать как «искусство будущего» – синтез искусств в рамках одного художественного объекта. Театральная культура ориентируется на социально-политическую жизнь общества, тем самым пересматривая свой инструментарий. Современный театр предлагает концепцию обмена опытом между актером и зрителем. Соответственно, для этого необходима такая пространственная композиция театра, которая могла бы активировать физическую и эмоциональную связь между всеми участниками процесса.

Выбором для постановок становятся самые разные локации – площади, ангары, особняки и различные пространства свободной планировки. Режиссеры совместно со сценографами создают новые, не использовавшиеся ранее медиа-эффекты. Это влечет за собой изменения

процесса театрального действия, где пространство классической сцены заменяют другими виртуальными пространствами.

Цель данного исследования – выявить причины поиска новых театральных форм и «вынесения» представлений на открытые площадки, а также влияния данного факта на режиссуру, драматургию и художественный образ постановок музыкальной классики на примере Астраханского театра оперы и балета. Подобные исследования ранее не проводились, поэтому заявленная тема представляет несомненный интерес и является актуальной.

Изложение основного материала. В связи с поиском режиссерами новых форм, появилась потребность в «вынесении» постановок за пределы сцены классического театра.

В 60-х годах XX века философом Джоном Лэнгшо Остином был введен термин «перформативный» (от англий-

ского глагола to perform – осуществлять, исполнять). Именно в это время, по мнению немецкого театроведа Эрики Фишер-Лихте, в культуре начался «перформативный поворот», то есть процесс размытия границ между видами искусства [5, с. 60–65].

В связи с поиском режиссерами новых форм появилась потребность в «вынесении» постановок за пределы сцены классического театра. Стали появляться новые формы театра, такие как спектакли «site-specific», где город становится театральным пространством, а окружающие здания декорациями для представления. Схожи с этим понятием такие явления, как флешмоб, хеппенинг и перформанс.

Примером этому является первый аудио-, видеоспектакль без актеров, поставленный в 1958 году. Основным приемом, на котором основывался спектакль, стал ряд визуальных образов, посредством которых создавались новые смыслы и отношения. Внимание зрителей рассеивалось, так как действие происходило одновременно на экране и на сцене.

В классическом театре «вторая реальность» существует по законам автора, имеет определенную логику и последовательность. Она создается с помощью определенного порядка слов, звуков, движений, жестов, в то время как перформанс не зависит от этих элементов. «Перформанс претендует на звание «первой», которая существует здесь и сейчас» [1, с. 67].

В последнее время произошел серьезный сдвиг во взглядах режиссеров и исследователей театра относительно постановок классических музыкальных произведений. Новые оценки режиссуры, сценографии и архитектуры театра бросили вызов преобладающему мнению о том, что «театральное пространство ограничивается сценической площадкой» [3, с. 52].

Наиболее актуальными для реализации инновационных художественных идей на сегодняшний день являются спектакли в формате «open-air». Оперные open-air часто проводят в естественных архитектурно-исторических инте-

рьерах, например на территории замка, площади, архитектурного памятника и других достопримечательностей. Самой известной из таких постановок является опера «Аида» у египетских пирамид.

Первым композитором, который создал музыкальное произведение именно для исполнения на открытом воздухе, был Г. Гендель. В 1715 году он написал «Музыку на воде», состоящую из трех сюит.

Одним из старейших мероприятий «open-air» считается фестиваль на плавающей сцене в Австрии (г. Брегенц). «Open-air» фестиваль проходит на озере Констанц с 1946 года. Первой оперой, которая была представлена на фестивале, стала «Бастьен и Бастьенна» В. А. Моцарта. Сценографическое решение было организовано следующим образом: на плавучих баржах размещались две сцены, на одной из которых находился оркестр. Конструкция сохраняется и в наши дни.

Анализируя степень научной разработанности заявленной темы, необходимо отметить, что феномен «открытых пространств» в театральной культуре приобрел актуальность еще в античности. Можно смело утверждать, что театры Древней Греции и Древнего Рима создали базу для последующего развития театрального искусства, которое продолжается и в наши дни.

Существует много исследований, посвященных изучению феномена «открытых пространств» отечественных и зарубежных авторов. Актуальными в контексте данной темы представляются работы Г. Д. Гачева, Н. Н. Ярошенко, Д. В. Афанасьева, А. Д. Силина, Ю. М. Барбоя, Р. Шехнера, Х.-Т. Лемана, Дж. Томпкинс. Переосмысление театрального пространства можно наблюдать и у К. С. Станиславского. Также эта тенденция проявляется в Новом пространстве Театра Наций, Мастерской Петра Фоменко и других театрах. Ханс-Тис Леман в своей книге «Постдраматический театр» отмечает, что «...важнейшим приемом в современном спектакле является диалог выразительных средств,

и смысл спектакля в этом случае формируется в сознании каждого зрителя индивидуально» [2, с. 112–115].

Тем не менее, оперное искусство значительно отличается от драматического. Жанр оперы объединяет инструментальную музыку, вокальное искусство и другие виды искусства. Корни этого музыкально-драматического жанра ведут в Италию и имеют особую, не похожую ни на что лирическую сущность.

В 1984 году театральный режиссер Дж. Стрелер в книге «Театр для людей. Мысли записанные, высказанные и осуществленные» представляет пути сценической интерпретации в опере: «... около-традиционная интерпретация, основанная на исторической основе, адаптированной ко времени. Изменения в этом случае затрагивают лишь сценографию, без изменений в концептуальном плане; интерпретация, исходящая из принципов историзма, или «реконструкция»; интерпретация духа произведения, в которой суть художественного материала осмысливается заново с учетом времени, которые в то же время считаются с традиционными ценностями и наследием прошлого» [4, с. 150].

Таким образом, интерпретация духа произведения коррелирует с постановками опер в исторических декорациях. Здесь представлены более широкие культурно-исторические контексты, чем при классической интерпретации.

Ярким примером нового пространственного прочтения спектакля стали оперы в формате «open-air» в исторических декорациях Астраханского кремля, являющегося местом-гераклитом [7, с. 37]. Культурное и идеологическое наполнение данного пространства дополняет эстетический смысл классического музыкального произведения, образуя «театральную гетеротопию».

Понятие «гетеротопия» вошло в научный обиход после публикации в 1984 году работы М. Фуко «Другие пространства» [6, с. 191–204]. Примеры обращения к концепту гетеротопий при исследовании театральных феноменов немногочисленны. Однако смыслы, ре-

презентируемые через понятие гетеротопии, могут быть результативны для объяснения целого ряда явлений в данной области. Прежде всего это относится к полисемантическим феноменам, возникающим на границе видов искусств.

Исследование предполагает выявление, во-первых, взаимосвязи художественного произведения с местом-гераклитом, во-вторых, влияния пространства постановки на драматургию и художественный образ спектакля. Произведения, в которых пространство является важным смысловым параметром, составляют значительную часть музыкального наследия. К ним относятся русские оперы М. П. Мусоргского, М. И. Глинки, А. П. Бородина, Н. А. Римского-Корсакова и других композиторов.

Первой постановкой на Соборной площади Астраханского кремля стала опера «Борис Годунов» М. П. Мусоргского в 2012 году. На территории кремля сохранился Троицкий собор, оставшийся от Никольского монастыря, где скрывались беглые атаман Заруцкий и Марина Мнишек. Помнят ее и кремлевские стены: из 13 действующих кремлей России Астраханский кремль один из немногих сохранил свою историческую аутентичность. А Никольская надвратная церковь в начале XVIII века была перестроена, но находится точно на том же месте, откуда бежала Марина.

Выбор этого пространства совершенно естественен еще и по другой причине: ансамбль Астраханского кремля, по крайней мере главный храм Соборной площади – Успенский – с мощными галереями, огромной лестницей и примыкающим величественным лобным местом, создают уникальную композицию, где расстояния сравнительно невелики, и его действительно можно использовать как более чем удачную сценическую площадку для развертывания полномасштабного исторического действия. Особое место в визуальном оформлении спектакля занимает огромный колокол на лобном месте. Он олицетворяет собой духовность русского народа.

Не менее значимой постановкой open-air стала опера «Князь Игорь» А. П. Бородин. Одним из важнейших технических решений open-air проекта было применение технологии 3D-меппинга, то есть трансляции видеопроекции на северный и западный фасады Успенского собора.

Третья постановка – опера open-air «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии» Н. А. Римского-Корсакова. Лобное место на протяжении спектакля становится то лесом, то русской крепостью, небом и даже озером.

Зрителям также представили «Хованщину» М. П. Мусоргского, «Ивана Сусанина» М. И. Глинки, кантату «Александр Невский» С. С. Прокофьева.

Гетеротопические постановки open-air расширяют их восприятие зрителями, а также усиливают связь спектакля с социальными, историческими, политическими и эстетическими контекстами [8, с. 89]. Новое, интересное решение представляет инновационную ступень в развитии театра и расширяет исследова-

тельское поле проблем взаимоотношений места, драматургии спектакля, пространства воссоздаваемой реальности и постижения зрителями.

Выводы. Анализ истории развития сценического пространства показывает, что в конце XX – начале XXI века театр становится формой социального общения, призванной объединить актеров и зрителей, а также формой социального участия как способа решения острых политических и социальных проблем. В то же время в конце XX века театр вынужден конкурировать с новыми технологиями кино и видео, в связи с чем театральная деятельность переживает трансформацию. При этом театры остаются в постоянном поиске новых форм художественной выразительности, которые не снимают с повестки дня необходимость эстетического осмысления достижений режиссуры уличных представлений, перформанса и других составляющих этого актуального вида театрального искусства.

-
1. Барбой Ю. М. Структура действия и современный спектакль / Ю. М. Барбой. – Ленинград: ЛГИТМиК, 1988. – 201 с.
 2. Леман Х.-Т. Постдраматический театр / Х.-Т. Леман; пер. с нем. Н. Исаева. – Москва: ABCdesign, 2013. – 312 с.
 3. Покровский Б. А. Сотворение оперного спектакля: Шестьдесят коротких бесед об искусстве оперы / А. Б. Покровский. – Москва: Детская литература, 1985. – 144 с.
 4. Стрелер Дж. «Театр для людей. Мысли записанные, высказанные и осуществленные» / Дж. Стрелер; пер. с ит. и коммент. С. Бушуевой. – Москва: Радуга, 1984. – 310 с.
 5. Фишер-Лихте Э. Эстетика перформативности / Э. Фишер-Лихте; пер. с нем. Н. Кандинской. – Москва: Play&Play: Канон +, 2015. – 376 с.
 6. Фуко М. Другие пространства / М. Фуко // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. – Москва: Праксис, 2006. – Ч. 3. – С. 191–204.
 7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – Санкт-Петербург: A-cad, 1994. – 407 с.
 8. Tompkins J. Theatre's heterotopias: Performance and the cultural politics of space / J. Tompkins. – New York: Palgrave Macmillan, 2014. – 231 p.

Performances of musical classics in the open-air format (using the example of the «Russian Operas in the Astrakhan Kremlin» project)

The article examines theatrical art as a part of culture and the self-determination of this phenomenon, which underwent great changes at the turn of the 20th-21st centuries. The transformations of the concepts of «drama», «conflict», «action», as well as the rethinking of the role of artists and spectators in the fact of cultural dialogue are explored. Opera productions in the historical settings of the Astrakhan Kremlin are considered as examples.

Keywords: heterotopia, space, theatre, open-air, historical scenery, Astrakhan Kremlin, opera, musical theatre.

УДК 94(47)084.8(470.75)

В. А. Иванов

Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. «Концлагерь «Красный»: историографический аспект*

В статье раскрывается значение Мемориала жертвам фашистской оккупации Крыма «Концлагерь «Красный», 1941–1944 гг.» как объекта историографического исследования, площадки патриотического воспитания, центра формирования исторической памяти о Великой Отечественной войне и преступлениях нацистского оккупационного режима против жителей полуострова.

Ключевые слова: концентрационный лагерь, совхоз «Красный», историческая память, оккупация, нацизм, оккупационный режим, фабрика смерти, геноцид, историографическая база, чрезвычайная комиссия, жертвы нацистского режима, мемориальный комплекс.

Введение. Изучение событий Великой Отечественной войны спустя годы остается приоритетной в отечественной науке. Особенно это касается темы нацистских концентрационных лагерей, созданных на оккупированной территории Крыма. В связи с 80-летием Победы советского народа над нацизмом в годы Великой Отечественной войны тематика «фабрик смерти», созданных гитлеровцами на крымской земле, приобретает особое звучание и новый смысл.

Одним из самых крупных лагерей на захваченном гитлеровцами полуострове был концентрационный лагерь для гражданского населения, созданный нацистской службой безопасности (СД) на территории бывшего совхоза «Красный» Симферопольского района. Согласно данным, которыми располагают сотрудники ведущего республиканско-

го учреждения Центрального музея Тавриды, в этом лагере от рук нацистов и их пособников погибло более 15 000 человек (в эту цифру исследователи включают погибших на территории совхоза «Красный» и в урочище Дубки).

Несомненно, что аспекты историографического освещения проблемы представляют важную составляющую истории Великой Отечественной войны и проблемы сохранения исторической памяти о ней. В статье рассматривается историографическая база по настоящей проблеме; анализируется вклад отечественной науки в изучение концентрационного лагеря на территории бывшего совхоза «Красный», дается оценка значению историографического освещения темы нацистского концентрационного лагеря на территории бывшего совхоза «Красный» для формирования исторической памяти.

* По причине сложности пояснительно-ссылочного аппарата библиографические ссылки в статье оформлены подстрочно.

Изложение основного материала. Территория Крымской АССР в годы Великой Отечественной войны была оккупирована немецко-румынскими войсками. Гитлеровцы установили на полуострове жесточайший оккупационный режим, создав разветвленную сеть концентрационных лагерей, тюрем, гетто и других мест принудительного содержания гражданских лиц, советских военнопленных, участников антинацистского вооруженного подполья, партизанского движения. Всего, по данным исследователя А. В. Валякина, в Крыму насчитывалось 96 таких объектов¹. Самым крупным учреждением для массового уничтожения различных групп населения Крыма являлся концлагерь на территории бывшего совхоза «Красный» вблизи Симферополя, ставший фактически с ноября 1941 г. по апрель 1944 г. «лагерем смерти».

В Государственном архиве Республики Крым хранятся материалы о деятельности Крымской республиканской чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников². Копии этих материалов отправлялись в Москву и стали основой для работы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников³.

Одним из первых сборников документов и материалов, в котором упо-

минается концентрационный лагерь на территории бывшего совхоза «Красный», стал сборник «Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945», подготовленный сотрудниками партийного архива Крымского обкома КП Украины и Крымским областным государственным архивом (ныне Государственный архив Республики Крым (ГАРК)) И. П. Кондрановым, А. А. Степановой и другими⁴. Несмотря на закрытость советских партийных архивов и крайне ограниченный доступ к ним определенной категории лиц, материалы, представленные в этом издании, представляют несомненный интерес⁵. Они широко освещают преступления нацистского оккупационного режима в отношении населения Крымской АССР в годы войны. Книга вышла, когда Республиканская и Симферопольская городская комиссии по эксгумации останков советских граждан, уничтоженных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками – предателями Родины, только закончила свою деятельность и шел процесс опознания жертв нацистского режима. Продолжали работу и суды, которые устанавливали причастность тех или иных лиц, служивших в составе 152-го добровольческого батальона службы безопасности Третьего рейха (СД), охранявших концлагерь в 1941–1944 гг., в преступлениях против советских граждан.

Несмотря на широкий общественный резонанс, публикацию материалов о ходе судебного заседания на страницах периодической печати, многие документы из крымских архивов не вошли в сборник по идеологическим соображениям и до начала 2000-х гг. находились под грифом «совершенно секретно».

Введение в научный оборот новых архивных документов, материалов и

¹ Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют / сост. В. И. Хорошковский, А. В. Валякин. Симферополь: Доля, 2010. Т. 2. С. 15–65.

² ГАРК. Ф. Р-1289. Крымская республиканская чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и нанесенных ими ущерба гражданам, колхозам и общественным организациям, государственным предприятиям

³ ГАРФ. Ф. Р7021. Оп. 9. Чрезвычайная Государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). Дела по Крымской АССР (Крымская область). 1944–1947 гг. 235 дел.

⁴ Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945. Сборник документов и материалов / сост. М. Р. Акулов. Симферополь: Таврия, 1973. 494 с.

⁵ Козлов В. П. Российские архивы: проблемы доступа и использования (продолжение). URL: <https://www.top-personal.ru/officeworkissue.html?159> (дата обращения: 23.02.2020).

свидетельств было продолжено и в украинский период Крыма. Серьезную работу в этом направлении провели сотрудники Службы безопасности Украины (СБУ) при поддержке Верховной Рады Автономной Республики Крым. В 2010 г. Накануне Дня Победы советского народа над нацистскими оккупантами в Великой Отечественной войне был издан сборник документов и материалов «Нацистские лагеря смерти»⁶. Его основу составили акты, свидетельские показания, фотоматериалы из архивов Главного управления СБ Украины в АР Крым и Государственного архива АР Крым. Многие документы впервые вводились в научный оборот.

В советский период о концлагере на территории бывшего совхоза «Красный» появляется много упоминаний в источниках личного происхождения, в частности участников движения сопротивления в Крымской АССР в годы Великой Отечественной войны⁷. К примеру, руководитель советского партийного подполья в Симферополе И. А. Козлов (справедливости ради, надо отметить, что указанное ниже издание – источник крайне противоречивый) вспоминал сцену отправки пленных партизан и членов их семей в концлагерь «Красный»: «Вот они, «пленные партизаны». Окруженные немецкими и румынскими солдатами, шли женщины, дети, старики – всего человек триста. На худых, измученных лицах – кровоподтеки. Многие женщины несли на руках плачущих ребятишек. Замерзшие, опухшие от голода малыши жадно оглядывали толпу, теснившуюся на тротуарах. Видно, ждали, что им дадут поесть. Одной из первых еле двигалась молодая женщина со связанными назади руками. Взгляд ее был страшен. На спине, прикрученный веревкой, висел замерзший ребенок лет

двух. Людей гнали в тюрьму, в совхоз «Красный»⁸.

Отметим, что тема существования концентрационного лагеря «Красный» долгие годы была предметом ожесточенных споров и дискуссий. В советский период, начиная с апреля 1944 г., устанавливались временные памятники, замененные в 1960 г. обелиском. Территория вокруг этого сооружения, ставшего центром будущего мемориала жертвам нацизма, и стала основной для формирования мемориального комплекса. Благодаря настойчивым предложениям крымских парламентариев и лично главы Госсовета РК, поддержке жителей республики и всей России, их финансовой помощи 8 мая 2015 г., после четырех лет напряженной работы, накануне 70-й годовщины Победы, строительные работы на мемориале были завершены.

Возвращаясь к истории создания мемориального комплекса, надо отметить, что одним из первых научных трудов, в котором появилось краткое описание концентрационного лагеря на территории бывшего совхоза «Красный», стал том «Крымская область» из серии «История городов и сел Украинской ССР» под общей редакцией академика Петра Трофимовича Тронько, внесшего значительный вклад в меморизацию жертв концлагеря⁹.

В сентябре 1969 г. на 6-м километре трассы Симферополь – Николаевка проводились строительные работы, во время которых обнаружены места расправ над узниками нацизма. П. Т. Тронько был назначен руководителем Республиканской комиссии по эксгумации останков советских граждан, уничтоженных немецко-фашистскими захватчиками. Уже в 1970 г. при его активном участии создается Симферопольская городская комиссия по эксгумации останков советских граждан во главе с И. А. Та-

⁶ Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют / сост. В. И. Хорошковский, А. В. Валякин. Симферополь: Доля, 2010. Т. 2. 408 с.

⁷ Козлов И. А. В крымском подполье. Симферополь: Крымиздат, 1958. 500 с.; Енджеяк В., Кузнецов А. Особая партизанская-диверсионная. Киев: Политиздат Украины, 1977. 207 с.

⁸ Козлов И. А. В крымском подполье. Симферополь: Крымиздат, 1958. С. 274.

⁹ Історія міст і сіл Української РСР: В 26 т. Кримська область / ред. кол.: Л. Д. Солодовник Л. Д., М. В. Багров, В. І. Балахонов. Київ: АН УРСР, 1974. 833 с.

расюком. Результатом деятельности этой комиссии стало перезахоронение павших узников на территории бывшего совхоза «Красный» и в урочище Дубки.

В 1974 г. выходит том «История городов и сел УССР. Крымская область». Главную редакционную коллегию серии возглавил П. Т. Тронько. Главным редактором крымского тома стал Л. Д. Солодовник, его заместителем – Н. В. Багров, ответственным секретарем – И. П. Кондранов. В издании подчеркивался особый тип концентрационного лагеря, созданного в «Красном», как «трудового», направленного на то, чтобы «массово уничтожать советских патриотов путем пыток, расстрелов, отравлений газом в специально оборудованных автомобилях – «душегубках»¹⁰. Отметим, что, несмотря на довольно значительный объем энциклопедического издания, упоминание о концлагере на территории бывшего совхоза «Красный» встречается нечасто. На наш взгляд, это объясняется двумя причинами. Во-первых, партийно-политическая цензура определенным образом «корректировала» информацию о событиях, происходивших во время нацистской оккупации Крымского полуострова. Во вторых, после окончания Великой Отечественной войны прошло почти 30 лет, и народ надо было нацеливать на мирные подвиги.

В предисловии к сборнику документов и материалов, посвященных Крыму в период Великой Отечественной войны, профессор М. Р. Акулов выделяет места массовой гибели советских людей¹¹. В частности, он пишет о «...глумлении и издевательствах гитлеровцев и их прислужников над советскими людьми, о насильственном угоне молодежи на рабский труд в Германию, о массовом уничтожении военнопленных, стариков, женщин, детей в Керчи, Евпатории, Севастополе, на террито-

рии совхоза «Красный», в Дубках и в других районах»¹². Общее количество жертв гитлеровского террора ученый определяет по данным 1968 г., указанным в сборнике документов и материалов «Преступные цели – преступные средства», – 135 тыс. человек. Заметим, что в материалы, опубликованные партийным архивом Крымского обкома КП Украины и Крымским областным государственным архивом (ныне Государственный архив Республики Крым), вошли только два документа из открытых источников: акты Государственной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории совхоза «Красный» в Симферополе от 17 мая 1944 г.¹³ и переписка, свидетельствующая о массовых расстрелах советских граждан в урочище Дубки 27 мая 1944 г.¹⁴. Другие документы, которые могли существенно дополнить информацию о преступлениях немецкого оккупационного режима, в сборнике опубликованы не были. Это, на наш взгляд, свидетельствует об ограничении доступа исследователей к изучению этой проблемы советской исторической науки.

В работе А. В. Басова главным образом внимание уделялось вооруженной борьбе за Крым как за важнейший стратегический плацдарм в годы Второй мировой войны¹⁵. Исследователь показал роль партизанско-подпольного движения на территории полуострова в сопротивлении нацистской политике оккупации и руководящую роль Коммунистической партии. Естественно, ряд аспектов немецко-румынской оккупации Крыма при таком освещении проблемы остались нераскрытыми. Концлагерь «Красный» в работе упоминается нечасто¹⁶. На наш взгляд, в контексте рассмотрения вопроса антинацистского партизанского движения автору

¹⁰ Там же. С. 60.

¹¹ Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945. Сборник документов и материалов / сост. М. Р. Акулов. Симферополь: Таврия, 1973. 494 с.

¹² Там же. С. 10.

¹³ Там же. С. 192–195.

¹⁴ Там же. С. 196–197.

¹⁵ Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Москва: Наука, 1987. 335 с.

¹⁶ Там же. С. 223.

следовало уделить больше внимания теме концлагеря «Красный», так как гитлеровцы в целях противодействия партизанам и подпольщикам держали в качестве заключенных и заложников не только их, но и членов их семей. Тем более что монография ученого вышла в 1987 г. – в самый разгар политики «перестройки», когда «гриф секретности» был снят у многих документов.

В 2015 г. в издательстве «Антиква» к моменту открытия мемориального комплекса на месте концлагеря «Красный» выходит книга «Лагерь смерти»¹⁷. Авторы В. Н. Гуркович, Г. Н. Гржибовская, О. В. Романько, Г. А. Коровяковская-Скрипниченко акцентируют внимание на характеристике нацистского оккупационного режима в Крыму в 1941–1944 гг.¹⁸, приводят данные о местах массовых убийств советских граждан¹⁹, военнопленных, участников партизанско и подпольного движения, анализируют архивные источники, публикации в периодической печати, свидетельские показания очевидцев²⁰. Кроме того, в последней главе книги уделено внимание планированию и строительству мемориального комплекса на месте нацистского «конвейера смерти», открытого к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.²¹ В исследовании дан четкий ответ на вопрос, почему с момента освобождения Крымского полуострова место трагедии долгое время подлежало фактическому забвению и почему тема строительства Мемориала, подобно Хатыни, открытой 5 июля 1969 г., долгие годы не поднималась.

Ряд научных исследований, посвященных концентрационному лагерю на территории бывшего совхоза «Красный», принадлежит крымскому военно-

му историку О. В. Романько²². Ученый считает, что концлагерь «Красный» стал самым масштабным на территории захваченного гитлеровцами Крымского полуострова. Совхоз «Красный» наряду с Курцовой балкой, урочищем Дубки и так называемым «картофельным городком» стал местом гибели мирного населения²³. По данным, которые приводит исследователь, за годы немецко-румынской оккупации Крыма в них погибло более 8 тыс. человек²⁴. Эта цифра меньше официальных данных, приведенных в статистике Мемориала (свыше 15 000 человек). Возможно, автор в общий список не включил жертв, павших от рук нацистов в окрестностях и в урочище Дубки.

Еще один вопрос, который поднимает О. В. Романько, – проблема коллаборационизма в концлагере на территории бывшего совхоза «Красный». Немецкое командование в период осады Севастополя столкнулось с серьезной угрозой своему тылу, по которому наносили ощутимые удары советские партизаны²⁵. Нацистский оккупационный режим привлекал к борьбе с партизанами местное население, из которого и формировались сельские гарнизоны, охранявшие подступы к немецким военным базам, складам, аэродромам, мешавшие партизанским отрядам получать поддержку извне, в частности восполнять нехватку продовольствия и боеприпасов. О. В. Романько утверждает, что большинство в таких формированиях составляло крымскотатарское население, особенно в горной местности.

Нацистская пропагандистская машина работала весьма результативно, и это

¹⁷ Лагерь смерти: совхоз «Красный» / сост. Г. Н. Гржибовская. – Симферополь: ООО «Антиква», 2015. 224 с.

¹⁸ Там же. С. 8–34.

¹⁹ Там же. С. 36–59.

²⁰ Там же. С. 76–190.

²¹ Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют / сост. В. И. Хорошковский, А. В. Валякин. Симферополь: Доля, 2010. Т. 2. 408 с.

²² Романько О. В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944 гг.). Москва: Вече, 2011. 432 с.; Романько О. В. Боевое применение крымско-татарских коллаборационистских формирований в составе силовых структур нацистской Германии (1941–1944) // Мусульманский мир. 2016. № 2. С. 6–17; и др.

²³ Романько О. В. Крым под пятой Гитлера. Немецкая оккупационная политика в Крыму (1941–1944 гг.). Москва: Вече, 2011. С. 83.

²⁴ Там же. С. 83, 221.

²⁵ Там же. С. 170.

отразилось на мобилизации населения Крымского полуострова в ряды полицейских частей СД. Организованные нацистами 147-й и 152-й охранные батальоны находились в Симферополе (539 человек) и в Джанкое (320 человек)²⁶. С января 1943 г. последний приступил к охране концентрационного лагеря на территории бывшего совхоза «Красный»²⁷. Не подлежит сомнению и тот факт, что нацистские «добровольцы» отличались жестокостью, дисциплинированностью и усердием при выполнении приказов. Во время проведения карательных операций местные жители арестовывались и сгонялись в концлагерь, их имущество реквизировалось, а жилье сжигалось²⁸.

Научно-публицистическая работа С. В. Агафонова²⁹, несмотря на название, лишь отчасти посвящена концлагерю «Красный». Внимание автора сосредоточилось на событиях Второй мировой войны в Северном Причерноморье, в частности, на военных действиях, антинацистском движении сопротивления и борьбе гитлеровских захватчиков с советскими партизанами и подпольщиками. По мнению Агафонова, в лагерях существовала целая система по уничтожению пленных красноармейцев, мирных граждан, партизан, подпольщиков, членов их семей, всех противников нацистского оккупационного режима. Лагерные охранники отличались особой жестокостью по отношению к заключенным. Их набирали из бывших военнопленных Красной Армии, местных жителей³⁰. Несмотря на ряд недостатков, эта работа вызвала интерес к этой теме, фактически неразработанной в силу различных обстоятельств³¹. Заме-

тим одну немаловажную деталь — украинские исследователи фокусировали внимание аудитории на проблеме концентрационных лагерей на территории Украины, выделяя аспект трагедии Холокоста. Исследований по Крыму, подобных книге С. В. Агафонова, еще не существовало.

Анализируя преступную деятельность 152-го батальона в концлагере совхоза «Красный», историки С. А. Аристов и Е. М. Малышева опирались на архивные материалы. По их мнению, значительную часть в батальоне составляли крымскотатарские добровольцы, мобилизованные агитационно-пропагандистской политикой Третьего рейха³². 152-й добровольческий батальон вспомогательной полиции порядка (Schuma), охранявший нацистский концлагерь в совхозе «Красный», являлся ярким проявлением коллаборационизма, то есть добровольного сотрудничества с врагом на временно оккупированной территории СССР. В то же время ученые делают вывод о том, что «среди коллаборационистов были представители разных наций и народностей, но не было ни одного советского народа-предателя, полностью ступившего на путь сотрудничества с врагом»³³. Однако С. А. Аристов и Е. В. Малышева не дают четкого ответа на вопросы, какое место концлагерь на территории бывшего совхоза «Красный» занимал в структуре нацистской оккупационной политики и почему в отношении гражданских лиц «отличился» только один добровольческий батальон СД.

от тех же пенитенциарных мест принудительного содержания в пределах Украинской ССР в 1941–1944 гг.: Васильев В. Ю. Концентраційні табори більшовицького та нацистського тоталітарних режимів на території УСРР–УРСР // Енциклопедія історії України: у 10 т. К.: Наук. думка, 2007. Т. 5. С. 113–119; Дубик М. Г. Табори для цивільного населення на окупованій території України 1941–1944 // Енциклопедія історії України: у 10 т. Київ: Наук. думка, 2013. Т. 10. С. 13; и др. изд.

³² Аристов С. А., Малышева Е. В. Крымско-татарский коллаборационизм: преступления 152-го батальона в концлагере совхоза «Красный» // Вопросы истории. № 11. С. 64–78.

³³ Там же. С. 78.

²⁶ Там же. С. 183–184.

²⁷ Там же. С. 214.

²⁸ Там же. С. 221.

²⁹ Агафонов С. В. История не обманывает: концлагерь на территории совхоза «Красный». Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 176 с.

³⁰ Там же. С. 137–139.

³¹ См., к примеру, статьи, в украинских энциклопедических изданиях. Нацистские лагеря на территории Крымской АССР если там и упоминаются, то без подробной информации, в отличии

В публикации С. Н. Жученко³⁴, заведующего Мемориалом, рассматриваются основные аспекты деятельности музея по увековечению на Стене скорби памяти о жертвах фашистской оккупации Крыма: 1) организация системной работы по выявлению данных о жертвах нацистского террора в концлагере на территории бывшего совхоза «Красный»; 2) анализ материалов, отражающих работу районных (городских) Комиссий по установлению ущерба и злодеяний, нанесенных немецко-фашистскими захватчиками; 3) выявление персоналий погибших узников по свидетельским показаниям в материалах Крымской республиканской чрезвычайной комиссии по установлению ущерба и злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Крымской АССР; 4) изучение «Книги памяти Республики Крым» (8 книг); 5) изучение персоналий в «Книге скорби» (2001 г.); 6) анкетирование и опросы бывших узников лагеря, членов их семей и близких для создания архивной базы Мемориала³⁵.

Научно-исследовательская часть проекта была проведена исследователями О. В. Романько, Д. В. Омельчуком, В. Н. Гурковичем, Г. Н. Гржибовской, М. Б. Кизиловым и др., а в поисковую работу включились студенты высших учебных заведений, старшеклассники крымских школ³⁶. Эта работа, по мнению С. Н. Жученко, свидетельство того, что территория комплекса «...обладает потенциалом, позволяющим позиционировать его как важный элемент сохранения исторической памяти крымчан»³⁷.

³⁴ Жученко С. Н. Увековечение памяти жертв фашизма – узников концлагеря на территории бывшего совхоза «Красный» как элемент сохранения исторической памяти // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Военно-исторические чтения». Керчь 26 февраля – 1 марта 2018. Симферополь: Бизнес-Информ, 2018. С. 201–205.

³⁵ Там же. С. 202–203.

³⁶ Там же. С. 205.

³⁷ Там же.

Вопросами добровольного сотрудничества с врагом, участия части населения в нацистских карательных операциях на территории Крымского полуострова с привлечением значительного архивного материала занимался историк спецслужб и разведки Д. В. Омельчук³⁸. Кроме того, ученый проанализировал становление и развитие мемориальных программ. Он пришел к выводу, что успешные действия гитлеровской Германии на Восточном фронте в 1941–1942 гг. привели к тому, «...что степень лояльности населения советской власти оказалась ниже ожидаемой той, к которой призывала большевистская пропаганда с первых дней войны», и выделил несколько категорий населения Крыма, вставших на путь коллаборационизма. Первая группа – люди, которые по этническим соображениям оказывали помощь нацистам. Вторая – военные преступники без привязки к национальности и гражданству. Третья – политические и экономические коллаборационисты. Четвертую можно определить как «бытовой коллаборационизм». Многие коллаборационисты оказались в рядах печально известных фронтовых батальонов штурманштаф. Они и составляли большую часть охраны концлагеря совхоз «Красный». Военных преступников судили отдельно – на специальных процессах, которые прошли в Севастополе и Симферополе в 1947 г. и 1972–1974 гг.

Реализация в Республике Крым инициатив по увековечению памяти участников и событий Великой Отечественной войны является, по мнению Д. В. Омельчука, ключевым фактором патриотического воспитания молодежи. Историк считает, что здесь важную роль «...должна сыграть память о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны». С по-

³⁸ Омельчук Д. В. Изменение подходов к наказанию коллаборационистов в годы Великой Отечественной войны // Севастопольский Нюрнберг: к 70-летию Севастопольского судебного процесса по делу о злодеяниях фашистских захватчиков в Крыму и на Кубани: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Севастополь, 2019. С. 28–34.

явлением Мемориального комплекса жертвам фашистской оккупации Крыма 1941–1944 гг. открылась возможность для создания площадки, которая может стать «...полноценным центром изучения проблем Великой Отечественной войны, координатором всех поисковых и мемориальных работ в республике»³⁹. Как отмечает автор, этим мероприятиям предшествовала фундаментальная работа, начавшаяся сразу после окончания Великой Отечественной войны. В настоящее время, учитывая ввод в научный оборот новых источников по теме, необходимым является уточнение и корректировка уже опубликованной информации в Книгах памяти Республики Крым, Книге памяти города-героя Севастополя, Книге скорби, книг серии «Реабилитированные историей».

Интересный взгляд на проблему формирования комплексной исторической памяти нескольких поколений крымчан изложен в научно-популярной статье Ю. Лялюшиной и Н. Райхель⁴⁰. Авторы подчеркивают значение Мемориального комплекса, который всегда будет напоминать не только о тяготах войны, жестокости и беспощадности нацистского оккупационного режима, стремившегося превратить Крымский полуостров в привилегированный край «для истинных арийцев»⁴¹, но и способствовать сохранению генетической памяти обо всех жертвах нацизма и его идеологии. Значительную часть текста составляют комментарии известных крымских историков, специализирующихся на данной проблеме, приводятся устные рассказы бывших узников концлагеря «Красный»⁴².

Несмотря проделанную значительную работу, многие вопросы, связанные с созданием лагеря, его режимом,

личным составом, охранявшим территорию, до конца не исследованы в исторической науке. Хранящиеся в Государственном архиве Республики Крым и Государственном архиве Российской Федерации источники представлены лишь материалами Республиканской и Чрезвычайной государственной комиссий по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Проблема заключается в том, что нацисты, стремясь замаскировать следы своих преступлений, тщательно уничтожали любое упоминание о концентрационном лагере, поэтому связанная с ним документация либо уничтожалась, либо вывозилась в Германию. Ряд эксклюзивных материалов хранится в ФРГ – в Людвигсбурге и Потсдаме.

На данный момент, к сожалению, нет возможности составить полную хронологию событий, происходивших в годы Великой Отечественной войны на территории концлагеря в бывшем совхозе «Красный». Многие архивные документы хранятся в фондах отечественных спецслужб, доступ к которым ограничен. Кроме того, опубликованы не все документы зарубежных архивов, главным образом, немецких, касающиеся лагерного быта, детальной информации об условиях содержания, наказаниях, преследовании заключенных, а также о подразделениях, сформированных из местных коллаборационистов, причастных к массовым расправам на территории концлагеря в совхозе «Красный».

28 ноября 2012 г. депутаты Верховного Совета АР Крым приняли Постановление об объявлении бывшего концлагеря историческим памятником местного значения «Концлагерь «Красный». Это решение актуализировало вопрос о продолжении научных исследований, начатых в советский и украинский периоды. 8 мая 2015 г., в годовщину 70-летия окончания Великой Отечественной войны, был торжественно открыт Мемориал узникам концлагеря «Красный», посвященный всем жертвам нацистов и коллаборационистов на территории оккупированного Крыма.

³⁹ Омельчук Д. В. Мемориальные программы в Крыму: наработки и перспективы // Историческое наследие Крыма. Симферополь: ООО «Антиква», 2017. С. 30.

⁴⁰ Лялюшина Ю., Райхель Н. Цвет памяти: «Красный» // Полуостров соколовиц. 2017. № 2 (29). С. 50–57.

⁴¹ Там же. С. 51.

⁴² Там же. С. 56.

Выводы. Процесс изучения проблемы возникновения, существования концлагеря «Красный», формирования исторической памяти можно условно разделить на 3 этапа:

1) советский (1944–1973 гг.): работа Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков; анализ останков погибших узников; опрос очевидцев трагедии; начало формирования архива; формирование территории для Мемориала памяти жертв фашистской оккупации концлагерь «Красный»; сооружение временных памятников, капитального обелиска;

2) украинский (1954–2014 гг.): дискуссия относительно строительства будущего Мемориала; вопрос о причастности граждан Крымской АССР к преступлениям немецко-румынских захватчиков против советских военнопленных, членов антинацистского партизанско-подпольного сопротивления, жителей Крымского полуострова;

3) Республика Крым в составе Российской Федерации (с 2014 г.): создание мемориала и музейной экспозиции; выход в свет фундаментальных исследований; работа Комиссии Государственного Совета РК, военно-патриотические акции и др.

На сегодняшний день определены научно-исследовательские группы по

изучению настоящей проблемы. Они сосредоточены в Симферополе, Майкопе и в Москве. За рубежом, к сожалению, исследователей, занимающихся проблемой нацистских «фабрик смерти» в Крыму, пока нет.

Несмотря на значительный научный интерес к освещению данной проблемы, не все ее аспекты раскрыты обстоятельно и аргументированно. Так, не выявлены полные списки лиц, находившихся в заключении на территории концлагеря, подробные отчеты, свидетельствующие о функционировании режима и условиях содержания и др.

Благодаря серьезным научным исследованиям, созданию и научно-просветительной работе сотрудников Мемориального комплекса, началось систематическая публикация изданий, документов и материалов, который стимулировал интерес к данной проблеме. Сегодня Мемориальный комплекс на территории бывшего совхоза «Красный» – это не только свидетельство трагедии невинных людей, символ массового уничтожения мирного населения, осуществлявшегося нацистами и коллаборационистами на оккупированной территории СССР, но и место исторической памяти, патриотического воспитания молодежи Российской Федерации.

Memorial to the victims of the fascist occupation of Crimea 1941–1944 «Concentration camp «Krasny»: historiographical aspect

The article reveals the significance of the Memorial to the Victims of the Nazi Occupation of Crimea «Concentration Camp «Krasny», 1941–1944» as an object of historiographic research, a platform for patriotic education, a center for the formation of historical memory of the Great Patriotic War and the crimes of the Nazi occupation regime against the inhabitants of the peninsula.

Keywords: concentration camp, state farm «Krasny», historical memory, occupation, Nazism, occupation regime, death factory, genocide, historiographical base, emergency commission, victims of the Nazi regime, memorial complex.

УДК 378+095(470.75)

И. Ф. Стельмах

Из истории становления и развития Крымского университета культуры, искусств и туризма (1948–2001)

Актуальность исследования определяется значением регионального высшего образования в сфере культуры и искусства, направленного на формирование художественно-творческого потенциала общества. В работе проанализирована история становления первого регионального вуза культуры в Крыму – Крымского университета культуры, искусств и туризма. В работе выделены основные этапы развития областной культурно-просветительной школы и областного культурно-просветительного училища, в полной мере соответствующие изменениям государственной политики в области образования и культуры. Автором на основе обширного фактического материала рассмотрены количественные показатели, характеризующие основные направления образовательной деятельности. В исследовании были использованы не публиковавшиеся ранее архивные материалы.

Ключевые слова: культурно-просветительная школа, культурно-просветительное училище, культура, искусство, подготовка кадров.

Введение. Культура в контексте сложных трансформационных процессов в нравственно-ценностной сфере современного общества выступает в роли устойчивого социального механизма передачи базовых образцов и норм общественной жизни [34]. Гармонизация общественных отношений, основанных на ценностных нормах, является основой стабильного социально-экономического развития государства. В значительной степени содержание культурных процессов и эффективность культурной политики государства, направленной на формирование художественно-творческого потенциала общества, определяются кадровым обеспечением сферы культуры [29]. Новые парадигмы культурного развития на современном

историческом этапе, значимая роль системы образования в области культуры, предполагают осмысление исторического опыта и перспектив дальнейшего развития образовательной системы [27; 31]. Но понимание самой сущности, проблем и перспектив профессионального творческого образования возможно только при изучении особенностей становления и развития конкретных образовательных учреждений в конкретных исторических ситуациях [35]. Особую ценность представляет исторический опыт региональных вузов культуры [31].

Первое высшее учебное заведение в сфере культуры на территории Крымского полуострова – Крымский университет культуры, искусств и туризма – был открыт в 2004 г. Созданию универси-

тета предшествовал сложный период становления и развития Крымского областного культурно-просветительного училища, сформированного в 1966 г. на базе культурно-просветительной школы. Предыстория развития вуза представляет документальные страницы реализации государственной политики по подготовке квалифицированных кадров в сфере культуры.

Изложение основного материала. Формирование сети культурно-просветительных школ связано с послевоенным периодом возрождения мирной жизни. Восстановление всех отраслей народного хозяйства, включая науку и культуру, которые понесли значимые потери в военные годы, являлось важнейшей государственной задачей. Активизация общественной деятельности послевоенного периода, необходимость полноценной организации досуга и творческого самовыражения общества поддерживались решениями государственных и региональных партийно-государственных органов. Повсеместное создание домов культуры, клубов, самодеятельных театров, народных коллективов в значительной степени актуализировало потребность в профессиональных кадрах культурно-просветительных работников с высоким общеобразовательным уровнем.

Для подготовки квалифицированных кадров в первые послевоенные годы были открыты культурно-просветительные школы, которые давали выпускникам и полное среднее образование, и профессиональные знания клубного работника [35]. Деятельность культурно-просветительных школ сыграла значительную роль и в формировании системы подготовки квалифицированных специалистов в области культуры, и в адаптации общества к повседневной жизни первых послевоенных десятилетий. В истории культпросветшкол нашла отражение вся история советской культуры послевоенного периода [25].

В 1947 г. Советом Министров СССР и Советом Министров РСФСР было

принято решение об открытии культурно-просветительных школ в тринадцати регионах РСФСР к 1 ноября 1947 г. [25]. Первые школы открылись в Иркутской, Новосибирской, Московской и Ленинградской областях [35]. В 1948 г. распоряжением Совета Министров СССР № 12694 от 3 сентября и постановлением Совета Министров РСФСР № 224 от 12 октября было разрешено восстановление в 1949 г. культурно-просветительных школ в Алтайском и Краснодарском краях, Вологодской, Крымской, Ростовской, Рязанской, Сталинградской, Тамбовской, Читинской, Чкаловской областях. На организацию в 1949 г. трехгодичных культурно-просветительных школ с общим контингентом 870 человек распространялось распоряжение Совета Министров СССР от 4 августа 1947 г. [7, л. 1]. Часть учебных заведений открывалась заново, часть восстанавливалась на базе работавших в 1920–1930-е гг. советских политпросветшкол.

Активную помощь в открытии школ, в обеспечении их необходимым оборудованием и инвентарем, учебными планами, программами и пособиями оказывал отдел учебных заведений Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР. Государственный фонд литературы передавал учебным заведениям учебные пособия, общественно-политическую, художественную и естественно-научную литературу [25]. На уровне местных органов власти решались проблемы передачи в аренду и ремонта необходимых для организации учебного процесса помещений. В первое послевоенное десятилетие при активной поддержке государства и регионов в Советском Союзе было восстановлено и открыто 15 культурно-просветительных школ, в том числе в Крыму [25].

Решение об открытии Крымской областной культурно-просветительной школы для подготовки кадров культурно-просветительных учреждений региона было принято Крымским областным исполкомом депутатов трудящихся под

№ 1094 27 октября 1948 г. на основе распоряжения Совета Министров СССР и постановления Совета Министров РСФСР 1948 г. [7, л. 1].

Согласно решению исполкома, культпросветшколе под учебный корпус и общежитие были переданы в Симферополе здание бывшего антирелигиозного музея по ул. Карла Маркса, 31, и здание бывшей школы со всеми надворными постройками по ул. Тамбовской, 28, откуда переселили воинскую часть в бывшую церковь на ул. Урманер, 7. Для ремонта и оборудования зданий, а также на содержание штатных сотрудников областным культпросвет отделом было выделено 204 тыс. рублей [6, л. 2].

Штат сотрудников действующих культурно-просветительных школ был определен типовым штатным расписанием средних специальных учебных заведений, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 25 апреля 1947 г. № 1324, и зависел от количества учащихся. При контингенте учащихся до 100 человек штат включал директора, секретаря учебной части, бухгалтера, счетовода-кассира, заведующего хозяйством, военного руководителя физруков и библиотекаря. При количестве учащихся от 100 до 250 добавлялись должности заместителя директора по учебной части, секретаря-машинистки, коменданта, гардеробщика и дворника. В полном составе, когда помимо вышеуказанных вводились должности заместителя директора по административно-хозяйственной части, заведующего производственной практикой, заведующего библиотекой, старшего бухгалтера, кладовщика-агента, слесаря-водопроводчика и электромонтера, штат мог быть укомплектован только в том случае, если количество учащихся превышало 600 человек [2].

Занятия Крымской культурно-просветительной школы планировалось начать 1 января 1949 г., завершив к 25 декабря 1948 г. при помощи областного культурно-просветительного отдела набор студентов из числа лучших работников культурно-просветительных

учреждений, колхозной и рабочей молодежи. Отсутствие финансирования не дало возможности провести набор на 1949–1950 учебный год, в результате чего культпросветшкола начала свою работу 7 февраля 1949 г. В первом в истории школы 1950–1951 учебном году занятия 3 сформированных групп из 90 человек проводили 12 преподавателей в 3 классных комнатах [7, л. 2].

Во вновь созданном учебном заведении до второй половины 1950-х гг. было представлено лишь одно направление подготовки – организатор и методист клубной работы. В школу могли поступить только лица со средним образованием, существовала только очная форма обучения, составлявшая 1,5 года, с 1958 г. – 2 года [7, л. 3].

За первые 6 лет работы школа провела пять наборов и пять выпусков специалистов клубной работы. Ежегодно число студентов увеличивалось, в 1950/1951 учебном году набор составил 90 человек, в 1951/1952 гг. и 1952/1953 гг. – 120, в 1953/1954 гг., 1954/1955 гг. – 150 учащихся. Всего 630 человек. Первый выпуск прошел зимой 1951/1952 учебного года и составил 55 человек. По итогам 1952/1953 учебного года было выпущено 68 организаторов и методистов, 1953/1954 гг. – 115, 1954/1955 гг. – 73. Всего 311 специалистов клубной работы [7, л. 3]. Разница между набором (630) и выпуском (311) может быть объяснена сложными экономическими условиями послевоенного периода, уровнем подготовленности к учебному процессу, дисциплинарными взысканиями. В ряде школ других регионов в первые месяцы обучения многих учащихся отчисляли за отсутствие дисциплины, плохую успеваемость и нежелание учиться [25].

Серьезные изменения в структуре школы и системе преподавания произошли во второй половине 1950-х гг. Так, в 1956 г. прошел первый набор на заочную форму обучения в рамках годичного курса, составивший 15 человек. С 1957 г. право поступить в культурно-просветительную школу

на заочную форму обучения наряду с выпускниками 10-х классов получили выпускники 7-х классов. Таким образом, на очное отделение принимались лица со средним образованием, на заочное отделение – с образованием 7 и 10 классов. В соответствии с различным уровнем подготовки студентов с 1957 г. учебный процесс на заочном отделении составлял 4 и 2 года [7, л. 4].

Выпускники 10-х классов при поступлении сдавали сочинение по литературе и экзамен по истории СССР. Выпускники 7-х классов, поступая на заочное отделение, сдавали Конституцию СССР, русский язык и литературу, математику и диктант по русскому языку. С 1958 г. к вступительным экзаменам по литературе и истории добавилось тестирование музыкальных и слуховых данных. При поступлении к заявлению абитуриента прилагались подлинник аттестата, автобиография, справки с места жительства и о состоянии здоровья, паспорт предъявляли лично. Поступившие получали стипендию на общих основаниях и в связи с отсутствием общежития – ежемесячные квартирные деньги – 30 рублей [7, л. 4].

За первые шесть лет работы, к 1955 г., увеличился штат преподавателей от 12 до 36 человек, значительно укрепилась материальная база школы. В учебном процессе были задействованы 13 учебных классов, кабинет клубного дела, лаборатория искусств. Школа располагала библиотекой с книжным фондом 10 тысяч экземпляров, оборудованным кабинетом технических средств, 68 музыкальными инструментами (баяны, аккордеоны, пианино, струнные инструменты), автомобилями «Урал ЗИС» и «Москвич» [7, л. 4].

В 1958 г. в культурно-просветительной школе в результате объединения с библиотечным техникумом были открыты очное и заочное отделения нового направления – библиотечное дело.

Первый библиотечный техникум для подготовки квалифицированных сотрудников для Крымского полуострова, на

котором в довоенный период действовало 904 библиотеки с фондом 1978815 экземпляров, был открыт в 1939 г. в с. Сарабуз Симферопольского района при Спатской средней школе (Гимназия № 3, п. Гвардейское) [6, л. 27]. Заместитель наркома просвещения Акимов в докладной записке «Сеть библиотек в Крыму» отмечал, что техникуму необходимо оказать помощь в налаживании работы, а также по вопросу набора на 1940–1941 учебный год [5, л. 30]. В планах народного комиссариата просвещения Крыма на 1941 г. был перевод техникума в Симферополь, но война нарушила мирное течение жизни [4, л. 32]. В послевоенный период техникум продолжал свою работу и выпустил в 1947 г. 27 человек, в 1948 г. – 36, в 1950 г. – 48, в 1951 г. – 50 [4, л. 1–7].

В соответствии с государственной программой с начала 1960-х гг. в культурно-просветительных школах для подготовки руководителей коллективов художественной самодеятельности со средним специальным образованием, наряду с действовавшими направлениями, активно вводились творческие специализации хорового и оркестрового дирижирования, театрального мастерства [27]. Содержание и структура Крымской областной культурно-просветительной школы, находившейся в ведении Министерства культуры УССР и Крымоблисполкома, в полной мере соответствовали сложившейся «типовой» модели времени. К 1960 г. в школе к клубному и библиотечному отделениям были добавлены театральное, хормейстерское, режиссерское и оркестровое, выпускавшие организаторов-методистов художественной самодеятельности, руководителей театральной самодеятельности, самодеятельных хоровых коллективов и оркестров народных инструментов. Заслуживает внимания тот факт, что периоды обучения на различных отделениях различались. Так, на клубном и библиотечном – 1 год 10 месяцев, на режиссерском – 2 года 6 месяцев, на театральном, хормейстерском и оркестровом – 4 года [8, л. 1].

К 1960 г. была значительно укреплена материально-техническая база школы, которая размещалась по адресу: Симферополь, ул. Мичурина, д. 38, и располагала 14 классами-аудиториями, мастерскими, 7 административными помещениями, библиотекой (50 кв. м), концертным залом (200 кв. м), спортивным залом (60 кв. м) и буфетом (25 кв. м), а также печным и водяным отоплением [8, л. 2].

Преподавательский состав из 58 человек включал 48 штатных сотрудников, 4 концертмейстеров, 1 аккомпаниатора, 5 лаборантов. Общее число учащихся составляло 247 человек с типовым для своего времени социальным составом – 87 рабочих, 98 колхозников, 60 служащих, большую часть которых составляли женщины (171) [8, л. 4]. Около 30% учащихся – 60 человек проживали в пяти комнатах (200 кв. м) общежития, арендованного культпросветшколой по ул. Одесской, 4, на квартирах жили 187 студентов [8, л. 3].

В 1960 гг. начался процесс массового преобразования культурно-просветительных школ в культурно-просветительные училища для подготовки кадров для учреждений культуры регионов. Целевые государственные установки были направлены на повышение культурного уровня среди самых широких слоев населения. Решением исполкома Крымского областного совета депутатов трудящихся № 577 от 10 июля 1966 г. областная культурно-просветительная школа была переименована в Крымское областное культурно-просветительное училище. Учебное заведение готовило заведующих клубами, директоров домов культуры, работников со специализацией руководителей самодеятельных, хоровых, театральных и танцевальных коллективов, оркестра народных и духовых инструментов, библиотекарей средней квалификации. Определелись направления, связанные только с очной формой обучения, – руководители оркестра народных инструментов, духового оркестра и танцевального коллектива [7, л. 6].

В 1973–1974 гг. Крымское областное культурно-просветительное училище торжественно отметило 25-летний юбилей. За указанный период на базе школы, а затем училища было подготовлено более 2325 клубных и более 800 библиотечных работников, из которых 38 человек были награждены орденами и медалями за заслуги в профессиональной деятельности, 104 выпускника возглавили клубы и библиотеки, стали учеными [8, л. 2].

Празднование 25-летнего юбилея училища стало подведением итогов многолетней деятельности учебного заведения [8, л. 3]. 18 мая 1974 г. в стенах музыкально-драматического театра прошел праздничный отчетный концерт училища. Духовым оркестром были исполнены «Весенний марш» И. Дунаевского и «Интермеццо» М. Таривердиева, ансамблем баянистов – «Пути-дороги» И. Дунаевского, в исполнении хора прозвучали композиции «Моя Москва» и «Родной Симферополь»; хореографами были представлены русская плясовая, героический танец «Единство», танец с саблями А. Хачатуряна, хоровод, хореографическая картинка «Русский чай», танец «Коломийка» [8, л. 11].

Местная пресса активно писала о культурно-массовых мероприятиях и отражала повседневную жизнь учебных заведений. Так, например, прыжкам с парашютом преподавателя Э. М. Краснова и студентов на аэродроме ДОСААФ была посвящена публикация в газете «Крымская правда» от 13 сентября 1970 г. [9, л. 2].

Успешная деятельность училища активно продолжалась в 1970–1980 гг. В соответствии с планом 1976 г. на базе училища ежегодно проводился набор стипендиатов колхозов и совхозов (до 30 человек), месячные курсы повышения квалификации клубных работников. Для оказания помощи на местах и отбора лиц на обучение за районными отделами культуры закреплялись опытные преподаватели [11, л. 2]. Согласно статистическим отчетам в 1980/1981 гг. в училище обучалось 327 человек,

1981/1982 гг. – 318, 1982/1983 гг. – 346, 1983/1984 – 313, 1984/1985 – 308 учащихся [12, л. 1–4; 14, л. 1–2]. По показателям 1982 учебного года успеваемость составила 98,5% [13, л. 3, 5].

В 1982 г. учебное заведение располагалось по адресу улица Киевская, 39. В новом здании для дневного и заочного отделений были оборудованы 14 аудиторий для групповых занятий, 20 кабинетов для индивидуальных, 5 аудиторий для занятий заочного отделения, зрительный зал на 220 мест, актовый зал на 200 мест, спортивный гимнастический зал, библиотека с фондом 37870 книг [13, л. 3].

В связи с острой необходимостью обеспечения учащихся проживанием в 1978 г. был разработан план строительства общежития на 216 мест, но в 1980 г. из 240 учащихся в арендованном общежитии по ул. Одесская, 4, по-прежнему, проживало только 50 человек. В 1986 г. число проживающих в общежитии за счет уплотнения в комнатах возросло до 60 человек, а в 1987 г. – до 80 [13, л. 3, 15].

В соответствии с политическими установками советского государства особое внимание уделялось социальному и национальному составу учащихся. В 1980 г. в училище проходили обучение 327 человек, в том числе 247 женщин, из них рабочих – 169, колхозников – 59, служащих – 99, русских 265 человек, украинцев – 48 [12, л. 1]. В 1981 г. обучалось всего 318 человек, из них 224 женщины. По социальному составу учащиеся были представлены в основном служащими – 101 человек, а также рабочими – 78 и колхозниками – 34 [12, л. 3]. В 1984 году рабочих – 238 человек, колхозников – 17, служащих – 58, по национальному составу 202 человека русские, 84 – украинцы, 5 – евреи, 6 – татары, 4 – белорусы [14, л. 1]. В статистических отчетах с 1985 г. социальный и национальный состав учащихся не указывался, что в полной мере соответствовало провозглашению нового государственного курса на «перестройку» и переменам во внутренней политике государства 1985–1991 гг.

В училище велась постоянная работа по повышению качества преподавания. В 1980–1986 гг. преподавательскую деятельность вели 97 преподавателей [12, л. 1; 15, л. 1]. Ежегодно проводились аттестации и стажировки, курсы повышения квалификации, научно-методические конференции, педагогические чтения и семинары для преподавателей. В училище было введено единство требований к опросу учащихся и к учебно-методической документации. С целью совершенствования работы на базах практик создан отдел опыта проведения производственной и учебной практики. Один раз в семестр с целью мониторинга результатов обучения и повышения мотивации учащихся проводились родительские собрания [11, л. 5]. На педагогические чтения 1982 г. были вынесены вопросы психологии общения педагога и слушателя, задача активизации работы учащихся на занятиях, подняты проблемы изучения опыта программированного обучения и патриотического воспитания на уроках. Преподавательским коллективом были разработаны методические рекомендации «Активизация творческого процесса обучения на уроках сольфеджио», «Деловые игры в курсе клубоведения», «Опыт программированного опроса учащихся», «Межпредметные связи в курсе «библиотековедения», «Этюд и творчество режиссера». Хоровая комиссия наряду с учебным планом представила детские оперы «Репка» и «Муха-цокотуха». Комиссия училища работала над переходом к использованию структурно-логических схем и технологических карт занятий, изучала опыт проведения занятий лекционно-семинарским способом. С целью совершенствования и внедрения методических разработок был создан педагогический кабинет [13, л. 7].

Большое внимание уделялось проведению учебной и производственной практики. Учебные практики библиотечного отделения проходили в библиотеках Симферополя, производственные проводились на 17 базах районных и сельских библиотек. Учебная и производственная практики клубного отдела-

ния проходили на базе Домов культуры. По пятницам группы по 20 человек под руководством педагога выезжали на места, где продолжали работу с уже созданными или вновь организованными коллективами художественной самодеятельности. Силами учащихся было создано 4 хореографических кружка, 4 хоровых детских коллектива, ансамбль бандуристов, вокально-инструментальный ансамбль. Учащиеся училища выступали перед рабочими совхозов и колхозов на машино-тракторных станциях, фермах, на производственных участках предприятий, оказывали помощь школам в проведении выпускных вечеров, утренников, балов [13, л. 8].

Культурно-просветительная и политико-воспитательная деятельность училища в полной мере соответствовала политическим и идеологическим установкам советского государства. В соответствии со специализацией учащихся были созданы творческие коллективы: танцевальный ансамбль, концертная бригада под руководством С. В. Пальчиковского, сводный хор под руководством М. С. Гурджи, оркестр народных инструментов под руководством Н. Ф. Клемпарского, оркестр народных инструментов под руководством В. П. Кулиш, духовой оркестр под руководством Л. Ф. Больбтенко, оркестр народных инструментов преподавателей, духовой оркестр, вокально-инструментальный ансамбль «Аллегро». На базе университета общественных профессий работали школы редактора стенной газеты, спортивного организатора, туристского организатора, руководителя ВИА. В рамках университета «Знаний» были созданы факультет «Здоровье», факультет правовых знаний, факультете искусств, факультет охраны природы. Первичной организацией общества «Знание» были организованы циклы лекций: героики и патриотизма, «Наш город нам дорог», атеистические чтения, лекторий международной политики. Активную деятельность вели любительские клубные объединения [13, л. 10–11].

Большой популярностью пользовались общеучилищные тематические мероприятия: вечер-обряд «Посвящение в учащиеся «Здравствуй, первокурсник!», вечер-отчет вокально-инструментального ансамбля «Аллегоро», первомайский вечер-концерт, вечер «Посвящение в профессию», вечер «Последний звонок», смотр на лучшего студента года [13, л. 10].

Училище по праву гордилось прочно закрепившимися традициями военно-шефской работы, связями с ветеранами гражданской и Великой Отечественной войны, обслуживанием тружеников села, встречами выпускников, проведением спортивных состязаний, проведением тематических огоньков. Учащимися проводились телевизионные отчетные концерты и выступления художественных коллективов. В период летних каникул агитбигады из учащихся обслуживали тружеников полуострова.

Изменения в социально-экономической, политической и идеологической сферах жизни общества со второй половины 1980-х до 2000-х гг. нашли отражение и в социально-культурной деятельности. Указанный период связан с изменениями в системе культурно-досуговых учреждений основополагающей базы законодательных актов, финансирования и кадровой политики [33]. В контексте перестройки среднего специального образования 2 февраля 1987 г. прошел совет директоров средних специальных заведений, посвященный проблемам учебно-воспитательной работы. На совете с докладом выступил директор Крымского культурно-просветительного училища А. И. Клименко. В информационной справке Клименко были указаны две специальности подготовки в Крымском училище: библиотечное дело и культурно-просветительная работа, которая имела ряд специализаций: руководитель хора, духового народного оркестра, театрального и хореографического коллектива. Директором был отмечен ряд проблем в учебно-воспитательном процессе и материально-техническом обеспечении

учебного заведения, обозначена необходимость строительства для училища нового здания. В рамках учебно-воспитательной работы Клименко поднял вопрос о недооценке значения общественных предметов в формировании мировоззрения учащихся, о явных приоритетах специального образования. Особое внимание было обращено на необходимость проведения значительного объема профориентационной деятельности в связи с падением престижности профессии [16, л. 2].

Политические события конца 1980-х нашли отражение в истории учебного заведения. После принятия Верховным Советом СССР в 1989 г. «Декларации о признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению и обеспечению их прав» началось массовое возвращение на полуостров крымскотатарского народа, незаконно депортированного из Крыма в 1944 г. [30]. В 1989 г. в училище был организован набор по специальности «Руководитель самодеятельного театрального коллектива» из числа крымских татар. В документах указано, что если есть необходимость сделать набор из числа крымских татар в количестве 15 человек, то 5 человек по разрешению Министерства культуры УССР снять со специальности «Библиотечное дело». Набор национального курса считали целесообразным поручить главному режиссеру театра им. М. Горького А. Г. Новикову в связи с открытием при театре студии из числа крымских татар. Преподаватель по предмету «Сценическая речь» должен был владеть крымско-татарским языком. Объявление о наборе курса было опубликовано в газете «Крымская правда» [17, л. 2].

Отражением социально-экономических перемен в обществе было создание на основе предметов «Основы маркетинга и менеджмента» и «Учебная практика» студенческого предприятия «Джелла», дававшего на хозрасчетной основе благотворительные утренники для детей в городской детской больнице [18, л. 6].

В результате дезинтеграционных процессов распада Советского Союза 1990-х г. работа училища продолжается в украинском правовом поле. 1990-е – начало 2000-х гг. в истории специального образования в сфере культуры представлены широким спектром новых специальностей, которые соответствовали запросам постперестроечного времени. Культурно-просветительные училища были преобразованы в училища культуры. На смену идеологически неактуальной специальности «культурно-просветительная работа» пришла новая специальность – «социально-культурная деятельность и народное художественное творчество» [25].

В условиях сложившегося кризиса 1990-х Крымское культурно-просветительное училище, переименованное в Крымское училище культуры продолжало активно готовить кадры для государственных, профсоюзных, ведомственных и других учреждений культуры: клубов, домов культуры, театров, цирков, филармоний, библиотек, культурно-досуговых центров, парков, досугово-оздоровительных центров, культурно-спортивных комплексов, санитарно-курортных комплексов, детских оздоровительных лагерей, а также средних общеобразовательных школ и школ искусств [28]. На базе училища было открыто подготовительное отделение [23, л. 3].

Училище не только продолжало активную учебную и творческую деятельность, но и расширяло диапазон специальностей. С 1990 г. учебное заведение готовило специалистов в области культуры по специальностям библиотечное дело и народное художественное творчество. В рамках народного художественного творчества выделялись специализации: народные инструменты (руководитель оркестра и фольклорного ансамбля); духовые инструменты (руководитель оркестра (ансамбля) духовых инструментов); режиссура (руководитель театрального коллектива); хореография (руководитель танцевального коллектива, артист ансамбля народного

танца, преподаватель хореографии); хоровое пение (руководитель хора и фольклорного ансамбля). Все выпускники отделения народного художественного творчества получали дополнительную квалификацию организатора культурно-досуговой деятельности. Лучшим выпускникам присваивалась квалификация «Преподаватель соответствующей специализации». Отличники и хорошисты обеспечивались стипендией [19, л. 2]. В 1996 г. Крымское училище культуры готовило специалистов по трем специальностям – к библиотечному делу и народному художественному творчеству добавилась специальность «народная хореография» [21, л. 3]. Подтверждением успешной профессиональной подготовки учащихся стала победа хореографического ансамбля училища «Киммерия» в 2000 г. на конкурсе эстрадного танца в Ялте [23, л. 2].

Внутриполитические события 1990-х гг., несмотря на усилия руководства и преподавательского состава училища, в значительной степени усложнили ситуацию. В указанный период наблюдается устойчивая тенденция сокращения числа учащихся и преподавателей. Общее число учащихся на 1994/1995 гг. составляло 256 для очного отделения, 1995/1996 гг. – 230, 1996/1997 гг. – 172, 1997/1998 гг. – 122 человека. Преподавательский состав 1994/1995 гг. представлен 82-мя штатными преподавателями, 1995/1996 гг. – 76, 1996/1997 гг. – 50, 1997/1998 гг. – 70, 2000/2001 гг. – 52 преподавателями. [21, л. 2–3; 22]. В 2001 г. на базе училища был открыт факультет Киевского национального университета культуры и искусств. Вновь созданный филиал стремился к независимости и через несколько лет получил статус самостоятельного учебного заведения [28, с. 11]. В 2004 г. прошло торжественное официальное открытие Крымского университета культуры, искусств и туризма, первого высшего учебного заведения Крыма в сфере культуры. В 2014 г. на основании приказа Министерства культуры Республики Крым Республиканское высшее учебное заведение «Крымский уни-

верситет культуры, искусств и туризма» было переименовано в Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым [3]. Предметом и целью деятельности университета стала образовательная деятельность, подготовка профессиональных кадров в сфере культуры, искусств и туризма, осуществление научной и творческой деятельности в соответствующей сфере деятельности, а также организация и участие в фестивалях, конкурсах, смотрах и других творческих мероприятиях республиканского, всероссийского и международного уровней.

Выводы. Предыстория становления и развития Крымского университета культуры, искусств и туризма в полной мере соответствовала государственной политике советского и постсоветского периодов. В историческом опыте регионального учреждения культуры нашли отражение проблемы и перспективы профессионального творческого образования указанного периода. С послевоенным периодом восстановления народного хозяйства связана деятельность Крымской областной культурно-просветительной школы, которая стала частью формировавшейся в Советском Союзе системы подготовки квалифицированных специалистов в области культуры 1940–1950-х гг. В соответствии с государственной программой осуществлялся учебный процесс и вводились новые специальности. В рамках процесса массового преобразования культурно-просветительных школ в культурно-просветительные училища по подготовке кадров для учреждений культуры регионов, в 1966 г. областная культурно-просветительная школа была преобразована в Крымское областное культурно-просветительное училище. Успешная деятельность училища, соответствовавшая политическим и идеологическим установкам советского государства, активно продолжалась в 1970–1980 гг. Нашли отражение в истории учебного заведения политические события конца 1980-х. С 1985 г. перестал учитываться социальный и нацио-

нальный состав учащихся, что в полной мере соответствовало новому государственному курсу на «перестройку» и переменам во внутренней политике государства 1985–1991 гг. Осуществлялся набор учащихся из числа депортированного в военный период и реабилитированного в 1989 г. крымскотатарского народа. В результате дезинтеграционных процессов распада Советского Союза 1990-х г. работа училища продолжилась в украинском правовом поле. В соответствии с запросами постперестроечного времени культурно-просветительное училище преобразовано в училище культуры. Училище продолжало активную учебную деятельность и расширяло диапазон специальностей. Политический и экономический кризис

1990-х гг. стал причиной устойчивой тенденции сокращения числа учащихся и преподавателей учебного заведения. Открытие на основе училища в 2001 г. факультета Киевского национального университета культуры и искусств дало возможность сохранить учебную базу училища. В 2004 г. вновь созданный филиал был преобразован в самостоятельное учебное заведение – Крымский университет культуры, искусств и туризма, первое высшее учебное заведение Крыма в сфере культуры. С момента воссоединения Крыма с Россией, с 2014 г., деятельность Крымского университета культуры успешно развивается в новых условиях фундаментально преобразующейся сферы культуры и искусств.

1. Постановление ГС РК от 18 апреля 2014 года № 2058-6/14 «О вопросах Республиканского высшего учебного заведения «Крымский университет культуры, искусств и туризма» // Государственный Совет Республики Крым: [официальный сайт]. – URL: <http://crimea.gov.ru/act/12090> (дата обращения: 25.10.2024).

2. Постановление Совмина СССР от 25.04.47 № 1324 // Контур. Норматив: [официальный сайт]. – URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId> (дата обращения: 21.09.2024).

3. Устав Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (новая редакция) 2023 г. // «Крымский университет культуры, искусств и туризма»: [официальный сайт]. – URL: <https://kukiit.ru/wp-content/uploads/2024/01/ustav.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).

4. ГКУ ГА РК. – Ф. Р-3077. – Оп. 1. – Д. 5. – 7 л.

5. ГКУ ГА РК. – Ф. – Р-20. – Оп. 7. – Д. 17. – 35 л.

6. ГКУ ГА РК. – Ф. Р-20. – Оп. 7. – Д. 34. – 27 л.

7. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 1. – 14 л.

8. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 2. – 16 л.

9. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 3. – 2 л.

10. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 4. – 38 л.

11. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 5. – 12 л.

12. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 6. – 4 л.

13. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 7. – 24 л.

14. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 8. – 2 л.

15. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 9. – 3 л.

16. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 11. – 5 л.

17. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 13. – 6 л.

18. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 15. – 20 л.

19. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 16. – 9 л.

20. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 17. – 8 л.

21. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 18. – 3 л.

22. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 19. – 3 л.

23. Муниципальный архив г. Симферополя. – Ф. 39. – Оп. 2. – Д. 21. – 3 л.

24. Алексеева Л. Л. Традиции – новации – перспективы: К 85-летию Московского государственного института культуры и Института художественного образования Российской академии образования / Л. Л. Алексеева, Н. Н. Ярошенко // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2015. – № 2 (64). – С. 10–17.

25. Барабаш В. П. Деятельность культурно-просветительных школ Восточной Сибири в послевоенные годы // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2015. – № 7. – С. 80–83.
26. Буцык С. В. От институтов культуры до институтов культуры: историко-педагогический анализ / С. В. Буцык // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 35. – С. 166–175.
27. Гемранова А. Д. Отечественное университетское образование в сфере культуры и искусства / А. Д. Гемранова // Современное образование. – 2018. – № 2. – С. 33–39.
28. Дом, где зажигают звезды. Энциклопедия студенческой жизни от «А» до «Я» // Крымский университет культуры, искусств и туризма. – Симферополь: Салта ЛТД. – 2010. – 99 с.
29. Зубанова Л. Б. Человеческий капитал сферы культуры: актуальные ориентиры формирования кадрового потенциала региона / Л. Б. Зубанова // Вестник культуры и искусств. – 2018. – № 3 (55). – С. 102–109.
30. Михайлова Н. В. Крымские татары: депортация и реабилитация / Н. В. Михайлова // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 1. – С. 32–37.
31. Перова Е. Ю. Исторический опыт подготовки профессиональных кадров для сферы культуры и искусств в региональном вузе / Е. Ю. Перова, И. С. Цыремпилова // Известия Иркутского государственного университета. – 2018. – Т. 25. – С. 106–114.
32. Рушанин В. Я. Золотой юбилей: К 50-летию Челябинского государственного института культуры / В. Я. Рушанин // Вестник культуры и искусств. – 2018. – № 3 (55). – С. 9–22.
33. Цыдендоржиева Э. Д. Об историографии развития культурно-досуговых учреждений России в период с 1985-го по 2000-е гг. / Э. Д. Цыдендоржиева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2015. – № 9 (162). – С. 229–232.
34. Шунков А. В. Кемеровский Государственный институт культуры в Сибирском кластере искусств: интеграция науки, образования и творчества для развития человеческого потенциала в регионе / А. В. Шунков, В. Д. Пономарев // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2018. – № 45. – С. 13–20.
35. Юрьева М. Н. Историко-педагогические предпосылки развития хореографического образования в России / М. Н. Юрьева // Вестник ТГУ. – 2007. – № 5. – С. 1–6.

From the history of the formation and development of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism (1948-2001)

The relevance of the research is determined by the importance of regional higher education in the field of culture and art, aimed at forming the artistic and creative potential of the society. The paper analyzes the history of the formation of the first regional university of culture in the Crimea – the Crimean University of Culture, Arts and Tourism. The paper highlights the main stages of the development of the regional cultural and educational school and the regional cultural and educational college, which fully correspond to changes in state policy in the field of education and culture. The author considers quantitative indicators characterizing the main directions of educational activity on the basis of extensive factual material. Previously unpublished archival materials were used in the study.

Keywords: *cultural and educational school, cultural and educational college, culture, art, personnel training*

И. С. Сунцов

Из истории Российского общества по изучению Крыма: новые страницы в крымоведческой библиографии

В статье исследуются новые архивные источники, связанные с историей краеведческого движения в Крымской АССР, основными центрами которого стали научные общества. Одним из них было Российское общество по изучению Крыма (РОПИК). В него входили известные исследователи, оставившие богатейшее научное наследие в различных областях исторического краеведения Крымского полуострова. В связи со значительной ролью Общества по изучению Крыма в крымской историографии любые архивные документы, связанные с деятельностью его членов, имеют существенное значение.

Ключевые слова: РОПИК, ОПИК, крымоведение, Е. Е. Гопштейн, историки-краеведы, библиографическая деятельность, книжные собрания.

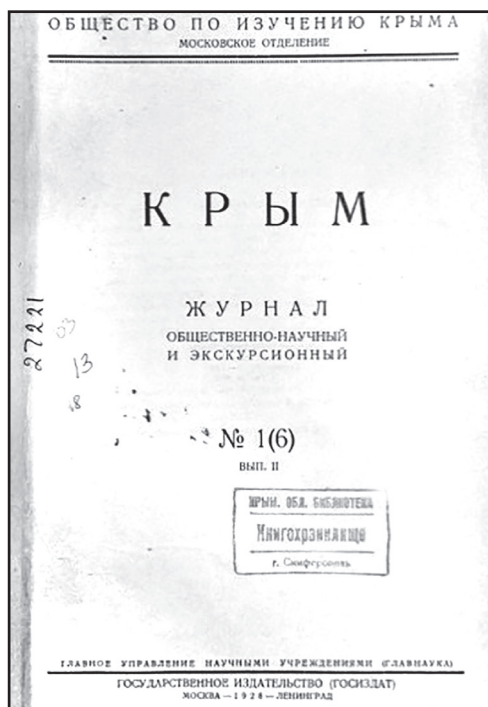

Рисунок 1 – Титул научного журнала «Крым»

Введение. Основными центрами краеведческих исследований в Крымской АССР стали научные общества. Одним из них было Российское общество по изучению Крыма (РОПИК). В него входили известные исследователи, оставившие богатейшее научное наследие в различных областях исторического краеведения Крымского полуострова.

Деятельность РОПИК развернулась в 1922–1930 годах. Его плодотворная работа, формирование ценного научного наследия организации стали возможными благодаря совместным усилиям многочисленных ученых, членов различных отделений Общества. Изыскания исследователей этой эпохи в различных областях крымоведения были введены в научный оборот благодаря периодическому печатному органу РОПИК – научному журналу «Крым», учрежденному в 1925 году (рисунок 1).

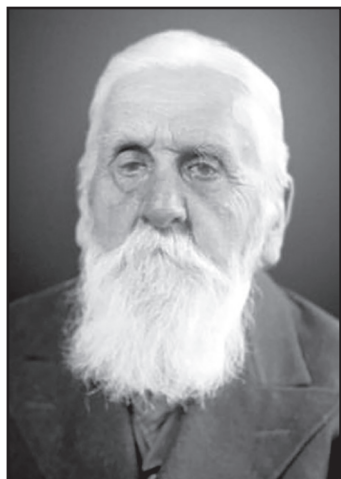

Рисунок 2 – Арсений
Иванович Маркевич
(1855–1942)

Рисунок 3 – Петр
Абрамович Двойченко
(1883–1945)

Рисунок 4 – Евгений
Владимирович Вульф
(1885–1941)

В связи со значительной ролью Общества по изучению Крыма в крымской историографии любые архивные документы, связанные с деятельностью его членов, имеют существенное значение. Так, представляют интерес новые документы, связанные с деятельностью почетного члена Общества, крымоведа-библиографа Евсея Ефимовича Гопштейна (1885–1960), самым известным библиографическим трудом которого стал указатель «Библиография библиографической литературы о Крыме», изданный на закате деятельности Общества – в 1930 году [10].

Изложение основного материала. При организации Симферопольского отделения Российского общества по изучению Крыма (РОПИК) в мае 1924 года большинство членов его правле-

ния составили известные крымоведы: Арсений Иванович Маркевич (1855–1942) (рисунок 2), Петр Абрамович Двойченко (1883–1945) (рисунок 3), Евгений Владимирович Вульф (1885–1941) (рисунок 4) и многие другие [20, с. 71–72] (рисунок 5). Библиограф писал о Вульфе: «Когда я познакомился с Евгением Владимировичем, он уже был выдающимся ботаником, но он стал им потому, что уже был выдающимся книголюбом» [3, с. 119]. В дневниковых записях остались следующие строки и об организаторе крымоведческого движения Арсении Ивановиче Маркевиче: «Какой-нибудь отшлифованный образованием <...> умственного охвата и способностей к исторической концепции, вроде милейшего А[рсения] И[вановича] Маркевича» [12, с. 23].

Симферопольское Отделение РОПИК'а (Российского Общества по изучению Крыма)

Симферополь. Здание Крымсовнаркома. комната № 25.

Симферопольское Отделение РОПИК'а имеет своей задачей всестороннее изучение Крыма, в особенности его производительных сил, и широкое распространение о нем сведений.

Председатель правления У. Балич, заместитель председателя Г. А. Кушенко, члены правления: секретарь В. Н. Тальберг, казначей Е. Е. Гопштейн, члены президиума: Л. И. Ивженко, А. Озенбашлы, С. А. Усов, Х. Чапчакчи.

Отделения РОПИК'а имеются также в Алуште, Гурзуфе, Евпатории, Керчи, Севастополе, Феодосии, Ялте, Судаке.

Рисунок 5 – Список членов Симферопольского отделения РОПИК, 1925 год

Рисунок 7 – Члены Общества по изучению Крыма. Симферополь, 1927 год

существовавшие библиографические справочники, которые стали основой подготовки указателя «Библиография библиографической литературы о Крыме», изданного в 1930 году. Собранные библиографом материалы по истории водоснабжения были опубликованы в 1932 году [13, с. 135–141]. Основные библиографические пособия Е. Е. Гопштейна подготовлены до 1930 года. Оценку его работам дал видный крымский библиограф В. В. Симоновский (1869–1933). Виктор Васильевич отмечал: «Среди крымских библиографов-практиков особое место занимает Е. Е. Гопштейн как по объему выполненной им большой работы, так и по характеру ее содержания. Е. Е. Гопштейн ведет следующие работы по библиографии краеведческой литературы: <...> 5. «Библиография библиографической литературы о Крыме». Е. Е. Гопштейном затрачено большое количество труда и времени на разыскание библиографических указателей литературы по местным вопросам, печатных произведений, рукописных материалов и проч[его]. Им были использованы каталоги всех архивов Крыма, общественные, краеведческие и ведомственные книгохранилища, все местные собрания газет. Библиографические работы ведут-

ся им в форме указателей для печати, причем все данные описаны по подлинникам с достаточной полнотой и, что особенно важно, сопровождаются аннотациями, дающими ясное представление о них. Автор относится с вниманием также и технике и методологии библиографического описания печатных произведений, используя при составлении своих указателей методологические труды Н[иколая] М[ихайловича] Лисовского, Л[ео니다] К[онстантиновича] Ильинского и др[угих]. Из названных выше библиографических работ Е. Е. Гопштейна Обществом по изучению Крыма в 1930 году опубликована «Библиография библиографических указателей литературы о Крыме» [21, с. 205] (рисунок 8).

Просмотр изданий в режиме «de visu» положительно сказался на качестве и информативности основных работ библиографа, в том числе и указателя библиографической литературы о Крыме. На рубеже 20–30-х годов XX века активно комплектуется обширное частное книжное собрание, идет подготовка крупной крымоведческой картотеки «Люди Крыма» [1; 25, с. 111].

В 1930 году Обществом по изучению Крыма был издан библиографический указатель «Библиография библиогра-

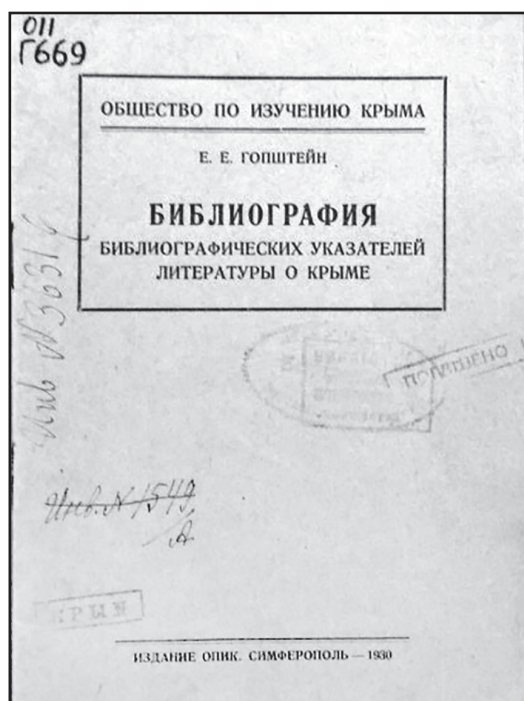

Рисунок 8 – Библиография библиографических указателей литературы о Крыме

фической литературы о Крыме» [10] в качестве обобщающего справочного издания по крымоведческой библиографии. Он стал выдающимся памятником крымоведческой библиографии, первой попыткой создания метабиблиографического справочника [18, с. 5].

В небольшой вступительной статье автор справедливо связывает появление крымоведческих публикаций с историческими событиями, важнейшим из которых он называет Крымскую войну [10, с. 3–4]. При этом он объективно отметил: «...количество указателей литературы о Крыме по различным вопросам настолько уже разрослось и они настолько разбросаны по различным изданиям, что выявление их представляет значительные уже трудности <...> Обстоятельство это и вызвало настоящую попытку – свести в одну картину все библиографические работы о Крыме, существующие к настоящему времени и указанные здесь ниже» [10, с. 4–5].

Данная работа является одной из немногих попыток обобщения и систематизации крымоведческой литературы крымских историков-краеведов,

таких как А. И. Маркевич, А. Л. Бертъе-Делагард, П. И. Кеппен, К. К. Косцюшко-Валюжинич, А. Х. Стевен, Н. А. Султан-Крым-Гирей. Так, характеризуя библиографический труд «TAURICA» своего ближайшего коллеги по Обществу по изучению Крыма Арсения Ивановича Маркевича, Е. Е. Гопштейн останавливается на значении настольного библиографического пособия: «...несмотря на устарелость этого труда, являющегося к тому же библиографической редкостью, он представляется незаменимым в настоящее время основным справочным изданием при всяких работах, которые связаны с Крымом» [10, с. 10].

Идея составителя ввести в указатель опубликованные реестры и описания архивных дел о Крыме, а также печатные каталоги существующих крымоведческих книжных собраний была актуальной. Вероятно, идею ввести номера архивных дел, содержащих библиографическую информацию, Евсею Ефимовичу подсказал Арсений Иванович Маркевич [19, с. 32–36].

Были выявлены и утраченные к настоящему времени досоветские указатели, которые, очевидно, существовали в виде рукописей или отдельных карточек. Сам автор объяснил мотивацию введения их в общий список так: «Для большей полноты данных сюда введены также как опубликованные реестры и описания архивных дел о Крыме, так и печатные каталоги существующих книжных собраний, связанных по их содержанию исключительно с Крымом» [10, с. 4–5].

В указатель вошли и несколько рукописных библиографических пособий: «Печать в Крыму в годы революции» [14] и «Печать в Крыму за 150 лет» [15] (№ 4 и № 5). Данные о рукописных работах позволили дополнить биобиблиографическую канву исследователя [24, с. 58–67].

Период 1929–1931 годов в советском краеведении проходил под знаком свертывания инициатив исследователей и подчинения их деятельности партийно-

государственному аппарату, встраивания науки в рамки программы «строительства социализма». Эта тенденция коснулась и Общества по изучению Крыма, фактически свернувшего свою работу в 1930 году [20, с. 190].

Но общий разлад в организации краеведческих усилий в СССР не мешал проведению изысканий отдельными исследователями. Евсей Ефимович продолжил работать в архивах и библиотеках, формируя библиографические пособия по собственной инициативе [9, л. 1].

Изданный его труд вызвал интерес не только в СССР, но и за рубежом. Об этом свидетельствует запись в дневнике исследователя от 24 ноября 1940 года: «Директор Центральной областной библиотеки, женщина, сообщила мне сегодня, что отдел книгообмена с заграничной библиотеки им. Ленина, прежней Румянцевской, в Москве, просит

выслать ему, по чьему-то заказу из-за границы, мою брошюру: «Библиография библиографических указателей литературы о Крыме», вышедшую здесь в 1930 г...» [12, с. 274].

Выводы. Справочник «Библиография библиографической литературы о Крыме» не утратил своей актуальности и является часто цитируемым. Выход в свет этой обобщающей работы стал важнейшей вехой в развитии библиографической науки на Крымском полуострове, а также библиографии крымоведения в целом. До сих пор данное пособие является единственной в истории крымоведения попыткой создания метабиблиографического справочника. Работа используется в обобщающих исследованиях специалистов различных областей, связанных с историей Крыма [2, с. 281; 14, с. 105, 109, 110; 15, с. 214; 16, с. 329; 23, с. 322].

1. [Гопштейн Е. Е.] Люди Крыма: алфавитный перечень биографических и библиографических данных: [рукопись]. – Гуверский архив Стенфордского университета. – Ф. 93068 Гопштейн Е. Е., [без даты]. – [Т. 1–3].
2. Библиография русской библиографии: указатель библиографических пособий / Российская нац. б-ка; ред.-сост. С. Н. Котломанова. – Санкт-Петербург, 2000. – Т. 1: 1917–1921 гг. – 272 с.
3. Гарагуля В. К. Евгений Владимирович Вульф в воспоминаниях / В. К. Гарагуля // Евгений Владимирович Вульф – крупнейший крымский флорист XX века / отв. ред. Л. Н. Слизык-Маслова; Алуштинский филиал Крымского респ. краевед. музея. – Киев: Стилос, 2002. – С. 118–129.
4. ГАРК. – Ф. Р-114. – Оп. 3. – Д. 26.
5. ГАРК. – Ф. Р-114. – Оп. 4. – Д. 2.
6. ГАРК. – Ф. Р-114. – Оп. 4. – Д. 5.
7. ГАРК. – Ф. Р-3283. – Оп. 1. – Д. 5.
8. ГАРК. – Ф. Р-3318. – Оп. 1. – Д. 14.
9. ГАРК. – Ф. Р-415. – Оп. 1. – Д. 549.
10. Гопштейн Е. Е. Библиография библиографических указателей литературы о Крыме / Н. Е. Гопштейн; Общество по изучению Крыма. – Симферополь, 1930. – 15 с.
11. Гопштейн Е. Е. [Опись личного фонда Е. Е. Гопштейна] // Гуверский архив Стенфордского института. – Ф. 93068 Гопштейн Е. Е., 2000. – 10 с.
12. Гопштейн Е. Е. Из старых бумаг: обрывки записок симферопольского обывателя, современника советской власти и Второй мировой войны / Е. Е. Гопштейн. – Москва: ДПК Пресс, 2019. – Т. 3. – 671 с.
13. Гопштейн Е. Е. К водоснабжению Крыма / Е. Е. Гопштейн // Экономика и культура Крыма. – Симферополь, 1932. – № 8 (10). – С. 135–141.
14. Историко-библиографические исследования: сборник научных трудов / Российская нац. б-ка; отв. ред. Н. К. Леликова. – Санкт-Петербург, 1990. – Вып. 14. – 319 с.
15. Кандел Б. Л. Отечественные указатели библиографических пособий / Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. – Ленинград, 1989. – 222 с.
16. Морозова М. Н. Физическая география: аннотированный перечень отечественной библиографии, изданной в 1810–1966 гг. / М. Н. Морозова; Библиотека СССР им. В. И. Ленина; Институт географии АН СССР. – Москва: Книга, 1968. – 309 с.
17. Непомнящий А. А. Рукописный библиографический текст в крымоведческих исследованиях: малоизвестный информативный источник. – Текст: электронный /

А. А. Непомнящий // Пространство и Время: электронное научное издание. – 2015. – Т. 10. – Вып. 1: Пространство и время текста.

18. Непомнящий А. А. Скромный подвижник краеведения / А. А. непомнящий // Из старых бумаг: обрывки записок симферопольского обывателя, современника советской власти и Второй мировой войны. – Москва: ДПК Пресс, 2019. – Т. 3. – С. 5–10.

19. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2005. – 429 с.

20. Севастьянов А. В. Десять лет на службе краеведения: Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / А. В. Севастьянов. – Киев; Симферополь, 2010. – 256 с.

21. Симоновский В. В. Библиографическая работа в Крыму: ее характер и задачи / В. В. Симоновский // Историческое наследие Крыма. – Симферополь, 2007. – № 19. – С. 203–207.

22. Симферопольское отделение РОПИК (Российского общества по изучению Крыма) // Весь Крым, 1920–1925: юбилейный сборник / КрымЦИК; отв. ред. У. В. Балич. – Симферополь, 1926. – С. 569.

23. Советская археологическая литература: библиография / Научная библиотека АН СССР; Институт археологии АН СССР. – Москва; Ленинград: Наука, 1959. – 376 с.

24. Сунцов И. С. Евсей Гопштейн – составитель библиографии крымской периодики 1917–1920 годов / И. С. Сунцов // Вестник архивистов Крыма. – Симферополь: Антиква, 2021. – Вып. 5. – С. 58–67.

From the history of the Russian Society for the Study of the Crimea: new pages in the Crimean bibliography

The article examines new archival sources related to the history of the local history movement in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, the main centers of which were scientific societies. One of them was the Russian Society for the Study of the Crimea (ROPIK). It included famous researchers who left a rich scientific heritage in various areas of historical local history of the Crimean Peninsula. Due to the significant role of the Society for the Study of the Crimea in the Crimean historiography, any archival documents related to the activities of its members are of significant importance.

Keywords: ROPIK, OPIK, Crimean studies, E. E. Gopshtein, local historians, bibliographic activities, book collections.

РЕЦЕНЗИИ

Ф. В. Лазарев

**Рецензия на книгу:
Левин Г. Д. Анализ и синтез. –
Москва: Канон+, 2022. – 192 с.**

Термины и σύνθεσις, (соединение, сочленение) и ἀνάλυσις (разложение, расчленение) фигурируют уже в «Одиссее» Гомера. За прошедшие века на них напластовалось множество значений. Поэтому первая задача автора рецензируемой книги состояла в том, чтобы выявить эти значения, проследить сложившееся между ними «разделение труда» и оценить уровень исследованности каждого из них. Решению этой задачи посвящена первая глава книги. Автор решает ее с помощью генетического метода: представляет ныне существующие значения терминов «анализ» и «синтез» и основанные на них теории как этапы развития генетически первичных, этимологических значений этих терминов. В следующих трех главах книги выявленные значения терминов «анализ» и «синтез» и основанные на них теории подвергаются детальному исследованию. Исключение сделано лишь для интерпретативного анализа (одного из методов современной аналитической философии), несмотря на то, что, как подчеркивает сам автор, в современной литературе ему посвящено больше работ, чем всем другим видам анализа вместе взятым. Объясняет он это тем, что книга посвящена анализу и синтезу как процессам познания, а интерпретативный анализ, по утверждению самих его создателей – Дж. Мура, Р. Карнапа и У. Куайна

– это прояснение когнитивных черт уже готового знания. Но автор подчеркивает, что его цель не историко-философский обзор. Его в конечном счете интересуют не точки зрения на анализ и синтез, а сами эти процессы. Исследования других авторов он анализирует в двух случаях: чтобы указать автора идеи, которую он разделяет, или автора идеи, которую считает достойной критики.

Процессы анализа и синтеза рассматриваются в книге во всей их полноте: как протекающие не только в субъективном, но и в объективном мире. Для решения этой задачи автор проводит большую подготовительную работу: в разделе «Понятия – инструменты исследования» он тщательно эксплицирует необходимые для дальнейшего анализа термины «реализм», «антиреализм», «объект», «предмет», «часть», «признак», «свойство», «отношение», «система» и «элементы», а также систематическим образом описывает используемые в дальнейшем методы исследования (с. 22–44). Благодаря предварительной категориальной проработке используемого в книге концептуального аппарата достигается ясность тезисов, отстаиваемых автором, аргументов в их защиту, а также аргументов против тех концепций, которые автор отвергает.

Отмеченная ясность выдвигаемых тезисов, кстати сказать, облегчает и кри-

тику концепции самого автора, которая отнюдь не общепринята. Например, на первых же страницах книги он заявляет: «Процессы анализа и синтеза исследуются в книге на основе отечественной разновидности реализма – диалектического материализма» (с. 3). Эта фраза, произнесенная до революционных перемен в нашей философии, произошедших в начале девяностых годов, была бы банальностью, сегодня же для ее написания и обоснования нужно в известном смысле научное мужество. Большая роль в этом обосновании отводится автором концепции интервального подхода (с. 30–37), разработанного мною в соавторстве с М. М. Новоселовым. Это дает мне право выразить свое отношение как к трактовке Г. Д. Левиным идеи интервальности, так и к использованию ее в обосновании авторской концепции реализма как особого философского течения.

В свете сказанного следует также подчеркнуть, что проводимые в первых разделах книги теоретические изыскания опираются на онто-гносеологический подход, акцентирующий внимание на глубинную связь онтологических и логико-эпистемологических аспектов. (Отметим в скобках, что названный подход широко используется в рамках интервальной концепции, например, при анализе базовой для нее категории абстрагирования.) Суть интервальной методологии наиболее подробно изложена в моей книге «Истина и структура реальности»¹.

Интервальная концепция вытекает из принципа интервальности. Последний представляет собой философско-методологическое обобщение принципов относительности и дополненности в современной физике. Коротко его смысл выражается в следующих постулатах:

- любой объект многомерен и бесконечен в своих связях и отношениях;
- актуально объект существует лишь относительно той или иной интерваль-

ной ситуации, осуществляющей своеобразную редукцию от бесконечного к конечному, от потенциального к актуальному и т. д.;

- специально подобранная интервальная ситуация может служить средством познания в качестве познавательной позиции субъекта;

- все познавательные позиции имеют равное право на истину;

- всякая истина справедлива лишь в рамках того или иного интервала абстракции.

Обращение автора в тех или иных конкретных случаях анализа рассматриваемых проблем к интервальному подходу позволяет высветить некоторые тонкие аспекты многовековых теоретических споров по целому ряду затрагиваемых в книге вопросов. В этом контексте автор предлагает эвристически емкую экспликацию понятия реализма в историко-философском измерении. При этом автор не только принимает реализм как мировоззрение, но и кладет его в основу всего дальнейшего исследования: по одному основанию он делит все теории анализа и синтеза на реалистические и антиреалистические, а по-другому – на классические и неклассические. Во второй главе книги исследуется реалистический вариант классической теории анализа и синтеза, в третьей – ее антиреалистический вариант, предметом четвертой главы являются неклассические теории анализа и синтеза.

В современной реалистической трактовке классических анализа и синтеза автор обнаруживает принципиальную ошибку: анализ понимается в ней как не только реальное или мысленное разложение целого на части, но и как реальное или мысленное объединение частей в целое. Но затем синтез трактуется как объединение частей в целое. Такое понимание анализа автор называет наивным. Преодоление наивной трактовки анализа он видит в том, чтобы функцию разделения целого на части оставить анализу, а функцию объединения частей в целое передать синтезу. Этим и задача анализа выделяется в чистом виде, и открывается

¹ Лазарев Ф. В. Истина и структура реальности. Основы интервальной методологии. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2019. – 456 с.

возможность для создания теории синтеза, *парной* теории анализа.

Для решения этой последней задачи автор обобщает понятие синтеза: трактует его как познание любых отношений между объектами любой природы. Он подчеркивает, что этим самым открывается проблема, которую наивная трактовка анализа в известном смысле маскировала, – проблему познания отношений. Всю глубину этой проблемы осознал еще Платон, над ней бились все выдающиеся мыслители, включая Аристотеля и Канта. Г. Д. Левин не только формулирует эту проблему и прослеживает историю ее исследования от Платона до современности, но и излагает то ее решение, которое разделяет сам (с. 57–67). Он показывает, что отношения порождаются внутренними содержаниями их носителей, а знания о них вытекают из знаний об их носителях. Решение этой задачи – безусловная теоретическая заслуга автора.

Рассмотрев анализ и синтез как процессы познания, автор переходит к исследованию процессов анализа и синтеза, совершающихся в объективном мире: в неживой и в живой природе, а также в человеческой практике. Безусловный вклад в целостную теорию анализа и синтеза представляет сопоставление им донаучных и научных методов практических анализа и синтеза и обоснование тезиса, что в первых космогонических теориях в превращенной форме описаны именно их донаучные разновидности (с. 103–117).

Третья глава книги представляет собой исследование на принципах реализма антиреалистических теорий анализа и синтеза. В сущности, таких теорий может быть столько же, сколько и разновидностей антиреализма. Но реально в истории философии разработана только кантовская теория. Ей и посвящена глава.

Кант утверждает, что и знания, и их предметы находятся в феноменальном мире трансцендентального субъекта, причем новые знания об этих предметах дает только синтез знаний, а анализ лишь проясняет его результаты. При этом в книге исследуются трудности,

приведшие Канта к этому утверждению. Показана роль кантовского «коперниканского переворота в философии» в его обосновании. В этом контексте раскрывается кантовская теория аналитических и синтетических суждений. Обосновано утверждение, что знаменитый кантовский вопрос: «Как возможны синтетические суждения *a priori*?» является, по существу, вопросом о возможности всего теоретического познания.

Если во второй и третьей главах книги рассматривались классические теории анализа и синтеза, то четвертая посвящена неклассической, геометрической (по происхождению) теории анализа и синтеза. Для этого вводятся обобщенное понимание анализа как движения от конца к началу или «работы назад» (*workingbackward*) и обобщенное понимание синтеза как движения от начала к концу или «работы вперед» (*workingforward*). Показывается, что под эти понятия подходят не только классические, но и геометрические анализ и синтез. Как «работу назад» можно представить поиск посылок доказательства геометрической теоремы на основе ее содержания, а как «работу вперед» – как доказательство этой теоремы на основе найденных посылок. В отечественных исследованиях анализа и синтеза о них обычно лишь упоминают. В книге они исследуются детально, на основе обширной историко-философской литературы. Прослеживается генетическая связь геометрических анализа и синтеза, с одной стороны, с классическими анализом и синтезом, а, с другой, с естественнонаучным экспериментом: показано, что он представляет собой распространение этих методов на исследование природных процессов.

Подводя итог, можно сказать, что проделанное Г. Д. Левиным исследование процессов анализа и синтеза является в отечественной литературе самым детальным. Оно, несомненно, окажет реальную помощь и преподавателям философии, и исследователям других часто обсуждаемых в научной литературе онтологических и гносеологических проблем.

Сведения об авторах

Алимова Эльвина Смагиловна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой вокального искусства ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (г. Симферополь).

Андрейченко Оксана Ивановна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Крымский филиал); доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (г. Симферополь).

Гетманенко Анастасия Олеговна, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры мировой культуры Института гуманитарных и прикладных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» (г. Москва).

Гоцанюк Наталья Юрьевна, проректор по связям с общественностью и коммуникациям ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (г. Симферополь).

Егоров Владимир Константинович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Москва).

Ершова Мария Дмитриевна, магистрант 1 курса Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь).

Загурский Владимир Иванович, доцент, заслуженный работник культуры Украинской ССР, декан факультета искусств ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (г. Симферополь).

Иванов Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (г. Симферополь).

Крыгин Никита Николаевич, старший преподаватель кафедры театрального искусства ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (г. Симферополь).

Лазарев Феликс Васильевич, доктор философских наук, профессор, профессор ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь).

Соколюк Леся Станиславовна, аспирант 4 курса направления подготовки «Теория и история культуры» ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева» (г. Астрахань).

Стельмах Ирина Федоровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, культурологии и межкультурных коммуникаций ГБОУ ВО РК «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (г. Симферополь).

Сунцов Илья Сергеевич, ведущий библиотекарь отдела редкой книги Крымской республиканской универсальной научной библиотеки им. И. Я. Франко (г. Симферополь).

Щербачук Лидия Федоровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»; доцент кафедры церковно-исторических и гуманитарных дисциплин Религиозной организации – духовная образовательная организация высшего образования «Таврическая духовная семинария Симферопольской и Крымской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)» (г. Симферополь).

Authors

Alimova Elvina Smagilovna, Candidate of Art History, Associate Professor, Head of the Department of Vocal Art of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Simferopol).

Andreichenko Oksana Ivanovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Russian State University of Justice (Crimean branch); Associate Professor of the Department of Russian, Slavic and General Linguistics of the Institute of Philology of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky (Simferopol).

Egorov Vladimir Konstantinovich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the UNESCO Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow).

Getmanenko Anastasia Olegovna, Candidate of Psychological Sciences, Senior Lecturer at the Department of World Culture of the Institute of Humanities and Applied Sciences of Moscow State Linguistic University (Moscow).

Gotsanyuk Natalia Yurievna, Vice-Rector for Public Relations and Communications of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Simferopol).

Ivanov Vyacheslav Aleksandrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Simferopol).

Krygin Nikita Nikolaevich, Senior Lecturer of the Department of Theater Art of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Simferopol).

Lazarev Felix Vasilyevich, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky (Simferopol).

Shcherbachuk Lidiya Fedorovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian, Slavic and General Linguistics of the Institute of Philology of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky; Associate Professor of the Department of Church Historical and Humanitarian Disciplines of the Religious Organization – the Spiritual Educational Organization of Higher Education «Taurida Theological Seminary of the Simferopol and Crimean Diocese of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)» (Simferopol).

Sokolyuk Lesya Stanislavovna, 4th year graduate student in the direction of training «Theory and History of Culture» of the Astrakhan State University named after V. N. Tatishcheva (Astrakhan).

Stelmakh Irina Fedorovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Interlanguage Communications of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Simferopol).

Suntsov Ilya Sergeevich, Leading Librarian of the Rare Book Department of the I. Y. Franko Crimean Republican Universal Scientific Library (Simferopol).

Yershova Maria Dmitrievna, 1st year undergraduate student of the Institute of Philology of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky (Simferopol).

Zagursky Vladimir Ivanovich, Associate Professor, Honored Cultural Worker of the Ukrainian SSR, Dean of the Faculty of Arts of the Crimean University of Culture, Arts and Tourism (Simferopol).

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Культурологические проблемы современного общества

А. О. Гетманенко

Социокультурное проектирование
в современной России
как инструмент выстраивания
коммуникативной модели культурной политики..... 3

Н. Ю. Гоцанюк

Изучение «толстовского пространства»
как актуализация культурного наследия..... 8

В. К. Егоров

Культурные и семейные ценности
в науке и политике:
о сопряжении базовых понятий 13

Образовательная среда в общекультурном пространстве

В. И. Загурский

Основные направления совершенствования
вокально-хоровой подготовки
учителей музыки в условиях педагогического вуза 21

Язык и культура

О. И. Андрейченко

Трансформация прецедентных текстов
как прием языковой игры
в медиадискурсе Крыма 30

Л. Ф. Щербачук, М. Д. Ершова

Сакрализация и десакрализация понятия душа
в художественных произведениях В. И. Даля..... 36

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Э. С. Алимова

Специфика исполнительской деятельности
в области вокального искусства 43

Н. Н. Крыгин

Спектакль «Константин Терехин»
в Театре имени МГСПС как ранний советский опыт
обращения к актуальной драматургии..... 48

Л. С. Соколюк

Постановки музыкальной классики в формате open-air
(на примере проекта «Русские оперы в Астраханском кремле) 60

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. А. Иванов

Мемориал жертвам фашистской оккупации Крыма
1941–1944 гг. «Концлагерь «Красный»:
историографический аспект 64

И. Ф. Стельмах

Из истории становления и развития
Крымского университета культуры,
искусств и туризма (1948–2001)..... 73

И. С. Сунцов

Из истории Российского общества по изучению Крыма:
новые страницы в крымоведческой библиографии 84

РЕЦЕНЗИИ

Ф. В. Лазарев

Рецензия на книгу: Левин Г. Д.
Анализ и синтез. – Москва: Канон+, 2022. – 192 с..... 91

Сведения об авторах 94

Authors..... 95

Научное издание

ТАВРИЧЕСКИЕ СТУДИИ

№ 38 (2024)

Художественный, техн. редактор *Е. В. Мажарова*
Верстка *А. Н. Гладкая*

Подписано в печать: 02.11.2024
Формат 60x84 ¹/₈. Усл.-печ. л. 11.39
Тираж 30 экз. Заказ № 90
Бесплатно
Дата выхода в свет 08.11.2024

Адрес редакции
295017, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Киевская, 39
Тел.: +7 (3652) 27-64-58
E-mail: nauka-kukiit@mail.ru

Адрес издательства
Издательство «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3,
тел.: +7 (978) 891-37-01, e-mail: antikva07@mail.ru

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии ИП Гальцовой Н. А.

Адрес типографии
295492, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пгт Аграрное, ул. Парковая, 7, кв. 908